

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САХАЛИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА:
язык, литература, культура**

Сборник статей

*Ответственный редактор
Е. А. Иконникова*

Южно-Сахалинск
СахГУ
2019

УДК 821.0 (571.64)
ББК 83.3 (2Рос–4Сах)
С22

*Печатается по решению учебно-методического совета
Сахалинского государственного университета, 2018 г.*

Рецензенты:

Степаненко А. А., заведующая научно-просветительским отделом
литературно-художественного музея книги А. П. Чехова «Остров Сахалин»,
кандидат филологических наук;
Лифанова И. В., доцент кафедры русской и зарубежной литературы СахГУ,
кандидат филологических наук.

Редакционная коллегия:

Иконникова Е. А., доктор филологических наук;
Табаченко Т. С., доктор педагогических наук;
Слепцова Е. В., кандидат филологических наук;
Чудинова В. И., кандидат филологических наук;
Шумилова Т. Е., кандидат филологических наук.

С22 **Сахалин и Курильские острова: язык, литература, культура : сборник статей /**
отв. ред. Е. А. Иконникова. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2019. – 112 с.
ISBN 978-5-88811-583-1

УДК 821.0 (571.64)
ББК 83.3 (2Рос–4Сах)

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ В СОДРУЖЕСТВЕ С САХАЛИНСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ	6
Чудинова Виктория Ивановна Место и роль литературного краеведения в деятельности кафедры литературы СахГУ (ЮСГПИ)	6
Тарасов Николай Антонинович Межрегиональные литературные связи писателей Сахалина: 2002–2017 годы	9
Борисова Вера Григорьевна Литературное наследие О. П. Кузнецова в работе Южно-Сахалинской центральной городской библиотеки	13
Паришуква Альбина Валентиновна Литературно-художественный музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин»: форматы общения	16
НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ	20
Потапова Наталья Владимировна Курильские острова в русской литературе XVIII века.	20
Боронец Анжелика Валерьевна Курильские острова в творчестве Аркадия и Бориса Стругацких	28
Рябчук Мария Сергеевна От реалистического к мифологическому: рассказ Анатолия Кима «Шиповник мёко».	33
Шумилова Татьяна Евгеньевна «Новая проза» Николая Тарасова	35
Кинзерская Анастасия Александровна Поэтический мир Николая Тарасова	38
Иконникова Елена Александровна Семья в рассказах и повестях Ирины Левитес	40
Дорофеева Лариса Владимировна «Сюр» и правда Елены Шевич: поэтика прозы.	44
Донская Наталья Юрьевна Мир детства в лирике Елены Намаконовой.	46
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О САХАЛИНЕ И НА САХАЛИНЕ	49
Левковская Анна Юрьевна Ерухим Крейнович: сахалинский период биографии	49
Левковская Анна Юрьевна, Марков Игорь Геннадьевич Письма Ерухима Крейновича Владимиру Богоразу: подготовка к публикации.	52
Фецова Оксана Владимировна Рукописный журнал литературного кружка посёлка Октябрьский.	55
Полупан Елена Борисовна Функционирование экзотизмов в произведениях Владимира Санги	58
Слепцова Екатерина Вячеславовна Концепт «дом» в повести Анатолия Тоболяка «Двое в доме»	61
Добрычева Анна Александровна Сегментация как средство организации текста в прозе Анатолия Тоболяка.	64
Синенко Валентина Юрьевна Топонимы периода Карафуто во фрагменте романа Николая Максимова «Жизнь без жизни».	67

Глинтич Неманья

«Чехов на Сахалине» Шеймуса Хини: опыт перевода
на сербский язык 71

САХАЛИН В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. 79

Ли Ин

Миф о «Трёх солнцах» у нанайцев и хэчжэ 79

Гэ Липин

Цао Тинцзе и остров Сахалин в интересах учёного 81

Ямасита-Соколова Киёми

Сахалин в рассказе Фумико Хаяси «Белая куропатка» 84

Никонова Александра Сергеевна

Эссе Нацуки Икэдзавы «Сахалин, берёзовая роща на 47° с. ш.»:
опыт интерпретации 85

МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ КРАЕВЕДЕНИИ 88

Табаченко Татьяна Сергеевна

Учебно-исследовательская работа старшеклассников
в проекте «Сравнения в книге Антона Чехова “Остров Сахалин”» 88

Кан Алина Владимировна

Японские писатели на Сахалине: материалы для изучающих русский язык. 96

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА САХАЛИНА 101

Николаева Кристина Игоревна

Топоним «Сахалин» в современном китайском языке: этимология слова 101

Лайгун Надежда Александровна

Родовые этнонимы нивхов Сахалина 102

Чикова Тамара Васильевна

Изучение субстантивной топонимии Сахалинской области: направления исследований. 107

ВВЕДЕНИЕ

В первый день декабря 2017 года кафедра русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета отметила 50-летие Сахалинского отделения Союза писателей России. Научные чтения «Литература Сахалина и Курильских островов: традиции, новаторство, перспективы» объединили учёных университета, писателей, сотрудников музеев, библиотек, учреждений основного и дополнительного образования, студентов и магистрантов. Тёплая и творческая обстановка чтений чувствовалась уже на пленарном заседании, открывшемся выступлениями ответственного секретаря Сахалинского отделения Союза писателей России Н. А. Тарасова и заведующей кафедрой русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета В. И. Чудиновой. В самом начале чтений вспоминали тех, кто стоял у основ изучения литературного краеведения на Сахалине, – М. В. Теплинского и Р. Р. Маймана, говорили о выпускниках, носящих звание членов Союза писателей России, – Б. П. Репине, Н. А. Тарасове, М. Д. Зайцевой, В. И. Плотникове, А. А. Сафоновой, упоминали о бывших студентах литературного актива, среди которых, например, журналист «Советского Сахалина» В. И. Василенко.

Сегодня Сахалинское отделение Союза писателей России (а в его состав входит 17 человек), как и прежде, продолжает оставаться профессиональным творческим объединением, книги которого востребованы не только в островной области, но и за её пределами. Критический разбор сахалинской литературы позволяет сказать о её конкурентоспособности в сравнении со столичными, «раскрученными» авторами. Так, по словам доцента Сахалинского государственного университета Л. В. Дорофеевой, рассказ недавно вошедшей в Союз писателей России Е. В. Шевич «Катенька» следует «на концертах читать и в газетах печатать».

С интересом участники и гости чтений восприняли сообщение о теме детства в стихах Е. В. Намаконовой. Преподаватель Южно-Сахалинского педагогического колледжа Сахалинского государственного университета Н. Ю. Донская считает, что произведения сахалинской поэтессы могут стать необходимым материалом в работе методистов дошкольных учреждений области. Яркое и радостное восприятие жизни роднит героев Е. В. Намаконовой с детьми из стихотворений А. И. Дешина (его имя носит областная детская библиотека).

Одновременно с собственно сахалинской литературой на чтениях освещалось и творчество тех писателей, которые когда-то жили или посещали Дальний Восток. В поле внимания докладчиков были не только представители русской литературы и публицистики, но и японские авторы – Фумико Хаяси и Нацуки Икэдзаве. Литературоведческое осмысление сахалинских книг стало не единственным направлением работы чтений, художественная и публицистическая литература Сахалина и Курильских островов анализировалась лингвистами, историками, медотистами.

При этом в поле исследований находилась не только профессиональная литература. Сотрудница Сахалинского областного краеведческого музея О. В. Фецова представила рукописный журнал литературного кружка уже не существующего на северном Сахалине посёлка Октябрьский. Рассказы, патриотические стихотворения, частушки и рисунки детей были отобраны директором школы И. Г. Миromanовым и переписаны кем-то из учеников каллиграфическим почерком.

Вместе с рассмотрением различных феноменов литературы Сахалина и Курильских островов интересным стали и размышления лингвистов о филологических особенностях языков коренных народов Дальнего Востока, отличительных свойствах художественно-выразительной лексики в произведениях островной словесности. На материале публицистических и художественных произведений о Сахалине реализовались методические проекты профессора Т. С. Табаченко и учащихся магистратуры по направлению «Педагогическое образование».

Доклад одного из иностранных участников научных чтений «Литература Сахалина и Курильских островов: традиции, новаторство, перспективы» Неманьи Глинтчи (Сербия) о стихотворении нобелевского лауреата Шеймуса Хини печатается в английской версии с вариантами перевода стихотворения «Чехов на Сахалине» на сербском языке.

Всего на чтениях было заявлено около сорока очных и стендовых докладов учёных из Южно-Сахалинска и Санкт-Петербурга, а также гостей из Японии (Саппоро, Токио) и Китая (Пекина, Гуанчжоу, Харбина). Основная часть докладов прошедших научных чтений составила содержание тематического сборника «Сахалин и Курильские острова: язык, литература, культура».

Редакционная коллегия

УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ В СОДРУЖЕСТВЕ С САХАЛИНСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

МЕСТО И РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАФЕДРЫ ЛИТЕРАТУРЫ САХГУ (ЮСГПИ)

ЧУДИНОВА ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА

Литературное краеведение уже многие годы находится в центре исследовательского внимания кафедры литературы. Преподаватели кафедры постоянно участвуют в конференциях с выступлениями по творчеству сахалинских поэтов и писателей, публикуют работы краеведческой тематики в различных изданиях. Истоки изучения сахалинской литературы и литературы о Сахалине относятся к 1950–60-м годам, когда по инициативе Р. Р. Маймана в филологические программы была введена дисциплина «Литературное краеведение». Именно тогда в вузе стали изучать историю и поэтику литературы родного края. В те годы активно занимался вопросами литературного краеведения заведующий кафедрой литературы ЮСГПИ (Южно-Сахалинского государственного педагогического института) М. В. Теплинский, работы которого посвящены сахалинскому путешествию А. П. Чехова и книге «Остров Сахалин»¹. Позже М. В. Теплинский приезжал на Сахалин и принимал активное участие в конференциях, продолжая развивать тему «Чехов на Сахалине», и в 1990 году была опубликована ещё одна его работа². Литературное краеведение изначально было обращено именно к чеховскому аспекту. Хотя уже тогда появилась небольшая, но весьма ценная работа преподавателя кафедры литературы ЮСГПИ Д. А. Рачкова, в которой он обратился к творчеству писателей Сахалина³.

По инициативе М. В. Теплинского в 1954 г. (по другим данным – в 1956-м) году был создан чеховский клуб, объединивший как почитателей творчества А. П. Чехова, так и всех интересующихся литературой Сахалина. На заседаниях клуба, участниками которого были преподаватели кафедры, часто выступали со своими произведениями сахалинские писатели и поэты. Членами клуба был выпущен литературно-критический альманах «Чайка». Клуб им. А. П. Чехова просуществовал до начала 1980-х годов.

В 1970–1980-е годы зав. кафедрой Р. Р. Майман настойчиво обращал внимание преподавателей кафедры на творчество сахалинских поэтов и писателей: он предлагал ознакомиться с рукописями стихов, рассказов, которые раздавал членам кафедры для внимательного прочтения, прорецензировать их и выступить на обсуждении, проходившем в стенах областной научной библиотеки. В творческих дискуссиях по произведениям сахалинских авторов принимала участие вся кафедра литературы. Роберт Робертович был инициатором и организатором неоднократно проводившихся в ЮСГПИ творческих встреч коллектива преподавателей и студентов факультета русского языка и литературы с сахалинскими писателями и поэтами.

В 1970–1990-е годы литературным краеведением в большей или меньшей степени занимались почти все преподаватели

¹ Теплинский, М. В. Чехов на Сахалине / М. В. Теплинский, Б. Н. Бурятов. – Южно-Сахалинск, 1957 ; Теплинский, М. В. Сахалинские путешествия / М. В. Теплинский. – Южно-Сахалинск, 1962.

² Теплинский, М. В. Чехов на Сахалине / М. В. Теплинский. – Южно-Сахалинск, 1990.

³ Рачков, Д. А. Писатели Сахалина / Д. А. Рачков. – Южно-Сахалинск, 1962.

кафедры: Л. В. Дорофеева, Н. И. Казакова, Е. Ф. Клокова, Г. Н. Кудрявцева, Ю. Д. Проклов, О. Ф. Силютин, Т. Е. Шумилова. В сентябре 1990 года в Южно-Сахалинске состоялся Международный литературоведческий конгресс «Сибирь, Сахалин и Дальний Восток в биографии и творчестве А. П. Чехова», посвященный 100-летию Сахалинского путешествия А. П. Чехова. В нём наряду с известными чеховедами А. П. Чудаковым, Э. А. Полоцкой, Е. М. Сахаровой приняли участие преподаватели кафедры Ю. Д. Проклов, О. Ф. Силютин, Е. Ф. Клокова. В докладе О. Ф. Силутиной рассматривались чеховские традиции в литературе о каторге. Результаты конгресса были представлены в сборнике тезисов.

В 1990 году под редакцией Ю. Д. Проклова вышел сборник «Место и роль Антона Павловича Чехова в истории литературы», в который вошли работы преподавателей кафедры по литературному краеведению. В сборник включён разработанный Р. Р. Майманом и М. Р. Савовой курс факультативных занятий по литературному краеведению. Содержащиеся в нём материалы для занятий со старшеклассниками и методические рекомендации посвящены не только поездке Чехова и книге «Остров Сахалин», но и чеховской теме в художественных произведениях писателей и поэтов островной области, в частности Ивана Белоусова, Михаила Финнова.

В конце 1990-х и в 2000-е годы преподаватели, аспиранты и студенты кафедры стали ежегодно участвовать в традиционных научных чеховских чтениях в музее книги А. П. Чехова «Остров Сахалин», а также в Чеховских международных конференциях, которые проводятся на Сахалине раз в пять лет, с исследованиями, посвященными региональной литературе. Так, А. А. Сафонова, будучи ещё студенткой четвертого курса филологического факультета, выступила на Чеховских чтениях 2000 года с докладом на тему «Книга «Остров Сахалин» в поэтическом сборнике Ю. Немнонова «Читая Чехова...»». А по прошествии полутора десятков лет уже поэзия и проза самой А. А. Сафоновой была проанализирована доцентом кафедры русской и зарубежной литературы Л. В. Дорофеевой в учебном пособии «Литература Сахалина и Курильских островов» (2014, 2015). На Чеховских чтениях 2006 года выступила выпускница Института филологии О. В. Крутых, выполнившая и защитившая дипломную ра-

боту по творчеству А. П. Чехова на кафедре литературы. Тема её доклада и последующей публикации – «Определение понятия национальной и региональной литературы (на материале произведений о Сахалине и Курильских островах)».

Преподаватели кафедры Л. В. Дорофеева и М. Р. Тарасова внесли творческий вклад в региональную прозу и поэзию, опубликовав свои произведения в альманахе «Сахалин» и в других изданиях. Кроме этого, Л. В. Дорофеева является постоянным активным участником творческого объединения «Ли́ра», действующего под эгидой Сахалинской писательской организации. Лариса Владимировна написала большое количество рецензий, отзывов на книги сахалинских авторов.

В разное время получали филологическое образование и писали дипломные работы на кафедре литературы студенты, творчество которых сегодня стало частью сахалинской литературы: Николай Тарасов, Владимир Плотников, Виктория Василенко (Никульникова), Елена Машукова, Анна Сафонова, Наталья Ершова (Зиновьева), Ирина Чаленко (Фёдорова), Марина Зайцева (Гольберг), Ольга Асеева, Сергей Ним, Людмила Гринько и др.

Начиная с 2000-х годов и по настоящее время происходит «расцвет» изучения островной литературы на кафедре. Произошло это во многом благодаря энтузиазму и высокому научному потенциалу доцента кафедры Светланы Александровны Веднёвой, по инициативе которой в 2002 году была проведена научная конференция, приуроченная к тридцатипятилетию Сахалинской писательской организации, а в 2004 году был издан сборник статей «О литературе Сахалина». В сборник вошли пятнадцать статей, посвящённых вопросам истории литературы на Сахалине, содержащих анализ художественных особенностей стихотворных и прозаических произведений сахалинских авторов. Из них восемь написаны преподавателями и аспирантами кафедры литературы.

В октябре 2012 года состоялась международная научно-практическая конференция «Литература и периодическая печать Сахалинской области в социокультурном аспекте; прошлое, настоящее, будущее». В конференции приняли участие все преподаватели кафедры. Материалы конференции были представлены в сборнике «Сахалин и Курильские острова в литературе и периодической печати», созданном под редакцией Е. А. Иконниковой и А. А. Степа-

ненко и опубликованном в 2013 году. Большая часть глав учебного пособия «Литература Сахалина и Курильских островов», вышедшего под редакцией Е. А. Иконниковой в 2014 и 2015 годах, написана преподавателями кафедры русской и зарубежной литературы. В марте 2016 года в областной научной библиотеке при широком участии общественности состоялась презентация этого коллективного учебного пособия. Книга «Литература Сахалина и Курильских островов» была представлена на региональной издательской выставке «Амурские книжные берега» (г. Благовещенск), приняла участие в конкурсе «Город Благой Вести», номинации «Край амурский, край дальневосточный» и была отмечена серебряной медалью «За труд и качество».

Литературная критика преподавателей кафедры (статьи, очерки, рецензии о сахалинской литературе) включена в большинство выпусков «Филологического журнала», издаваемого Сахалинским государственным университетом, и литературно-художественного сборника «Сахалин», после того как в 1997 году это издание было возобновлено. В альманахе «Сахалин» 2010 года в разделе «Критика и библиография» опубликованы очерки Т. Е. Шумиловой «20 лет спустя: о повести Михаила Финнова „Дальняя дорога Антона Чехова“», «Разговор о времени и о себе: о первом опыте в прозе сахалинского поэта Николая Тарасова», очерк Е. А. Иконниковой «О прозе Ирины Левитес». В выпуске альманаха 2013 года опубликован очерк Т. Е. Шумиловой «Курильская „энциклопедия“ Зои Журавлёвой (повесть „Островитяне“)». В сборнике 2017 года – очерк Е. А. Иконниковой «И в Харбине, и на Сахалине... Восточная окраина России и Мураками».

На протяжении многих лет профессор кафедры Т. Е. Шумилова активно занимается литературным краеведением и как литературовед, и как преподаватель. Ею написаны и опубликованы работы по творчеству Михаила Финнова, Анатолия Тоболяка, Владимира Санги. Татьяна Евгеньевна постоянно участвует во всех мероприятиях, посвящённых творчеству сахалинских писателей, которые проводят областная универсальная научная библиотека и музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин». Она разработала авторский курс по литературному краеведению для студентов направлений «Филология» и «Педагогическое образование: русский язык и литература», который стал одной из самых творческих, интересных дисциплин в системе подготовки будущих фи-

лологов и учителей русского языка и литературы. Разработка курса «Литература Сахалина и о Сахалине в контексте курса „Литературное краеведение“ в вузе» была опубликована в 2004 году в межвузовском сборнике научно-методических работ «Актуальные проблемы школьного и профессионального филологического образования» под редакцией Р. В. Якименко. Помимо углубленного изучения огромного количества произведений, осмысления и интерпретации литературы Сахалина и о Сахалине, на занятиях Татьяна Евгеньевна организует живое общение студентов с сахалинскими писателями и поэтами. Эти встречи и студенты, и литераторы воспринимают как настоящий праздник. Николай Тарасов, Анна Сафонова, Владимир Плотников, Ирина Левитес, Владимир Семенчик, Дия Гарина (Лидия Кисенкова) – вот лишь некоторые имена участников этих творческих встреч. Т. Е. Шумилова руководит научными студенческими исследованиями по литературе Сахалина. Ежегодно на студенческих конференциях она организует и проводит обсуждение региональной литературы в формате круглого стола, чтение и анализ сахалинской поэзии. Под её руководством выполнена и защищена дипломная работа по творчеству Владимира Санги.

Не менее активным подвижником и популяризатором литературного краеведения является профессор кафедры Е. А. Иконникова. Во многом благодаря её энтузиазму, настойчивости и трудолюбию в 2014 году вышло в свет учебное пособие «Литература Сахалина и Курильских островов», ответственным редактором которого она стала. Многие разделы книги написаны самой Еленой Александровной. Второе издание книги, исправленное и дополненное, состоялось в 2015 году также благодаря её подвижничеству. Е. А. Иконникова разработала и успешно читает курсы по выбору для студентов «Литература Сахалина и Курильских островов» и «Сахалинская детская книга», участвует в творческих встречах, различных конференциях, связанных с региональной литературой.

Очередным вкладом в изучение и популяризацию литературного краеведения можно считать нынешнюю конференцию, посвященную значимой дате – пятидесятилетию создания Сахалинской писательской организации. Мы надеемся, что это научное мероприятие не станет последним событием, объединившим создателей сахалинской литературы и преподавателей кафедры русской и зарубежной литературы.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ ПИСАТЕЛЕЙ САХАЛИНА: 2002–2017 годы

ТАРАСОВ НИКОЛАЙ АНТОНИНОВИЧ

Литературные связи писателей Сахалина имеют давние корни. Создание писательской организации на Сахалине в 1967 году резко активизировало литературную жизнь на островах, а, значит, и выход островитян для публикации в столичных и региональных журналах («Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Наш современник», «Звезда Востока», «Байкал», «Волга», «Дальний Восток», «Сибирские огни», «Нева», «Аврора», «Огонёк», «Юность», «Смена», «День и ночь», еженедельники «Литературная газета» и «Литературная Россия», альманахи «Поэзия», антологии и другие издания), в издательствах «Советский писатель», «Современник», «Молодая гвардия», «Детская литература», «Воениздат» и других. Создание на островной земле отделения творческого Союза открыло широкие перспективы для активизации творческой работы писателей, стало катализатором литературного процесса. Своеобразие жизни сахалинцев и курильчан, приметы их непростого труда и быта, особенности уникальной природы нашего края – всё это нашло отражение в стихах, рассказах, повестях, романах и пьесах островных писателей, а потому стало ближе и понятнее российскому читателю. Именно со страниц их произведений всесоюзный читатель узнавал об особенностях жизни, о культуре и этносе местных жителей. Анатолий Ткаченко, Владимир Санги, Иван Белосов, Евгений Лебков, Николай Максимов, Ким Цын Сон – «отцы-основатели» писательской организации. Членами Союза писателей СССР стали позже Александр Мандрик, Юрий Николаев, Михаил Финнов, Олег Кузнецов, Валентин Богданов, Борис Репин, Евгений Замятин, Николай Тарасов, Анатолий Тоболяк, Владимир Денисов, Валерий Балюк, Людмила Баженова, Владимир Семенчик. Активности литературного процесса в области и поддержанию читательского интереса к литературе в 1970–1980-е годы способствовало проведение дней и декад литературы с участием пи-

сателей из Москвы, Ленинграда и союзных республик. По приглашению писательской организации в область неоднократно приезжали творческие бригады по 20–30 авторов во главе с видными писателями страны Сергеем Смирновым, Михаилом Дудиным, Даниилом Граниным, Риммой Казаковой, Вячеславом Шугаевым. С островной областью связаны имена видных писателей России: Анатолия Ткаченко, Виталия Коржикова, Геннадия Машкина, Анатолия Кима, Лилии Беляевой, Юрия Леонова, Роальда Добровенского, Анатолия Тоболяка.

Литературному «взаимоузнаванию» содействовали и «литературные мосты» (сборник «Сахалин» – журнал «Аврора»), обмен делегациями: Челябинск – Сахалин, Казахстан – Сахалин и другие.

Последние пятнадцать лет островная литературная жизнь так встроена в культурную жизнь области, что волей-неволей соприкасается и взаимодействует практически со всеми институтами культуры, какие только существуют. Поэтому, чтобы продвигаться вперёд, писателям всё время приходится обновлять, развивать и укреплять партнёрское взаимодействие и связи с учреждениями культуры, образования, с другими творческими союзами и общественными организациями.

Сегодня только благодаря партнёрству с другими ведомствами возможным стало развитие межрегиональных связей с писателями Сибири, Дальнего Востока, Москвы и разными областями средней полосы России. С 2002 года и почти до конца десятилетия молодые сахалинские авторы принимали участие в творческих конкурсах при поддержке департамента образования, культуры и спорта (далее – областного управления или Министерства культуры), участвовали в работе форумов молодых писателей России в Москве (Липках), во Всероссийских семинарах детских писателей (Перedelкино, Ясная Поляна, Мценск). Сахалинка Марина Зайцева неоднократно по собствен-

ной инициативе принимала участие в днях литературы Приморья, а Елена Машукова – в Орловской области.

Совместно с Центром чтения Сахалинской областной универсальной научной библиотеки Сахалинское отделение провело презентацию книги избранных стихотворений «Рисунок на ладони» Елены Машуковой, на которую автор специально прилетела из Орла. А Марина Зайцева на презентацию своей новой книги – из Москвы.

В 2010 году творческие встречи на Сахалине провёл писатель Анатолий Ким, проживавший на тот момент в Республике Казахстан. В том же году состоялись Дни литературы, посвящённые 150-летию со дня рождения А. П. Чехова, с участием писателей Международного пен-центра: Юрия Кублановского, Светланы Кековой, Ирины Ермаковой, Петра Алешковского, Владимира Семенчика и других. В октябре 2011 года на Сахалине прошёл первый фестиваль патриотической книги «О России – с любовью», в котором приняли участие известные российские писатели: Лев Аннинский, Алексей Варламов, Анна Берсенева, Александр Яковлев, Игорь Михайлов, Валерий Дударев.

В октябре 2014 года Министерство культуры Сахалинской области и Сахалинская областная универсальная научная библиотека провели II межрегиональный фестиваль патриотической книги «От Байкала до Тихого океана» в рамках мероприятий, посвящённых Году культуры в Российской Федерации. Фестиваль проводился в целях реализации права граждан удалённых территорий на получение качественных услуг в области культуры и образования. В творческую группу фестиваля вошли 12 членов Союза писателей России из городов Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока: Владимир Скиф (Иркутск), Анатолий Байбородин (Иркутск), Валерий Фатеев (Магадан), Александра Николашина (Хабаровск), Олег Петров (Чита), Константин Корсак (Благовещенск), Владимир Тыцких (Владивосток), Александр Смышляев (Петропавловск-Камчатский), а также писатели-сахалинцы Николай Тарасов, Анна Сафонова, Ирина Левитес, Владимир Семенчик.

Цель фестиваля – повышение культурного уровня жителей Сахалинской области через продвижение книги и чтения, через знакомство с лучшими образцами современной литературы и встречи сахалинских читателей с

известными писателями Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, творчество которых посвящено патриотизму, гражданственности, любви к России и малой родине.

Маршрут фестиваля прошёл из Южно-Сахалинска через Оху – Ноглики – Александровск-Сахалинский – Поронайск – Невельск – Долинск – Корсаков.

Состоялись творческие встречи участников фестиваля с жителями Сахалинской области разных возрастов и профессий в школах, вузах, библиотеках города Южно-Сахалинска и в районах области; круглые столы; презентации литературных журналов «Дальний Восток», «Слово Забайкалья», «На Севере Дальнем», «Сихотэ-Алинь», «Сибирь», «Литературный меридиан», «Колымские просторы», представления новых художественных произведений писателей Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока; акция «Подарок читателю».

Гости приняли участие и в работе литературной площадки четвёртой библиоармарки «САХалинский АРбат».

В рамках гранта губернатора Сахалинской области в сфере культуры и искусства при взаимодействии с Министерством культуры Сахалинской области, Сахалинским фондом культуры, Сахалинской областной универсальной научной библиотекой в октябре 2015 года реализован проект «Дни литературы в Сахалинской области». В творческую группу вошли пять писателей, из них – москвичи Борис Минаев и Вячеслав Недошивин, а также три сахалинца. Литературные встречи прошли в библиотеках Южно-Сахалинска, Корсакова, Невельска, Долинска, Холмска, Тымовского и Александровск-Сахалинского районов. Всего более 1000 читателей побывало на этих встречах.

В 2016 году в рамках гранта губернатора Сахалинской области в сфере культуры и искусства остров посетили известные писатели Крыма: Константин Фролов, Ольга Иванова, а также столичный прозаик Роман Сенчин. Творческие встречи гостей с участием писателей-сахалинцев прошли в северных и южных районах островной области.

В октябре 2017 года гостями III межрегионального фестиваля патриотической книги «О России – с любовью» стали писатели из разных регионов страны: Павел Басинский (Москва), Мария Теплякова (Суздаль), Михаил Щукин (Новосибирск), Марина Саввиных (Красноярск), Евгений Мамонтов (Красноярск), Геннадий Прашкевич (Ново-

сибирск), а также трое писателей-сахалинцев. Творческие встречи прошли в десяти районах Сахалинской области.

Нужно отметить, что в результате таких значимых для нашей культуры событий в региональной и центральной прессе появляются статьи, заметки, иные материалы их участников, расширяющие представления российских читателей о социально-культурной жизни наших островов, об особенностях литературного процесса. Так, столичные критики Павел Басинский и Лев Аннинский обратили пристальное внимание на прозу сахалинца Владимира Семенчика, сопроводив две его книги «Супер-мупер» (2005) и «Консультант по любым вопросам» (2015) своими предисловиями.

«Именно рассказы Владимира Семенчика, сахалинского писателя и журналиста, окончательно убедили меня в том, что “сахалинская школа” в прозе действительно существует»⁴.

«На мои провокационные разглагольствования сахалинцы отвечали твёрдо:

– Это вы там, на материке, надеетесь прожить на авось. Это у вас там границы не меряны и просторы необъятны. А тут гулять особенно негде. И транжириться не с чего. И нравственными ценностями мы дорожим по-настоящему. При всех перестройках системы.

– В чём это выражается конкретно? – не унимался я.

– В поведении человека. В его жизненных решениях. Когда после 1945 года на Сахалин хлынул поток с материка... со всех, можно сказать, краёв, от Беларуси до Татарии... иные, подзаработав, отъезжали обратно, иные же – оставались. Вот тут и пролежала грань между гостями острова и настоящими сахалинцами. Здесь складывался особый психологический климат – оставались те, кто принимал его законы.

– Какие законы?

– Никогда не оставлять без помощи человека, который нуждается в помощи. Беречь

ближнего. И дальнего – беречь.

Мысленно прилагаю этот сахалинский кодекс к рассказам Семенчика»⁵.

«Всё так разрозненно в нашей литературе сегодня. На Сахалине, например, хорошая литература: они надеются, что с них начнется возрождение»⁶.

«И всё-таки, конечно, Чехов. И писатели Сахалина это понимают. А здесь есть замечательные писатели! Это и Николай Тарасов, поэт и прозаик, и Владимир Семенчик, и Анна Сафонова, и другие.

Литературный Сахалин живёт, выпускает свои альманахи, проводит свои конкурсы молодых поэтов и прозаиков, и вот уже третий раз проводит региональный писательский фестиваль.

Ваш покорный слуга прилетел из Москвы. Из Красноярска прибыли Евгений Мамонтов (редкого таланта прозаик, автор удивительных коротких миниатюр и рассказов) и прекрасный поэт, редактор одного из лучших в Сибири журналов “День и ночь” Марина Саввиных. Из Новосибирска – главный редактор журнала “Сибирские огни” (старейшего журнала, возникшего раньше, чем “Новый мир”) Михаил Щукин и писатель Геннадий Прашкевич.

Из Суздаля прилетела Мария Теплякова. Это особый случай. Она и поэт, и прозаик, и ... профессиональный церковный звонарь. Поэтому Марию на Сахалине встречали с особым вниманием. Она “озвучила” колокола в посёлке Тымовском, которые есть, но не звучат по причине отсутствия звонаря. И она дала своеобразный “концерт” колокольного звона в столице Сахалина Южно-Сахалинске... А сегодня на Сахалине очень сильный состав поэтов и прозаиков. На таком острове таланты неизбежны»⁷.

«Самое важное, что Владимир Семенчик – прекрасный поэт и прозаик. И ещё переводчик (перевел книгу стихов южнокорейского поэта). Стихи у него такие, что, когда он исполняет их в аудиториях, у всех лица светятся, точно в них лампочки включили. <...>

⁴ Басинский Павел. Сахалинская школа. О прозе Владимира Семенчика // Владимир Семенчик. Супер-мупер. – Владивосток : Рубеж, 2005. – С. 3.

⁵ Аннинский Лев. Планктоново-кидалово. Уроки сахалинской школы // Семенчик Владимир. Консультант по любым вопросам: избранная проза (Серия «Архипелаг ДВ»). – Владивосток : тихоокеанское издательство «Рубеж», 2016. – С. 4.

⁶ Цит. по: Тарасенко Марианна. Дударев Валерий: писатель узнаётся по повадке. – Режим доступа : // <https://rus.postimees.ee/657844/valeriy-dudarev-pisatel-uznaetsya-po-povadke>

⁷ Басинский Павел. Остров Чехов // Российская газета. – 15 окт. – 2017. – С. 36.

Вот что пишет о Владимире Семенчике-прозаике Л. А. Аннинский. “Фразы у Владимира Семенчика действительно бывают короткие. Но вряд ли рубленые. Рассказчик он прирождённый, прекрасно чувствует интонацию: ритм, подсек, подхват. Экономен, остроумен, контактен. Мотив ловится с полуслова-полувзгляда: “Сели двое...” – и поехало... Однако вряд ли эта прирождённая (гибкая, подвижная, чуткая) манера письма является чертой школы, скорее, это черта таланта автора, которая могла проявиться в рамках людей школы”⁸.

«Наверное, Лев Аннинский прав. Но что-то в Сахалинской литературе есть и от “школы”. Писателей ведь на Сахалине живёт не так много. Южный Сахалин отличается от Северного. Климат океанический, неустойчивый. И ещё это – Остров. У островных жителей должна быть своя психология...

<...> Так что, наверное, нет никакой “сахалинской школы”. Есть сахалинские писатели... И всё равно в них есть общее. И в покойных уже Анатолии Тоболяке и Михаиле Финнове. И в старейшине сахалинского народного эпоса Владимире Санги. И в очень глубоком поэте и прозаике Николае Тарасове (это он перевёл эпос Санги на русский язык). И в поэте Анне Сафоновой. И в Елене Машуковой и Ирине Левитес. И в милейшем, остроумном и бесконечно талантливом Володе Семенчике»⁹.

О сахалинских впечатлениях рассказывали в центральной периодике писатели Алексей Варламов, Игорь Михайлов, Пётр Алешковский, Александр Яковлев, Борис Минаев и многие другие.

В 2014 году совместно с Центром чтения Сахалинской областной универсальной научной библиотеки проведён конкурс юмористических рассказов «Святая простота», посвящённый 155-летию со дня рождения А. П. Чехова. Членами жюри, а затем и редактором-составителем сборника юмористических рассказов «Святая простота» (Н. А. Тарасов) прочитано около 900 рассказов 373 авторов из более чем 60 городов России, дальнего и ближнего зарубежья.

Одним из лауреатов этого международного конкурса стала сахалинская писательница Елена Шевич.

Разнообразие тем и обширная география участников позволяют назвать эту книгу уникальной – в ней раскрываются богатство и возможности русского языка благодаря таланту авторов, где бы они ни проживали: в Москве или в Петербурге, в Крыму или в Таганроге, в Красноярске или в Южно-Сахалинске... Тираж книги пополнил фонды сахалинских библиотек.

Проза и поэзия писателей Сахалина в последнее пятилетие выходила далеко за пределы области и публиковалась в журналах «Дальний Восток», «День и ночь», «Рубеж», «Литературная учёба», «Юность», «Сибирь», «Сихотэ-Алинь», в сербских журналах «Свесске» и «Повелья», в южно-корейском журнале «Азия», в еженедельнике «Литературная газета», в альманахах «Истоки», «Стихи этого года», «День поэзии», в антологиях современной литературы «Наше время», в литературно-художественных сборниках «Сахалин», «Современная проза Сахалина», «Святая простота», «Сахалинский альманах», в других коллективных сборниках и альманахах.

Только за последние пять лет сахалинские писатели выпустили около четырёх десятков книг в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Твери, во Владивостоке и на Сахалине, в том числе по плану первоочередного издания социально значимой краеведческой литературы, который поддерживается правительством области.

Сегодня на Сахалине продолжают плодотворную творческую работу прозаики и поэты, члены Союза писателей России: Владимир Санги, Сергей Ян, Николай Тарасов, Владимир Плотников, Людмила Баженова, Владимир Семенчик, Анна Сафонова, Владимир Губин, Вадим Горбунов, Роман Хе, Ирина Остапенко (Ирина Левитес), Анатолий Орлов, Владимир Гринь, Вячеслав Каликинский, Елена Намаконова, Лидия Кисенкова (Дия Гарина), Елена Шевич. Творческие заслуги нескольких писателей отмечены орденами и медалями РФ, среди членов Сахалинского отделения Союза писателей России есть лауреат Государственной премии РСФСР, лауреаты Горьковской литературной премии, премии Сахалинского комсомола, финалист премии им. И. П. Белкина (лучшая повесть года), лауреаты премий губернатора Сахалинской

⁸ Басинский Павел. Полуостров Сахалин // Российская газета. – 22 окт. – 2017. – С. 44.

⁹ Там же.

области, Сахалинского фонда культуры, различных литературных конкурсов и журналов. И сегодня все авторы Сахалинской обла-

сти продолжают публиковаться в российских журналах, издают книги, работают с творческой молодёжью.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ О. П. КУЗНЕЦОВА В РАБОТЕ ЮЖНО-САХАЛИНСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

БОРИСОВА ВЕРА ГРИГОРЬЕВНА

В декабре 2010 года по решению Комиссии по наименованию улиц, площадей, увековечению памяти известных граждан города библиотеке города Южно-Сахалинска присвоено имя писателя Олега Павловича Кузнецова (1936–2009). Комиссия в момент принятия решения 16 декабря 2010 года состояла из десяти человек. В её составе были: И. А. Лобкин, В. И. Белоносов, Д. И. Сангадеев, С. В. Дмитриев, А. М. Пашков, А. И. Костанов, М. М. Шепеленко, Л. М. Рубан, Б. Р. Мисиков и В. М. Жуланов. Информацию об О. П. Кузнецове представлял А. И. Костанов, начальник Управления по делам архивов Сахалинской области. С этого момента имя писателя навсегда вписано в историю библиотеки, или теперь «Кузнецовки», как стали называть в скором времени библиотеку в обиходе.

Почему именно этого автора сотрудники библиотеки выбрали, прежде чем отправить свою просьбу в комиссию? На этот вопрос отвечает главный библиограф Центральной городской библиотеки Ким Ок За: «Ещё при жизни О. П. Кузнецова библиотека плодотворно сотрудничала с ним. Презентации его книг, творческие встречи неоднократно проходили в стенах библиотеки. В 1996 году писатель встретился с первыми читателями своего романа «Они судьбу не выбирали» и написал библиотеке автограф: «Нам всегда трудно было жить. И сейчас не лучше. Но многим людям и в войну, и в голод, и холод помогала удерживать силу духа Книга. Книга о судьбах людей, о нашей земле»¹⁰.

О. П. Кузнецов любил остров, его природу, людей, москвич по рождению, он не вернулся в столицу и говорил так: «Мой Сахалин, как жизнь, неисчерпаем...».

О. П. Кузнецов оставил читателям большое литературное наследство: написал три объёмных исторических романа («И жили люди на краю», «Возле моря», «А стрелки ходят по кругу»), 14 повестей («Эскадра адмирала Веньки», «Быль о седом калане», «Лагуна», «Чудачник», «Тишина перед рассветом», «Тайны владений Кальмара», «Морской пейзаж», «В ожидании конфликта», «Остров Морского льва», «Надежда обречённых», «За чилимами с ночевкой», «Птица долгой любви», «Разлад», «Претендент на должность», «Черт знает что»), много рассказов, очерков, статей. Все эти произведения печатались отдельными изданиями, в альманахе «Сахалин», на страницах центральных журналов, в местной периодической печати. Роман «И жили люди на краю...» выходил тремя изданиями. Писатель дорабатывал его, менял название. В издании 1993 года вышел двумя отдельными книгами под названием «И жили люди на краю...», в 1996 году – однотомником под названием «Они судьбу не выбирали», в 2003 году, в последнем прижизненном издании, О. П. Кузнецов оставил ему название «И жили люди на краю...».

Библиограф отдела краеведения областной научной библиотеки Л. Ф. Совбан подготовила к 60-летию писателя биобиблиографический указатель «Олег Павлович Кузнецов»¹¹. Указатель включает в себя 290 записей про-

¹⁰ Ким Ок За. Олег Кузнецов: «Мой Сахалин, как жизнь, неисчерпаем...» / Ким Ок За // *И Кузнецовские чтения : материалы гор. краевед. конф. 5 сент. 2013 г. – Южно-Сахалинск, 2013. – С. 18.*

¹¹ Олег Павлович Кузнецов: биобиблиогр. указ.: к 70-летию со дня рождения / СахОУНБ, отдел краеведения ; сост. Л. Ф. Совбан. – Южно-Сахалинск, 2006. – 56 с. (Деятели Сахалин. обл. – Вып. X).

изведений островного писателя. Это издание ценно тем, что оно было опубликовано при жизни писателя, согласовано с ним. Библиографическое издание постоянно используется в работе центральной библиотеки.

Имя в названии Центральной городской библиотеки обязывает выделять персону писателя на первое место во всей информационной работе. Посетителей библиотеки и прохожих на улице Ленина (там, где расположена библиотека) встречает вывеска с портретом писателя, при входе в здание библиотеки располагается портрет О. П. Кузнецова.

Обратимся к фонду библиотеки – основе всех начинаний библиотечарей. В библиотеке имеются все основные издания сочинений О. П. Кузнецова. Исключение составляют первые, изданные в 1960–1970-х годах книги писателя: «Роса на водорослях», «Волочаевка», «Хозяйка рыбацкого стана» и др. Ранние книги О. П. Кузнецова были опубликованы в Хабаровске и не дошли до муниципальной библиотеки, но это не значит, что в фонде должны быть лакуны. Со временем все издания писателя будут размещены на сайте Центральной городской библиотеки.

Имея полиграфические возможности, сотрудники библиотеки пытаются расширить свой фонд и фонды библиотек-филиалов кузнецовскими книгами собственного издания. В 2011 году вышел дайджест «Исторические реалии сахалинской жизни в творчестве О. Кузнецова»¹². В него включены фрагменты из романов «И жили люди на краю...», «Возле моря», из повести «В ожидании конфликта». Выпуск приурочен к 75-летию писателя. В том же году библиотечари решили представить читателям стихи

О. П. Кузнецова. Поэтические произведения О. П. Кузнецова были разысканы на страницах газет Сахалинской области, потом выпущены в небольшом сборнике под названием «Родные места»¹³. Всего в книгу включено четыре стихотворных произведения О. П. Кузнецова. В 2012 году тиражом в 50 экземпляров сотрудники библиотеки издали рассказ писателя «Птица долгой любви»¹⁴. Это произведение имело подзаголовок «рассказ детективный, но что-то странный», а в книжном варианте подзаголовок прозвучал как «повесть детективная, юмористическая».

В 2012 году сотрудники библиотеки приступили к выпуску аудиокниг. В числе пяти таких изданий – аудиорассказ «Птица долгой любви»¹⁵. Эта аудиокнига создана с участием народного артиста Российской Федерации В. В. Абашева¹⁶. На музыкальном фоне он читает историю О. П. Кузнецова.

В 2014 году сотрудники библиотеки приняли участие в грантовом проекте, предложенном фондом социальных инициатив компании «Сахалин Энерджи», проекте «Рождение книги». На деньги гранта было приобретено печатное оборудование.

Библиотека взяла в проект своей работы издание книг сахалинских писателей в серии «Островная библиотека». Запланировали издать пять книг для детей младшего, среднего и старшего школьного возраста. При этом сотрудники хотят осуществить благородную мечту – развивать у детей любовь к чтению, родному краю, к творчеству сахалинских писателей. Время реализации проекта установлено с 2015 по 2020 год.

В этой серии уже издано три сборника: «Остров нашего детства»¹⁷, «Счастливый

¹² Исторические реалии сахалинской жизни в творчестве О. Кузнецова: дайджест / Южно-Сахалин. ЦБС; Центр. гор. б-ка им. О. П. Кузнецова; сост. Ким Ок За; отв. за вып. О. А. Бородина. – Южно-Сахалинск, 2011. – 37 с.

¹³ Кузнецов, О. Родные места / О. Кузнецов; Южно-Сахалин. ЦБС; Центр. гор. б-ка им. О. П. Кузнецова. – Южно-Сахалинск, 2011. – 14 с.

¹⁴ Кузнецов, О. П. Птица долгой любви: рассказ детективный, но что-то странный / О. П. Кузнецов; Южно-Сахалин. ЦБС; Центр. гор. б-ка им. О. П. Кузнецова. – Южно-Сахалинск, 2012. – 35 с.: ил.

¹⁵ Кузнецов, О. П. Птица долгой любви: аудиокнига / О. П. Кузнецов; читает В. Абашев; Центр. гор. б-ка им. О. П. Кузнецова. – Южно-Сахалинск, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): время звучания – 45 мин.

¹⁶ В. В. Абашев с 1982 по 2010 год состоял в труппе Сахалинского международного театрального центра им. А. П. Чехова.

¹⁷ Остров нашего детства: сборник для детей мл. и сред. школ. возраста / сост. П. Антонов; ред. совет: Н. А. Тарасов [и др.]. – Южно-Сахалинск: КорКи'С, 2015. – 144 с.: портр. (Островная б-ка).

¹⁸ Счастливый билет в сказку: лит. сборник для детей сред. школ. возраста / ред. совет: О. А. Бородина (пред.) [и др.]; худож.: В. Овченков, М. Федина, Е. Астахова [и др.]. – Южно-Сахалинск: КорКи'С, 2016. – 176 с.: портр., ил. (Островная б-ка). – Список произведений авт.: с. 174. Содерж.: авт.: Кузнецов О. П., Ткаченко А. С., Лаува К. И., Финнов М. П., Чесалин В. В., Намаконова Е. В., Кисенкова Л. К.

билет в сказку»¹⁸, «Сахалинские робинзоны»¹⁹. Во всех книгах серии перед художественными текстами размещены портреты авторов и краткие биографические справки. Повести и рассказы О. П. Кузнецова всегда на первом месте. В книгу «Остров нашего детства» вошла повесть «Быль о седом калане», во вторую книгу «Счастливый билет в сказку» – рассказы «Ребята, Тимка потерялся» и «Мальчишка с маяка». В сборнике «Сахалинские робинзоны», рекомендуемом для старшего и среднего возраста, напечатана повесть «Эскадра адмирала Веньки». Книги бесплатно раздаются в школьные библиотеки. Кроме повестей и рассказов О. П. Кузнецова в книги серии «Островная библиотека» включены небольшие по объёму рассказы, сказки и стихи Владимира Санги, Семёна Надеина, Лидии Кисенковой, Елены Намаконовой, Натальи Капустюк, Анатолия Дёшина, Елены Машуковой, Анатолия Ткаченко, Карла Лаувы, Василия Чесалина, Николая Золотова, Ивана Белоусова, Михаила Финнова. В настоящее время в работе находится четвёртый выпуск серии «Островная библиотека». Серию книг оформляют художники Владимир Овченков, Екатерина Завалишина и Наталья Кирюхина. Они создают яркие и интересные обложки книг, иллюстрируют рассказы и повести. Внешне книги производят радостное впечатление своим художественным оформлением. Издательству «КорКи'С» центральной городской библиотеки помогает осуществить задуманное свердловская типография «Уральский рабочий».

С 2013 года центральная библиотека стала проводить городское краеведческое мероприятие под названием «Кузнецовские чтения». Первые чтения состоялись 5 сентября 2013 года. На них было прочитано восемь докладов. Сегодня они изданы отдельной книгой²⁰. Четыре доклада первых чтений

были посвящены творчеству О. П. Кузнецова. М. В. Гридяева посвятила свой доклад «Историческая проза в творчестве Олега Павловича Кузнецова». С. В. Смирнов выступил с сообщением на тему «О. П. Кузнецов – писатель, журналист, историк», рассказав о созданном в 1993 году фонде писателя в Сахалинском государственном историческом архиве. С. В. Смирнов был лично знаком с О. П. Кузнецовым, поэтому, выступая в библиотеке, сказал следующее: «Кузнецов в жизни был человеком очень интеллигентным, добрым и простым в общении, человеком с высокой культурой, неиссякаемых знаний, скромный, порядочный...»²¹. Главный библиограф Центральной городской библиотеки Ким Ок За в выступлении «Мой Сахалин, как жизнь, неисчерпаем...» проанализировала работу Центральной городской библиотеки по популяризации творчества О. П. Кузнецова. О «социальном и бытовом положении островитян» по роману О. П. Кузнецова «А стрелки ходят по кругу» рассказала В. Г. Борисова.

Вторые Кузнецовские чтения прошли 26 сентября 2016 года²². На них было заслушано 19 выступлений представителей от Сахалинской областной универсальной научной библиотеки и других библиотек области, а также жителей города Южно-Сахалинска. Тематика выступлений ограничивалась темой «Роль личности в истории Сахалина». Однако приоритет в выступлениях был отдан творчеству О. П. Кузнецова. Чтения начались выступлением по теме «Природа Сахалина в восприятии писателя О. П. Кузнецова» и закончились докладом «Детская проза О. П. Кузнецова». В других выступлениях освещалась деятельность таких людей, как А. С. Хан, В. П. Гайдука, П. А. Леонова, Ф. С. Анкудинова, Г. И. Зотова, Г. И. Невельского, Л. Д. Кимовой, М. С. Головченко, и др. Со многими из этих людей общался О. П. Кузнецов. «Кузнецовские чтения» проходят один раз в три года.

¹⁹ Сахалинские робинзоны : лит. сборник для детей сред. и ст. школ. возраста / ред. совет: О. А. Бородин [и др.] ; худож. В. В. Овченков. – Южно-Сахалинск : КорКи'С, 2017. – 222, [2] с. : портр., ил. (Островная б-ка). – Список произведений авт.: с. 222. Содерж. : авт.: О. П. Кузнецов, А. С. Ткаченко, Н. Е. Золотов, И. Е. Белоусов.

²⁰ I Кузнецовские чтения : материалы гор. краевед. конф. 5 сент. 2013 г. / Центр. гор. б-ка имени О. П. Кузнецова ; отв. за вып. О. А. Бородин. – Южно-Сахалинск, 2013. – 68 с. : ил.

²¹ Смирнов, С. В. Олег Павлович Кузнецов – писатель, журналист, историк / С. В. Смирнов // I Кузнецовские чтения : материалы гор. краевед. конф. 5 сент. 2013 г. / Центр. гор. б-ка имени О. П. Кузнецова. – Южно-Сахалинск, 2013. – С. 29.

²² II Кузнецовские чтения: роль личности в истории Сахалинской области : материалы гор. краевед. конф. 26 сент. 2016 г. – Южно-Сахалинск, 2016. – 96 с. : ил.

В 2012 году центральная городская библиотека начала выпускать литературно-познавательный журнал «Слово»²³, преследуя цель рассказывать о краеведческих книгах, внести свой вклад в изучение истории и культуры области, по возможности рассказать современным и будущим поколениям сахалинцев, какие мы, жители острова начала XXI века. В журнале устоялись следующие рубрики: «Слово о книге», «Слово об авторе», «Слово библиотекарю», «Слово поэтам», «Слово путешественникам» и другие. Художественная литература на страницах журнала представлена и прозой, и поэзией. В журнале «Слово» в каждом из восьми выпусков обязательно идёт речь и об О. П. Кузнецове. И серию книг «Островная библиотека», и журнал «Слово» можно читать на сайте библиотеки.

Новое направление в работе библиотеки – оцифровка произведений О. П. Кузнецова и помещение их на сайт библиотеки. Это кропотливая работа уже начата. Пока ведется сканирование и вычитка романов «И жили люди на краю», «Возле моря», предварять электронную библиотеку О. П. Кузнецова будет электронный альманах о жизни и творчестве писателя.

Центральная городская библиотека использует в работе и старые, испытанные формы: организацию выставок, выпуск буклетов и листовок о творчестве писателя.

Анализируя свою работу по популяризации творчества О. П. Кузнецова, библиотекари считают её более чем удовлетворительной. А как читатели, читают ли они книги О. П. Кузнецова?

Библиотечная статистика на 1 ноября 2017 года выглядела так:

- число читателей центральной городской библиотеки – 3513 человек;
- 54 человека читали романы и повести О. П. Кузнецова в 2016–2017 годах;
- книговыдача книг О. П. Кузнецова – 148.

54 читателя от общего числа 3513 – это только 0,01 %. Цифра – незначительная, но она говорит о том, что читателями городской библиотеки творчество писателя О. П. Кузнецова не забыто.

Библиотека будет и далее совершенствовать свою работу по популяризации творчества писателя, через его книги продвигать знания о нашем крае. В планах библиотеки – издание сборника статей о творчестве О. П. Кузнецова. В числе авторов этого сборника сотрудникам библиотеки хотелось бы видеть и преподавателей кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета. В ближайшее время в планах у сотрудников библиотеки – создание музейной выставки, посвящённой О. П. Кузнецову. Предполагается представить читателям в одном экземпляре все издания книг писателя, какие-то связанные с творческой работой личные вещи О. П. Кузнецова, хочется оформить баннер с фотографиями.

Цель деятельности библиотекарей – это преклонение перед знаменитым земляком, нашей гордостью, продвижение литературного наследия О. П. Кузнецова среди подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ КНИГИ А. П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»: ФОРМАТЫ ОБЩЕНИЯ

ПАРШУКОВА АЛЬБИНА ВАЛЕНТИНОВНА

Литературно-художественный музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» уделяет особое внимание развитию и поддержке интереса сахалинцев разного возраста к чтению ли-

тературных произведений, соответствующих гуманистическим принципам творческого наследия А. П. Чехова.

Один из аспектов музейной деятельности

²³ Слово : лит.-познават. журн. / Центр. гор. б-ка им. О. П. Кузнецова ; гл. ред. О. А. Бородина. – Южно-Сахалинск, 2012–2018. – № 1–9.

по этому направлению – работа с литературой Сахалина и Курильских островов, поэтому в основном фонде музея собрана и ежегодно пополняется коллекция, в составе которой произведения дальневосточных писателей и поэтов, созданные в разное время и в разных жанрах.

Давние партнёрские связи музея книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» и Сахалинского отделения Союза писателей России способствовали созданию совместного проекта под названием «Литературная гостиная в музее». Этот проект посвящён продвижению чтения произведений современных российских писателей для посетителей Литературно-художественного музея книги А. П. Чехова «Остров Сахалин».

В преддверии российского Года литературы, в декабре 2014 года, состоялось открытие литературной гостиной во время презентации поэтической книги «Сон золотой» (2014) Николая Тарасова, ответственного секретаря Сахалинского отделения Союза писателей России.

Следует отметить, что довольно быстро обозначилась тенденция перехода проекта «Литературная гостиная в музее» из локального (городского) в региональный. Подтверждением этому становится то, что по предложению Сахалинского отделения Союза писателей России была подготовлена и проведена региональная презентация первой аудиокниги «Писатели Сахалина: поэзия и проза в авторском исполнении, эпос сахалинских нивхов» (2015).

Аудиокнига задумывалась Сахалинской областной специальной библиотекой для слепых, Сахалинским отделением Союза писателей России и информационно-издательским центром Сахалинского государственного университета как специальный благотворительный проект по организации доступной среды и инклюзивного образования для людей с проблемами зрения.

Важным аспектом уникальности этой аудиокниги являлось то, что произведения сахалинской художественной литературы начитывались их авторами, поэтому по мере создания аудиокниги становилось понятно, что она заинтересует не только людей с ограниченными возможностями здоровья, но и более широкий круг читателей и специалистов. Включённые в книгу образцы нивхского эпоса сделали сборник важным не только для островного региона. Ведь устное народное творчество нивхов в ре-

дакции Владимира Санги признано ЮНЕСКО значимым для мировой культуры в целом.

Ещё в аудиокниге представлен специальный раздел «Поэты Сахалина XX века», где можно познакомиться с произведениями уже ушедших из жизни авторов. Их стихотворения читает в аудиокниге Николай Тарасов, российский поэт и прозаик.

На презентации аудиокниги выступили как уже признанные сахалинские авторы, так и молодые поэты: Анна Сафонова, Владимир Семенчик, Сергей Ян, Ольга Асеева, Ирина Левитес, Николай Тарасов, Владимир Губин и другие.

Литературно-художественный музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» работает с посетителями разного возраста, поэтому в проекте «Литературная гостиная в музее» не существует возрастных ограничений.

По предложению коллег из Сахалинской областной детской библиотеки на очередном заседании «Литературной гостиной в музее» состоялся юбилейный творческий вечер детской поэтессы Натальи Капустюк (род. 1950). На вечере много тёплых слов о юбиляре сказали коллеги по авторскому цеху, сахалинские детские писатели – Елена Намаконова и Елена Долгих. Среди гостей литературной гостиной были участники межрегионального форума «Чтение сегодня и всегда!»: сотрудники Российской государственной детской библиотеки, руководители детских библиотек города Хабаровска и Сахалинской области, юные читатели, поклонники творчества поэтессы.

Для детей и взрослых в «Литературной гостиной в музее» на финише Года литературы с успехом прошла презентация созданного по мотивам фольклора малочисленных народов Крайнего Севера сборника «Сказки над рекой» (2014) Елены Намаконовой (род. 1972).

Вместе с этим особо следует отметить организацию и проведение в 2016 году многоформатного мероприятия по продвижению разноплановой краеведческой литературы: первой ярмарки-презентации книжных новинок регионального издательства «Сахалин – Приамурские ведомости». Эта книжная ярмарка включала в себя несколько последовательно расположенных в музее книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» тематических площадок.

Под девизом «Открой книгу – поймай время!» на главной площадке ярмарки про-

ходила презентация книжных новинок издательства. Здесь, представляя ту или иную книгу, выступали сотрудники издательства: генеральный директор Александр Тарасов, фотографы, дизайнеры, редакторы и, конечно, сахалинские авторы: Почетный гражданин Сахалинской области, написавший два тома мемуаров «Пирамиды власти, или Там, на шахте угольной...» (2013) Валерий Белоносов; холмская писательница Любовь Безбах, написавшая исторический роман «На хвосте креветки» (2012).

На следующей площадке была размещена интерактивная выставка-дефиле «Дегустация книжных новинок» с представлением печатной продукции издательства за 2015 год.

В фойе музея для посетителей ярмарки работал киоск «Книгодром», где можно было приобрести книги, календари и сувениры, выпускаемые издательством «Сахалин – Приамурские ведомости».

По предложению Николая Тарасова в программу реализации проекта «Литературная гостиная в музее» на 2016–2017 годы вошли мероприятия, посвященные творчеству членов Союза писателей России из разных регионов. Так, состоялись очередные заседания в форме творческих встреч с писателями из Москвы, Крыма, Красноярска, Забайкалья и Дальнего Востока с сотрудниками российских литературных журналов «Юность», «Дальний Восток», «День и ночь», «Сибирские огни» в рамках регионального фестиваля патриотической книги, авторских презентаций новых произведений известных сахалинских писателей: Ирины Левитес, Владимира Плотникова, Николая Тарасова, Сергея Яна, Владимира Гриня, Анны Сафоновой, Владимира Семенчика и литературно-театрализованный вечер «Горизонты судьбы Михаила Финнова: мореход, писатель, чеховед».

В этот период в «Литературной гостиной в музее» любители литературы знакомились и с творчеством начинающих авторов: прошли яркие дебютные выступления молодых поэтесс – Анны Гета и Светланы Камушковой, прозаика Антона Кузнецова, членов областного литературного объединения «Лира» при Сахалинском отделении Союза писателей России.

В ходе каждого заседания «Литературной гостиной в музее» у любого желающего из числа посетителей есть возможность высказать своё мнение по той или иной теме или

задать интересующий его вопрос любому участнику проектных мероприятий – писателю, журналисту, издателю, воспользовавшись временем свободного микрофона. Такая интерактивная форма общения создаёт неформальную обстановку и способствует пониманию позиций как авторов, так и их читателей из числа посетителей музея.

Все заседания литературной гостиной организуются в сопровождении тематических выставок-просмотров литературы, периодики, электронных изданий из фондов музея, вызывающих постоянный интерес их участников.

В ходе реализации проекта «Литературная гостиная в музее» по итогам за период с 2015 по 2016 год по программе было запланировано 25 заседаний разных форматов, а фактически подготовлено и проведено – 28. Внеплановые мероприятия были организованы по предложению Сахалинского отделения Союза писателей России. Итоговое посещение мероприятий за указанный период составило 1 378 человек (2015 год – 622 человека, 2016 год – 756 человек).

В основном это жители и гости областного центра Южно-Сахалинска разного социального статуса и возраста: школьники, студенты, преподаватели средних специальных и высших учебных заведений, сотрудники областных и муниципальных учреждений культуры, военнослужащие срочной службы, пенсионеры и сахалинцы с ограниченными возможностями здоровья. Представители приоритетных групп населения (юношество и молодёжь) составили более 38 % от общего количества посетителей проектных мероприятий.

Неожиданным и полезным для организаторов «Литературной гостиной в музее» стал процесс дарения книг от сахалинских писателей, издателей и партнёров проекта. В Литературно-художественный музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» поступило за этот период 78 экземпляров краеведческих и художественных книг, а также четыре электронных тематических ресурса в форме CD. Издания приняты на учёт в основной фонд по теме «Литературное краеведение» и в библиотечный фонд музея.

О деятельности литературной гостиной на сайте музея, в региональных средствах массовой информации, в том числе в Интернете, было размещено 103 анонса и пресс-релиза, 64 итоговые статьи, показаны 28 телесюжетов на телеканалах ГТРК «Ве-

сти: Сахалин, Курилы», «Вести: Культура», «АСТВ», «ОТВ», «Уримал Бансон», «Солнце Телеком-Сахалин», состоялось два информационных выхода в радиоэфир на канале «Радио 105,5».

Партнёрскую информационную поддержку в реализации проекта музея постоянно оказывает Центр чтения Сахалинской областной универсальной научной библиотеки, размещая анонсы, релизы и фотоматериалы событий «Литературной гостиной в музее» на страницах своего блога «Сахалин, Курилы – территория чтения».

В декабре 2016 года в музее состоялся круглый стол по итогам реализации проекта «Литературная гостиная в музее». В его работе приняли участие партнёры и волонтёры проекта, представители общественных организаций, областных учреждений культуры и образования. После обсуждения итогов ре-

лизации проекта «Литературная гостиная в музее» за период с 2015 по 2016 год большинство участников круглого стола признали их успешными, эффективными и соответствующими поставленной цели.

Было отмечено, что благодаря плодотворной реализации проекта в течение двух лет Литературно-художественный музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» провёл результативную апробацию мероприятий разных форматов, способствующих продвижению сахалинцам чтения современных литературных произведений, соответствующих гуманистическим принципам творческого наследия А. П. Чехова.

В этой связи по предложению администрации Литературно-художественного музея книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» деятельность «Литературной гостиной в музее» с 2017 года переведена на постоянную основу.

НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

ПОТАПОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

Причиной появления первых произведений, в которых в большей или меньшей степени звучит дальневосточная островная, а конкретно – курильская тема, является деятельность первооткрывателей Дальнего Востока XVIII века. Возвращаясь в родные края, во-первых, они сами составляли в той или иной форме отчёты о том, что им удалось увидеть во время путешествий, некоторые из которых в XVIII веке и были опубликованы в виде отдельных, самостоятельных произведений (которые, с точки зрения, например, историков, являются и источниками, и исследованиями); во-вторых, их работы и живые свидетельства давали материал для словесного творчества другим авторам.

В конце XVII века пушные богатства Сибири заметно оскудели. Торговля же пушниной была одной из важнейших статей доходов казны. Пётр I с его прозорливым государственным умом сразу же понял, что организация поисковой экспедиции на Восток может принести России большие практические выгоды. Пётр I знал, что Северная Америка тоже была богата пушниной и что в её восточной части между англичанами и французами уже шла ожесточенная борьба за промысловые районы. К этому времени Россия уже прочно закрепилась на Камчатке. Данило Анциферов и есаул Иван Козыревский в 1711 году отправились на байдарках с Камчатки «проведывать Курильские острова»²⁴. Козыревский в 1713 году вновь пытается исследовать Курильские острова, вступив на 1-м и 2-м (Шумшу и Парамушир) островах в бой с айнами и соста-

вив позже «чертёж островов». В дальнейшем описания Алексея Полонского и ряда других авторов о природе и обычаях жителей Курильских островов начала XVIII века в основном даются на подробных записях Козыревского. Пётр I в 1719 году послал на Камчатку геодезистов Ивана Евреинова и Фёдора Лужина с заданием «ехать до Камчатки и далее, куда указано, и описать тамошние места: сошлася ли Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать, не токмо Зюйд и Норд, но и Ост и Вест и всё на карте исправно поставить»²⁵. Евреинов и Лужин побывали на южной оконечности Камчатки, ознакомились с первыми шестью Курильскими островами, составили карту, на которую нанесли четырнадцать островов к югу от Камчатки, но ответа на поставленный вопрос дать не смогли.

В июле 1722 года за поиск пути от Камчатки к берегам Америки высказался известный русский исследователь и государственный деятель Фёдор Соймонов. В начале 1720-х годов Пётр I решил возобновить поиски морского пути от Камчатки к берегам Северной Америки. В 1725–1730 годах Иван Беринг руководил Первой Камчатской экспедицией, главной задачей которой было изучение крайнего северо-востока Азии и выяснение вопроса о том, соединяются ли берега Азии и Америки. Вслед за этим была организована и Вторая Камчатская экспедиция. Вторая Камчатская экспедиция Витуса (Ивана) Беринга исследует Курильский архипелаг. Большую роль в изучении Курильских островов сыграли капитан-командор Витус Беринг и его

²⁴ Василевский, А. А. Очерки истории Курильских островов / А. А. Василевский, Н. В. Потапова. – Южно-Сахалинск, 2017. – Т. 1 : История Курильского архипелага с древнейших времён до Санкт-Петербургского договора 1875 г. – С. 166–167.

²⁵ Там же. – С. 172.

соратники, капитан-командор Алексей Чириков и Мартын Шпанберг. Камчатка должна была стать и стала плацдармом для русского продвижения на острова в северной части Тихого океана²⁶.

Одно из косвенных упоминаний в русской поэзии о Дальнем Востоке и, в частности, о Курильских островах относится к середине XVIII века и принадлежит Михаилу Ломоносову (1711–1765). В своих стихотворениях поэт неоднократно писал о продвижении русских путешественников и мореплавателей на восток и к берегам Северной Америки. Поэтому не случайно в «Оде на день восшествия на Всероссийский престол её величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» (1747) Ломоносов воссоздал величественную картину Тихого океана и «поселенных» на нём островов. Упоминание в поэзии Ломоносова Курильских островов было обусловлено личным знакомством с виднейшим, после Ломоносова, русским академиком XVIII века Степаном Крашенинниковым (1711–1755). Крашенинниковское «Описание земли Камчатки», изданное в 1755 году, – итог путешествий академика по Камчатке в течение 1737–1741 годов в составе Второй Камчатской экспедиции, принадлежит к числу классических произведений географической литературы. Е. А. Иконникова верно пишет, что «под пером Ломоносова как поэта документальные свидетельства Крашенинникова значительно изменились, дополнились рядом иных сведений и явили собой практически идеальную по климатическим особенностям и условиям жизни картину Дальнего Востока»²⁷.

Книга Крашенинникова (опубликованная посмертно) уже после первого издания была переведена на западноевропейские языки (в 1764 году – на английский язык, в 1766-м – на немецкий, в 1767-м – на французский, в

1770 году – на голландский) и заняла видное место в географической и этнографической литературе. «Описание земли Камчатки» было напечатано в XVIII–XIX веках три раза. Первое издание вышло в двух томах в 1755 году, второе, точно воспроизводившее первое, опубликовано в 1786 году, третье было напечатано в 1818–1819 годах по распоряжению президента Академии наук Сергея Уварова²⁸.

Крашенинников стал пионером научного исследования Камчатки. Его данные о природе, быте и языках местного населения, об открытии и освоении этого полуострова представляют бесценное достояние науки. Написанный доступным языком труд Крашенинникова и сегодня читается с неослабевающим интересом.

В определённой степени именно выходом в свет в 1755 году первого монографического исследования о крайних восточных владениях Российской империи – сочинения Крашенинникова «Описание земли Камчатки» объясняется возросший интерес к Курильским островам. Так, глава 9 первой части первого тома посвящена описанию Курильских островов и их населения²⁹. Крашенинников делал попытку объяснить название островов: «Под именем Курильских островов разумеются все почти острова, которые от Курильской лопатки или южного конца земли Камчатки грядой лежат в южно-западную сторону до самой Японии. Звание их произошло от жителей ближайших островов к Камчатке, которые от тамошних народов куши, а от россиян курилами называются». Позднее такая этимология была опровергнута академиком В. К. Вишневским, но затем поддержана Л. Б. Шренком и советскими историками³⁰. Рассуждения Крашенинникова о количестве островов отражали ещё недостаточный уровень знаний россиян о Курильской гряде: «Точное число сих островов определить

²⁶ Василевский, А. А. Очерки истории Курильских островов / А. А. Василевский, Н. В. Потапова. – Т. 1: История Курильского архипелага с древнейших времен до Санкт-Петербургского договора 1875 г. – Южно-Сахалинск, 2017. – С. 170–180.

²⁷ Иконникова, Е. А. Первые произведения русской литературы о Сахалине и Курильских островах // Литература Сахалина и Курильских островов : учебное пособие / отв. ред. Е. А. Иконникова. – 2-е изд., исп. и доп. – Южно-Сахалинск, 2015. – С. 8.

²⁸ Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов / С. П. Крашенинников. – Т. 1. – М. – Л. : изд-во Главсевморпути, 1949. – Режим доступа : http://az.lib.ru/k/krashennnikow_s_p/text_0050.shtml

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

трудно. По словесным известиям, которые собраны были от курилов дальних островов и от японцов, которых на судах к камчатским берегам прибывало, считается их дватцать два, может быть выключая мелкие: ибо по описанию капитана господина Шпанберга, которой доходил до Японии, объявляется их гораздо больше»³¹.

Сведения, доставленные участниками экспедиций о неизвестных ранее землях, и особенно ценные меха, привезённые ими, вызвали большой интерес у русских купцов, а затем – и у русского общества к открытым землям. Вот какое описание промысла каланов населением Тихоокеанского севера и торговли их шукурами дал Крашенинников: «Ловят их трояким образом: 1) сетями, которые ставя, в морском капустнике..., где бобры в ночное время или в сильную погоду имеют убежище; 2) гоняют их в байдарках, когда на море тихая погода, и колют носками так же как котов и сивучей; 3) бьют весною на прижимном льду, которой сильным восточным ветром приносит к берегам в вешнее время, и сей последней промысел, особливо же когда лёд так крепко нажмёт, что можно ходить на лыжах, за клад почитается: ибо тогда все приморские жители устремляются на промысел, и бьют бобров великое множество, которые бродя по льду ищут себе уходу в море. Были случаи, что бобры на шум лесу как на шум волк следуя (такая там бывает вьюга!) сами приходили к камчатским жилищам и сверху в юрту падали. Но такие привалы льду не повсюгодно случаются, и для того те годы, в которые оные бывают, добрыми годами называются: ибо и камчадалы и казаки и купцы имеют от того знатную пользу. Камчадалы могут на них купить у казаков всё, что им потребно: казаки с прибылью променивают их купцам на товары или продают на деньги, а купцы исторговавшись скорее назад возвращаются. Вящшая же польза, что в то время самой лучшей ясачной збор: ибо часто случается, что камчадалы дают бобра или кошлока за лисицу или соболя, хотя бобр по малой мере впятеро дороже соболя, а на китайской границе продаются всякие бобры с валом в девяносто рублей и больше, однако такой поход на них учинился

недавно, а прежде сего и в Якутске покупались оные не свыше десяти рублей. В России нет на них и доныне походу, чего ради привозные бобры покупают временем из Сибирского приказа купцы московские, отсылают их на китайскую границу к прикащикам, и сверх великих расходов, убытков и проторей в рассуждении дальнего расстояния от Москвы до китайской границы, получают великую прибыль». Между прочим, Крашенинников отметил и то, что ценность меха калана «курилами», то есть населением Курильских островов, была осознана только под влиянием русских промышленников и торговцев: «Курилы сих зверей кожи не свыше почитали как тюленьи и сивучьи, пока от россиян не узнали о преимуществе их, однако и поныне бобровое платье на собачье охотно меняют, для того, что собачье теплее и от воды безопаснее»³².

С. П. Крашенинников, не обладая ещё всей полнотой информации о населении Курильских островов, тем не менее, верно подметил важную особенность, заключающуюся в том, что жители северных островов, особенно Шумшу, отличались от жителей островов, лежавших южнее: «Жители сего острова (Шумшу. – Н. П.), так как жители на Курильской лопатке, не прямые курилы, но камчатского поколения, которые по причине некоторых бывших между ими несогласий, особливо же по вступлении в сию землю российских людей, отделились от прочих и поселились на острову и на Лопатке. А курилами прозваны они по жителям второго острова, с которыми они вступя в сродство чрез взаимное брачное совокупление, не токмо некоторые их обычаи приняли, но и знатно от предков своих видом переменились: ибо дети, рождённые от родителей различных оных наций и собою виднее, и волосом чернее, и телом мохнаты»³³. Говоря о втором острове, Парамушире, он отмечал: «Жители сего острова прямые курилы, выехали туда с острова Онекута (5-й остров, Онекотан. – Н. П.), которой довольно населён курилами, а для какой причины неизвестно заподлинно. Господин Стеллер пишет, что жители с дальних островов, приежая на помянутой остров, отни-

³¹ Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов / С. П. Крашенинников. – Т. 1. – М. – Л. : изд-во Главсевморпути, 1949. – Режим доступа : http://az.lib.ru/k/krashenninikow_s_p/text_0050.shtml

³² Там же.

³³ Там же.

мают у тамошних обывателей жен и детей, и увозят с собою, что может быть побудило их оставить своё природное место, и на сем пустом острове поселиться, однако они его не забывают: ибо часто туда ездят, и иногда по году и по два живут там безвыездно. Все утверждают, что между жителями объявленных двух островов и между дальними курилами бывала преж сего комерция: дальние курилы привозили к ним разную деревянную лаковую посуду, сабли, серебряные кольца, которые они в ушах носят, и бумажные материи, а от них брали по большей части орловые перья, которыми оклеиваются стрелы, что и весьма вероятно кажется: ибо со второго Курильского острова и я получил поднос лаковой, чашу, японскую саблю и серебряное кольцо, и послал в императорскую кунсткамеру, которых вещей неоткуда взять было курильцам кроме Японии»³⁴.

Собрать обстоятельную информацию Крашенинников смог только до пятого острова Онекотан: «Жителей на нём довольно число одного роду с курильцами второго острова, как уже выше показано, из которых временем по несколько семей приезжают гостить к жителям Поромусиря, и платят ясак добровольной бобрами и лисицами; почему рассуждать можно, что и прочие курилы того острова ясаку платить не отрекутся, ежели для приведения их в подданство способные люди отправлены будут; и ласковым представлением уверят их о милости её императорского величества и о защищении от их неприятелей, которые их наездом раззоряют. Впрочем, удивительно и противно всем известиям, что обретающиеся здесь японцы объявляют, будто они взяты камчатскими казаками на острове Оннекутане, и будто на оном никаких жителей не находится»³⁵. Немногочисленное население этого и последующих островов было в середине XVIII века, по информации Крашенинникова, ещё не «объясаченным», в частности, «Шимушир (16-й остров, Симушир. – Н. П.) величиною больше прежних и людей на нём много, которые с Курилами первых трёх жилых остро-

вов во всём сходны, токмо не подвластны ни Российской, ни другой какой чужестранной державе»³⁶. В отечественных источниках того времени все Курильские острова, находившиеся далее острова Онекотан и «неподвластные» Российской империи, назывались «дальними островами».

Далее он делает важные предположения о населении Южных Курильских островов: «Остров Матмай... величиною всех больше, а по нём Кунашир превосходит прочие, однако и Итурпу и Уруп немалые острова и прежде объявленные их меньше. На них на всех множество жителей. Итурпские и урупские обыватели называют себя кых-курилы... и имеют особливой язык и сходство с кунаширскими жителями... У японцов по их объявлению все жители последних четырех островов общим званием езо называются: из чего во-первых рассуждать надлежит, что матмайские жители с прежними суть одного рода, и что язык на всех четырех островах один». Крашенинников приводит информацию, полученную от заложников, взятых на острове Парамушир и привезённых на Камчатку: «По их скаске оные кых-курилы на островах Итурпе и Урупе не признавают никакого иного правительства, кроме того, которое сами между собою имеют. А о Матмае как по европейским описаниям путешествий, так и по объявлению японцов известно, что оной остров из давних лет под японским владением. Сказывают, что на всех островах имеется многое число курилов и камчадалов в холопстве, которые прежде сего увожены были»³⁷. Итуруп и Уруп предстают в виде мест, где велась оживлённая торговля товарами, поступающими с севера, так и с юга: «Японские шёлковые и бумажные товары, также и всякие железные домовые потребности приходят на Итурпу и Уруп чрез жителей острова Кунашира, а они выменивают их у матмайских обывателей. Напротив того, на Итурпе и Урупе ткнут кропивные товары, которые у японцов похожи, а притом продают им привозную с ближних к Камчатке островов, и которую у себя имеют, мяхкую рухлядь, также сушёную рыбу и китовой жир,

³⁴ Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов / С. П. Крашенинников. – Т. 1. – М.–Л. : изд-во Главсевморпути, 1949. – Режим доступа : http://az.lib.ru/k/krashennnikow_s_p/text_0050.shtml

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

которой матмайские жители употребляют в пищу, а по европейским известиям и по описаниям путешествий возят и в Японию». О населении Кунашира, на основе информации Стеллера, он сообщал: «Жители сего острова по его ж объявлению, ходят в долгом шёлковом и китайчетом платье, имеют великие бороды, не наблюдают никакой чистоты и питаются рыбою и китовым жиром... Государя над собою никакого не знают, хотя живут и близко от Японии. Японцы приезжают к ним ежегодно, но на мелких судах и привозят железные всякие вещи, медные котлы, деревянные лаковые подносы и чашки, листовой табак и шёлковые, и бумажные ларчицы, а меняют их на китовой жир и на лисицы, которые там ловятся, токмо оные в рассуждении камчатских и малы и худы. Кунаширцы говорили россиянам, чтоб они береглись матмайских обывателей, для того что у них большие пушки, которые они пиг называли; а при том спрашивали у наших, не из севера ли они приехали? и не те ли они люди, которые славны своею силою, что со всяким войну иметь и всякого побеждать в состоянии. Язык кунаширских жителей не имеет почти никакой отмены от курильского языка, которым говорят на втором Курильском острове Поромусире. что ему заподлинно утверждал... курилец Липага, которой был толмачем при господине капитане Шпанберге во время его морского путешествия к Японии»³⁸.

С. П. Крашенинникова по праву можно назвать классиком русской науки. «Классической книгой» называет его труд академик Л. С. Берг³⁹. Данные этой книги широко используют советские учёные самых различных специальностей: географы, этнографы, историки, лингвисты, археологи и т. д.

После открытия Алеутских островов на Камчатке, в Петропавловске, развернулась бурная деятельность промышленников, мореходов – создавались многочисленные ком-

пании, снаряжались суда для промысла морского и пушного зверя, поиска новых мест его добычи. Во второй половине XVIII в. было организовано более ста частных промысловых и пять правительственных экспедиций⁴⁰. Их участники детально описали земли, открытые русскими в северной части Тихого океана, и нанесли их на карты, подтвердив таким образом принадлежность их России и обеспечив возможность их хозяйственного освоения⁴¹. С 1740-х годов русские начинают всё более тесно взаимодействовать с жителями Курильских островов, вступая с ними в торгово-обменные отношения, собирая с них ясак. Вполне обоснованной представляется точка зрения Д. Стефана, что именно с 1740-х годов начинается новый период истории Курильских островов: «После экспедиции Шпанберга в 1738–1739 г.г. активная деятельность русских на Курилах перешла от изучения островов к их заселению, подчинению местных племен и коммерческому наступлению на Японию»⁴². Экономические и геополитические интересы Российского государства требовали получения географической, геологической, этнографической, лингвистической и иной информации о новых землях и их коренных жителях, а также о потенциальных конкурентах – близлежащих государствах. Поэтому одновременно с частнопредпринимательской деятельностью купцов и промышленников осуществлялись и правительственные меры по изучению и освоению вновь открытых земель.

Закреплению прав Российской империи на Курильские острова способствовали плаванья, предпринятые купцами П. С. Лебедевым-Ласточкиным и Г. И. Шелиховым⁴³, направленные как на сбор ясака и улучшение отношений с айнами, так и на установление торговых отношений с Японией⁴⁴. Развитие пушного промысла (что совпадало с интересами Российской империи по хозяйственному освоению вновь приоб-

³⁸ Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов / С. П. Крашенинников. – Т. 1. – М. – Л. : изд-во Главсевморпути, 1949. – Режим доступа : http://az.lib.ru/k/krashenninnikow_s_p/text_0050.shtml

³⁹ Берг, Л. С. Очерки по истории русских географических открытий / Л. С. Берг. – М. – Л., 1946. – С. 144. – С. 322.

⁴⁰ Подробно об этом см.: Макарова, Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. – М. : Наука, 1968.

⁴¹ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – С. 6.

⁴² Стефан, Д. Курильские острова. Русско-японский рубеж на Тихом океане ; пер. В. В. Переславцева // Краеведческий бюллетень. – 1990. – № 2. – С. 37.

⁴³ В источниках и литературе может встречаться и другое написание – Шелехов.

⁴⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 577. Л. 3–7.

ретенных земель и их защите от иностранных промышленников) способствовало созданию мощной монопольной купеческой компании Шелихова–Голиковых и образованию в конечном счете Российско-Американской компании⁴⁵.

В 1775–1785 годах компания Шелихова–Лебедева–Ласточкина с целью приведения в подданство «мохнатых айнов» южных Курильских островов, налаживания торговли с Японией, получив под этим предлогом монопольное право на ведение торговли и промысла на Курильских островах, предпринимает несколько экспедиций, в ходе которых теряет суда, людей, но и вступает в контакт с японцами и «мохматыми айнами», доходит до Хоккайдо. Ценную географическую информацию сумели собрать унтер-офицер Иван Очередин, переводчик Иван Антипин и иркутский купец Дмитрий Шабалин, по результатам этой экспедиции на «Карту Курильских островов 1778 г.», составленную по описанию Ивана Антипина и Ивана Очередина, были нанесены все Курильские острова и Хоккайдо⁴⁶. Однако, «истратив на японскую экспедицию до 100 тыс. собственных денег и задолжав казне 8 754 руб. кроме процентов, Лебедев решился обратить наконец всю свою деятельность на производство промыслов на Алеутских островах и Американских берегах, чтобы выгодами от них возместить прежняя свои потери»⁴⁷.

В 1781 году купцы Григорий Шелихов и Иван Голиков предприняли поездку в Санкт-Петербург с целью добиться правительственной поддержки их идеи основания у берегов Северной Америки первых постоянных русских промысловых селений. Для осуществления этого замысла Шелихову нужны были большие средства. Некоторые питерские сановники ссудили Шелихова и Голико-

ва деньгами, твёрдо веря, что новое предприятие иркутян окажется весьма доходным⁴⁸. Г. И. Шелихов так объяснял цели учреждаемой им Северо-Восточной американской компании в 1781 г.: «Составляю кампанию в Северо-восточном Тихом окияне для поисков неизвестных островов и земель и сыскания необитаемых диких народов, которых собственными трудами и капиталом из усердия ко отечеству стараясь сыскать и подводить под высокосамодержавную российскаго императорскаго престолавлестия, а затем и для собственной своей пользы чрез посредство промысла на тех островах и землях дорогих зверей»⁴⁹.

Итогом развития этой ситуации стало появление 22 декабря 1786 г. двух указов Екатерины II. Первый Указ Коллегии иностранных дел о сохранении права России на земли и острова, открытые русскими мореплавателями в Тихом океане, и Указ Екатерины II Адмиралтейств-коллегии об отправке эскадры в Тихий океан для охраны российских владений⁵⁰. По мнению К. Е. Черевко, к концу XVIII века было осуществлено формальное присоединение к России Курильских островов, в том числе их южной части, по её внутреннему законодательству, в отношении которых ею осуществлялись акты суверенной власти, не противоречащие международному праву и даже в известном смысле признанные другими государствами. Однако эти права России на все Курильские острова не были закреплены ни в двустороннем русско-японском, ни в каком-либо международном соглашении России с другими государствами, кроме того, власти России не смогли наладить регулярный административный контроль над Южными Курилами⁵¹.

На рубеже 1780–1790-х годов активность иностранных судов на севере Тихого океа-

⁴⁵ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – С. 6.

⁴⁶ Черевко, К. Е. Территориально-пограничные вопросы во взаимоотношениях России и СССР с Японией : дис. ... док. ист. наук / К. Е. Черевко. – М., 1992. – С. 171 ; Русские экспедиции. – С. 177–178.

⁴⁷ Полонский, А. С. Курилы / А. С. Полонский // Краеведческий бюллетень. – 1994. – № 4. – С. 19.

⁴⁸ Полевой, Б. П. «Колумб русский» Григорий Иванович Шелихов и его книга – предисловие к книге: Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам / Б. П. Полевой. – Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1971. – С. 21.

⁴⁹ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – С. 203.

⁵⁰ Там же. – С. 232–233.

⁵¹ Черевко, К. Е. Территориально-пограничные вопросы во взаимоотношениях России и СССР с Японией : дис... док. ист. наук / К. Е. Черевко. – М., 1992. – С. 181.

на возрастает: к английским промышленникам добавляются американцы, французы, шведы, о чем обеспокоенно сообщали Г. И. Шелихов, иркутский генерал-губернатор И. А. Пиль⁵².

В 1791 году в Петербурге в двух книжных лавках, принадлежавших известному столичному книготорговцу и книгоиздателю Василию Сопикову, появилась небольшая книжечка, которая имела название в стиле XVIII века – длинное и замысловатое: «Российского купца Григорья Шелехова странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному Океану к Американским берегам и возвращение его в Россию с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктака и Афагнака, до коих не достигал и славный Аглинский мореходец Капитан Кук, и с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежд обитающих там народов, покорившихся под Российскую державу...». Так, в 1791 году впервые был издан отчет Г. И. Шелихова о его интереснейшем плавании вдоль Алеутских островов к берегам Северной Америки, к островам Кадьяк (Кытак) и Афогнак. Несмотря на то, что язык Г. И. Шелихова был суховато-официальным, книга произвела сильное впечатление на читателей. Многие из наших соотечественников впервые узнали, что в годы нашумевших плаваний в северную часть Тихого океана англичанина Джеймса Кука и француза Лаперуза русские мореходы тоже не бездействовали: они совершали смелые походы в Тихом океане, чаще всего к берегам Аляски через район Алеутских островов⁵³.

Книга открывалась рисунком, на котором был изображён сам Г. И. Шелихов, выменивающий у жителей островов шкуры диковинных морских зверей. Внизу под рисунком крупными буквами была набрана знаменитая строфа из поэмы Михаила Ломоносова «Пётр Первый»:

*Колумбы русские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворяют на Восток,
И наша достигнет в Америку держава,
И что во все концы достигнет россов слава*⁵⁴.

Так, Шелихов в самом конце XVIII века проинформировал русское общество, что его стараниями мечта Петра Первого и М. В. Ломоносова осуществилась. Русские не только достигли Аляски, но и закрепились там... Потому-то поэт Гавриил Державин впоследствии и назвал Г. И. Шелихова «Колумбом русским». Нужно лишь учесть, что для XVIII века создание постоянных русских поселений у берегов невероятно далёкого континента было действительно поразительным событием. Поэтому о книжке Г. И. Шелихова заговорили буквально по всей России. Быстро уловив настроение читателей, издатель Василий Сопиков пожелал раздобыть новые отчёты о плаваниях россиян в американских водах. И ему удалось получить копию рапорта о смелых морских предприятиях, организованных Григорием Шелиховым, – о плавании у берегов Северной Америки его помощников (опытных русских мореходов) Герасима Измайлова и Василия Бочарова. В 1792 году Василий Сопиков выпустил новую книжку с не менее длинным названием, которое начиналось со слов: «Российского купца Григория Шелехова продолжение странствования по Восточному Океану к Американским берегам в 1788 году...». И эта публикация Сопикова была встречена современниками с живейшим интересом. В ней шла уже речь не об освоении островов, расположенных у берегов Северной Америки, а об изучении таинственных берегов самого континента. Приоритет России в этом важном деле становился общеизвестным. В 1793 году Василий Сопиков решил выпустить книжку Шелихова новым изданием. На этот раз она называлась «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелехова первое странствование...». К этому изданию Сопиков добавил занявшее более двадцати страниц географическое описание Курильских и Алеутских островов. В том же 1793 году книга была трижды переиздана на немецком языке. А позднее – в 1795 и 1803 годах, труд Шелихова дважды выходил на английском языке в

⁵² Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – С. 261–262, 262–264.

⁵³ Полевой, Б. П. «Колумб русский» Григорий Иванович Шелихов и его книга – предисловие к книге: Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам / Б. П. Полевой. – Хабаровск : Хаб. кн. изд-во, 1971. – С. 5.

⁵⁴ Там же. – С. 6.

переводе с немецкого. И все же в начале XIX века книги Шелихова стали библиографической редкостью⁵⁵.

Как показала предшествовавшая история, судьба коренного народа Курильских островов мало волновала русских промышленников и местных чиновников, они были значимы лишь как «ясачные души». Так, Шелихов оставил следующее описание коренного народа Курильских островов. В исследуемый период, по его информации, были заселены айнами такие Курильские острова: 1. «Шоумшчу» (Шумшу) – «ясачных 44 души»; 2. «Поромушир» (Парамушир) – «ясачных 76 человек»; 12. «Мутова или Матоуса» – населения нет, но «возле острова сего лежит другой, низменный... На сем острове ясачных 3 человека, жен 84, детей мужеска полу 14, женска 28»; 13. «Расагу или Рашауа»: «Малое число жителей острова сего нравами и образом жизни подобны курильцам, живущим на первых островах, и говорят одинаким языком»; 18. «Уруп»: «Около острова водятся бобры и нерпы, для промыслу оных приезжают мохнатые курильцы с островов Еторту, Кунасыра, Чикота и других и живут до августа, а некоторые остаются тут и зимовать»; 19. «Еторту» (Итуруп): «По разным бухтам на сём острове живут мохнатые курильцы 199 большими семьями, мужеского полу 92, женского 117, малолетних мужеска 38, женска 72»; 20. «Кунасыр или Кунашир»: «На острове живут местами мохнатые курильцы, мужчин 41, женщин 93; детей мужеска полу 27, женска 33. На сём острове построена крепость и обведена рвом»; 21. «Чикота или Шигодан»: «По речкам и озёрам живут мохнатые курильцы, промышленяющие в море и озёрах рыбу»⁵⁶. Далее он сообщал, что «Матмай, или Аткис-остров, от острова Чикота отстоят на 20, а от Кунасыра на 25 верст. Величина сего острова неизвестна, а некоторые японцы думают, что он есть часть матерой, земли; но мы того за верное принять не можем и точно не знаем, островом ли его считать или матерою землею. На южном конце Матмая есть городок того же

имени, где живёт начальник. Величина земли владения японцев и китайцев неизвестна. Собственно же Матмаем владеют мохнатые курильцы, неподвластные ни китайцам, ни японцам, и имеют свои законы. Каждая их часть имеет начальников – старших в роду, которые правят как хозяева, главные повелители; но есть ли у них главная особа – неизвестно»⁵⁷. Он же дал краткое описание образа жизни населения Курильских островов: «Курильцы о боге ни какого понятия не имеют, а объявляют, что в старину кто-то в тумане сходил с неба на землю; обожают птицу филина и имеют множество болванчиков... Мертвых зарывают в землю и верят, что они живут под землею. Курильцы все отращивают бороды, которые от самых глаз всё лицо закрывают; по всему телу имеют мелкие волосы, а на грудях густые и чёрные, отчего и получили название мохнатых. Начальники и зажиточные люди их носят японские и китайские азямы, а прочие – шитое из кож медвежьих и диких коз, так же и тканное из лыка платье. В шитье оного упражняются женщины. На последних трёх островах жители говорят на одном языке и, разговаривая, часто гладят бороды и брюхо и, глядя ладонь о ладонь, гогочут: “га, гое, га”. Письмян же никаких не имеют. Во время кушанья всякий хозяин или старшина разрезывает поставленное, как-то рыбу и прочее: первый кусок кладёт себе, а потом делит по старшинству. Во время их кушанья все сидят кротко и молчат; старший же при разделе гогочет. Курильцы мохнатые в последних четырёх островах живут на балаганах, устроенных на столбах, обкладенных и покрытых травой. Ежели в балагане кто умрёт, то на другом месте делают новый»⁵⁸. Таким образом, по мнению Шелихова, айны южных Курильских островов, а также Хоккайдо были независимы от японцев, в то время как многочисленные «ясачные души», подданные Российской империи, населяли острова не далее 12-го Расшуа.

Публикации материалов Шелихова активно способствовали дальнейшему расшире-

⁵⁵ Полевой, Б. П. «Колумб русский» Григорий Иванович Шелихов и его книга – предисловие к книге: Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам / Б. П. Полевой. – Хабаровск : Хаб. кн. изд-во, 1971. – С. 8.

⁵⁶ Шелихов, Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам / Г. И. Шелихов. – Хабаровск : Хаб. кн. изд-во, 1971. – С. 62–72.

⁵⁷ Там же. – С. 62–73.

⁵⁸ Там же. – С. 73.

нию русских знаний о Курильских островах. Однако сам он подошел к этой ценнейшей информации чисто утилитарно: предприниматель убедился, что промысел на Курилах не сулит ему особых выгод, почему и решил переключить своё внимание исключительно на Алеутские острова⁵⁹.

Экспедиция Адама Лаксмана (1792–1793) стала первой официальной попыткой России установить дружественные отношения и начать торговлю с Японией. В июле 1793 года японское правительство согласилось принимать ежегодно по одному русскому торговому судну в порту Нагасаки. Одновременно японское правительство уведомило Лаксмана о запрещении плавать вдоль берегов Японии⁶⁰. Григорий Шелихов решил немедленно воспользоваться этой ситуацией и послать в Японию своё торговое судно. Шелихов явно не хотел упускать из своих рук возможность первым открыть торговлю с японцами; этим обстоятельством объясняется его интерес к южным Курильским островам⁶¹. Для закрепления на Курильских островах Российской империи и своих интересов, имея в виду в перспективе развитие торговли с Японией, Шелихов вновь обращается к устройству на острове Уруп постоянного русского поселения⁶².

Однако к середине 1790-х годов со смер-

тью Екатерины II у Кирилла (Эрих) Лаксмана и Григория Шелихова возникло временное затишье в «курильском вопросе», в вопросе движения в сторону Японии к югу по Курильским островам. Кроме того, определённую роль в снижении интереса к торговле с Японией сыграло развитие торговли с Китаем в Кяхте⁶³.

Итак, первые произведения о Курильских островах относятся к тому времени, когда Россия (как само государство, так и частные лица, промышленники) пыталась закрепиться на севере Тихого океана, с одной стороны – участвуя в геополитическом соперничестве, с другой – имея в виду цели исключительно экономического свойства. Содержание этих немногочисленных, но очень важных работ отражает этот сложный и противоречивый процесс, изучение которого представляет огромный интерес, как исторический, так и историко-литературный и, собственно, литературный. В исследуемый период в связи с геополитическими процессами, протекавшими в регионе, как представляется, закладываются такие важнейшие особенности отечественной литературы об островах, как стремление авторов подчеркнуть принадлежность этих земель России, их неразрывную связь с большой землей. И как следствие – это патриотическая направленность литературных произведений, подчеркнутая любовь к суровой островной природе.

КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В ТВОРЧЕСТВЕ АРКАДИЯ И БОРИСА СТРУГАЦКИХ

БОРОНЕЦ АНЖЕЛИКА ВАЛЕРЬЕВНА

Немногим любителям фантастики известен факт сопричастности к литературному краеве-

дению Сахалина и Курильских островов братьев Стругацких – Аркадия Натановича (1921–

⁵⁹ Полевой, Б. П. «Колумб русский» Григорий Иванович Шелихов и его книга – предисловие к книге: Шелихов Г. И. *Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам* / Б. П. Полевой. – Хабаровск : Хаб. кн. изд-во, 1971. – С. 20.

⁶⁰ *Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов.* – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – С. 314–315.

⁶¹ Шелихов, Г. И. *Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам* / Г. И. Шелихов. – Хабаровск : Хаб. кн. изд-во, 1971. – С. 123.

⁶² *Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов.* – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – С. 315–316, 321.

⁶³ Стрижова, И. Б. *Русско-японские отношения XVIII начала XIX в. : дис. ... канд. ист. наук* / И. Б. Стрижова. – Самара, 2003. – С. 87.

1991) и Бориса Натановича (1933–2012)⁶⁴. Это объясняется прежде всего тем, что имеющие отношение к Дальнему Востоку книги писателей были созданы в самом начале творческого пути фантастов, а одно из таких произведений впервые было опубликовано только в 2001 году. В некоторых интервью старший из братьев высказывал их несерьёзное отношение к самым ранним произведениям. Однако обратим внимание на написанные в 1950-е годы произведения Аркадия Стругацкого (позднее эти произведения вошли в совместные сборники с Борисом Стругацким).

Океан всегда интересовал Аркадия Стругацкого, и его судьба сложилась таким образом, что он был вынужден соприкоснуться с водной стихией во всей её красе.

Биограф братьев Стругацких Антон Скаландис приводит оставленное в письмах к родным следующее высказывание старшего из братьев: «Океан для меня всё... В детстве я страстно увлекался морской биологией. Много читал об океане, восхищался разнообразием жизненных форм в его глубинах – раки-отшельники, актинии, медузы, осьминоги... Ну, а потом по долгу службы пришлось попасть на океан и увидеть всё это своими глазами. Это был рай детской мечты... Я не считаю потерянными годы своей учёбы и службы на Камчатке. Если б не было этих сопки и этого океана, стал бы я писателем? Не знаю... А если б и стал, то совсем другим»⁶⁵. И рассказать о своей службе на Дальнем Востоке не только родственникам, но и многочисленным читателям Аркадию Стругацкому, безусловно, удалось.

В 1949 году Аркадий Стругацкий окончил Военный институт иностранных языков по специальности «переводчик японского и английского языков». Летом того же года он как переводчик участвовал в проходившем в Хабаровске процессе над генералами японской Квантунской армии, был переводчиком на следствии при подготовке Токийского процесса над японскими военными преступниками, преподавал японский и английский языки в офицерском училище в Канске (1950–1952). В

1952 году молодой лейтенант Аркадий Стругацкий был отправлен на Камчатку переводчиком в отдел разведки штаба дивизии.

Вот как пишет об этом факте биографии Аркадия Стругацкого Антон Скаландис: «Это была дорога на океан. В порту Ванино он впервые почувствовал и запомнил на всю жизнь, что такое настоящий океанский прибой. Тот, кто видел хотя бы однажды это широкое и могучее колыхание водной массы пусть даже в самую тихую, безветренную погоду, – тот никогда не перепутает его с обычными волнами, лениво накатывающими на берег любого из внутренних морей, как нельзя перепутать тяжёлый вздох уссурийского тигра в таёжном мраке с уютным посапыванием домашнего кота на кресле.

Из Ванино, а может быть, даже из Советской Гавани, на какой-то помятой и чадающей посудине его доставили в порт Корсаков и оттуда в Южно-Сахалинск, где в общей сложности продержали недели три. Было здорово, как на курорте: тёплое море, красивейшие сопки, буйная, экзотическая растительность. А дальше стало ещё экзотичнее. Он плыл до Петропавловска, куда прибыли 30 июля, вдоль всей Курильской гряды по океанской стороне, и новых, совершенно необычных впечатлений было столько, что порою Аркадию чудилось, будто всё это происходит во сне или вообще не с ним. Огромные чёрно-лиловые, голубые, фиолетовые, розовые горы поднимались из-за морского горизонта с нереальной внезапностью, как декорации в театре; строгие конусы потухших вулканов глядели в небо своими тёмными жерлами; угрюмые голые скалы чередовались с густыми зелёными зарослями; и чужеродно, жутковато, фантастично смотрелись на этом фоне вдребезги разбитые японские укрепления, военные катера, выброшенные на берег или воткнувшиеся в него, обгорелые и покорёженные, и даже подводные лодки, как мёртвые рыбыны, лежащие сверху брюхом»⁶⁶.

В ночь с 4 на 5 ноября 1952 года произошло неожиданное: в Тихом океане, в ста пятидеся-

⁶⁴ Одно из немногих исследований этого принадлежит Е. Ф. Клоковой. См. её работу: Клокова, Е. Ф. Аркадий Натанович – наш сахалинский земляк / Е. Ф. Клокова // Филологический журнал : межвуз. сб. науч. ст. / Сах. гос. ун-т ; сост. Г. Д. Ушакова ; редкол. Г. Д. Ушакова [и др.]. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 1993. – Вып. 2. – С. 235–244.

⁶⁵ Цит. по: Скаландис, А. Братья Стругацкие / А. Скаландис. – М. : АСТ «Москва», 2008. – С. 110.

⁶⁶ Скаландис, А. Братья Стругацкие / А. Скаландис. – М. : АСТ «Москва», 2008. – С. 112.

ти километрах от берега, случилось землетрясение. И вот так отразилось произошедшее на острове Шумшу в стихах Аркадия Стругацкого, использующего японский вариант названия острова – Сюмусю:

Чёрный Остров Сюмусю,
Остров ветра Сюмусю,
В скалы-стены Сюмусю
Бьёт волнами океан.
Тот, кто был на Сюмусю,
Был в ту ночь на Сюмусю,
Помнит, как на Сюмусю
Шёл в атаку океан,
Как на пирсы Сюмусю
И на доты Сюмусю
И на крыши Сюмусю
С рёвом рухнул океан.
Полчаса на Сюмусю –
Сто веков на Сюмусю
В снежных сопках Сюмусю
Бесновался океан.
А наутро, Сюмусю,
К скалам-стенам Сюмусю
Много трупов, Сюмусю,
Вынес Тихий Океан.
Чёрный Остров Сюмусю,
Остров страха Сюмусю.
Кто живет на Сюмусю,
Тот глядит на океан⁶⁷.

Всё это заставило Аркадия Стругацкого не только нарисовать в своём воображении суровые картины катастрофы с японским акцентом, но и задуматься над тем, что же произошло в августе 1945 года на Курильских островах?

В 1945 году, когда советскими войсками была разгромлена японская Квантунская армия, была обнаружена в Маньчжурии японская лаборатория, разрабатывавшая бактериологическое оружие и испытывавшая его на советских и китайских военнопленных. Под впечатлением Хабаровского процесса над японскими бактериологическими преступниками на Дальнем Востоке возникли слухи, что подобное могло твориться и на

острове Шумшу. Курильские острова, которые в течение продолжительного периода принадлежали Японской империи, были использованы как стратегический барьер на подступах к Тихому океану. Об этих событиях Е. И. Савельева пишет так: «На островах были проделаны огромные земляные работы, устроены аэродромы, бетонные ангары, доты, противотанковые рвы, траншеи, глубокие подземелья с электростанциями и радиостанциями. Целая армия охраняла Курильскую гряду»⁶⁸. Существует мнение, что Курильские острова до сих пор скрывают глубоко под землей многие тайны.

Дальневосточный период неоднократно возникает в творчестве Стругацких. Все четыре острова Курильской гряды (Парамушир, Шумшу, Алаид и Онекотан) были так или иначе упомянуты в разных произведениях писателей: в «Белом конусе Алаида» (1959), «Улитке на склоне» (1968), «Четвёртом царстве» (2001).

Вот, например, как выглядят одна из «курильских» цитат в произведениях братьев Стругацких: «...а воздух, насыщенный углекислотой и никотином, будет со свистом и клокотанием вырываться из разинутого рта. Как подводная лодка, продувающая цистерны. Как сернистый гейзер на Парамушире...» (директор Управления делает зарядку «Улитка на склоне»)⁶⁹.

У Аркадия Стругацкого есть произведение, где главный герой спускается в японскую подземную крепость на одном из Курильских островов, – это повесть «Четвёртое царство». Существуют разночтения в дате написания повести. В «Комментариях к пройденному» Борис Стругацкий ставит 1952 год, а Антон Скаландис на основе писем Аркадия Стругацкого к родным во время его службы приводит такие доводы: «В письмах с Камчатки Аркадий называл повесть “Синяя туча Акадзи”, которая позже превратилась в “Четвёртое царство”»⁷⁰. И далее: «В ноябре 1954 года, когда его перевели в г. Ха-

⁶⁷ Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. / сост.: С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. – М. : АСТ ; Донецк : НКП, 2008. – С. 159–160.

⁶⁸ Савельева, Е. И. Курильские острова в послевоенный период 1945–1947 гг. / Е. И. Савельева // Курильские острова: история, современность, перспективы : тез. докл. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию освоения Курильских о-вов рус. людьми / Администрация Сахалин. обл., секция «История, культура и образование» ; редкол.: М. С. Высоков, В. В. Карпова, Е. Н. Лисицына [и др.] – Южно-Сахалинск, 1997. – С. 29.

⁶⁹ Стругацкий, А. Н. Улитка на склоне : [фантастический роман] / Аркадий и Борис Стругацкие. – М. – СПб. : АСТ : Terra Fantastica, 2014. – С. 6.

⁷⁰ Скаландис, А. Братя Стругацкие / А. Скаландис. – М. : АСТ «Москва», 2008. – С. 127.

баровск, появилось время для литературной работы, писалась повесть “Четвёртое царство”: «...Моя новая повестка – “Четвёртое царство” – она же “Фиолетовый газ” (он же лиловый). Вещица небольшая, страниц на 30–40 книги небольшого формата, состоять будет из 5-ти глав... Я вырабатываю свой стиль, привожу в порядок свои способности выражать мысли на бумаге. А вдруг из меня что-нибудь получится?»⁷¹. Создание повести упоминается в письме Аркадия Стругацкого от 14 апреля 1955 г., а беловик датирован так: «лето 1955 г.».

Эта научно-фантастическая повесть Аркадия Стругацкого впервые опубликована в полном собрании сочинений Стругацких в издательстве «Сталкер» в 2001 году и имеет название «Четвёртое царство (На грани возможного)».

Основная сюжетная линия строится вокруг разоблачения японских и американских шпионов, которые стремятся вывезти из СССР образцы небелковой жизни, питающейся продуктами радиоактивного распада. Похожая сюжетная идея позднее будет использована в другой повести. «Красный газ» из «Четвёртого царства» является своеобразным предшественником «красной плёнки» из «Страны багровых туч». Действия повести происходят на острове Кунашу (созвучно с островом Кунашир на карте современной Сахалинской области) через несколько лет после окончания Второй мировой войны. В район советской пограничной заставы выходит владеющий только английским языком человек с поражениями кожи, похожими на ожоги, с пулей в бедре. Из округа на заставу направляется комиссия для исследования инцидента. В катакомбы острова спускаются советские разведчики и сталкиваются с необычной формой жизни, образцы которой пытался вывезти японский шпион с последующим использованием в качестве нового типа оружия.

Смертельно опасное содержание повести подчёркивают названия её глав: «Красный газ», «Необычайное кладбище», «Фабрикант смерти», «Четвёртое царство». Можно только предположить, что при последней форму-

лировке названия повести автор исходил из рассуждений одного из своих персонажей: «Это, разумеется, довольно условное выражение. Поэтическая вольность, если хотите. Некогда естествоиспытатели делили природу на три царства: царство минералов, или неживых вещей и явлений, растительное царство и царство животных. Современная же наука полностью отвергает представление об их обособленности. Чёткой границы между живым и неживым нет, тем более нет её между растительным и животным мирами... Что такое жизнь? Способ существования белковых тел... Четвёртое Царство не знает белка. И в то же время оно резко отличается от инертной неживой природы, ибо обнаруживает, хотя и очень своеобразно, целый ряд свойств, присущих только живым организмам.

– Значит, то, что мы видели в тоннеле на Кунашу, и было из Четвёртого Царства?

– Совершенно не сомневаюсь в этом... Помню только широкую поверхность, переливающуюся тёмно-красным светом, словно расплавленный металл. И такой же багровый туман над ней»⁷².

Интересен факт описания главного героя в начале повести, который сильно напоминает самого Аркадия Стругацкого в молодости, судя по фотографиям и воспоминаниям брата писателя. Капитан Олешко представлен «долговязым», «с длинным неуклюжим туловищем», в очках. «Ему не пришлось участвовать ни в боях с немцами, ни в боях с японцами, в него никогда не стреляли, и врагов он видел только пленными. Это очень удручало его, и он всегда испытывал чувство стыда и какой-то вины перед своими прошедшими через горнило войны товарищами и начальниками. Может быть, именно поэтому предстоящее дело казалось ему не тяжёлой чёрной работой, как оно представлялось полковнику и Соколову, а чем-то средним между праздником и экзаменом. Только бы не сплеховать»⁷³.

Аркадий Стругацкий в повести показал хорошее знание Курильских островов. Так, например, читатели обнаружат следующие образы: «Кунашу – остров вулканический», а

⁷¹ Скаландис, А. *Братья Стругацкие* / А. Скаландис. – М.: АСТ «Москва», 2008. – С. 142.

⁷² *Четвёртое Царство: (На грани возможного)* // Стругацкий, А. *Собрание сочинений: в 11 т.* – Т. 11: Неопубликованное; публицистика / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. – Донецк: Сталкер; СПб.: Terra Fantastica, 2001. – С. 66.

⁷³ Там же. – С. 22.

в горах есть горячее озеро «синее-синее, как креп-жоржет», куда ходят купаться местные жители и пограничники.

Увиденное и услышанное ранее Аркадием Стругацким подтверждают такие рассуждения: «Думаете, туда так просто попасть? Во-первых, мы, собственно, так и не знаем входы в это подземное царство. Замаскированы они замечательно. Вот, например, тот, у которого задержанного взяли. Сто раз мы там проходили и не заметили ничего. Только по следам и отыскивали. Со стороны поглядеть – просто расщелина в скале... Во-вторых, многие входы японцы перед капитуляцией взорвали, обрушили. Чтобы пробраться в них, нужно их расчистить, раскопать завалы, да того и гляди в какую-нибудь ловушку попадешь...»⁷⁴; «Есть данные, что японцы незадолго до войны с нами вели на Кунашу большие строительные работы. Сюда свозили тысячи китайцев, корейцев, англоамериканских пленных, загоняли их под землю и, по-видимому, использовали их там до конца. Во всяком случае, ни один из них в живых не остался. Так что можно себе представить, какое огромное хозяйство лежит у нас под ногами. Предполагается, что строилась грандиозная база для новых подводных лодок с большим радиусом действия. Нам неизвестно, успели ли японцы создать эти лодки, но они возлагали на них последние надежды, и, весьма вероятно, господам американцам очень не поздоровилось бы, не прикрой мы вовремя эту лавочку»⁷⁵.

По мнению Бориса Стругацкого, «публикация этого текста представляет интерес прежде всего исторический: так в те времена понимали, задумывали и писали фантастику»⁷⁶. То же самое можно сказать и о другом рассказе, в нём главный герой сталкивается с японской подземной крепостью на одном из Курильских островов (см. «Белый конус Алаида»). Первоначально «Белый конус Алаида» был опубликован в 1959 году в журнале «Знание – сила» под этим же названием. Впоследствии при создании циклов и анто-

логий эта история получила название «Поражение». Это можно наблюдать и в современных интернет-ресурсах, где можно найти оба названия.

Аркадий Стругацкий предпринял попытку заглянуть в будущее, оттолкнувшись от настоящего. Настоящее – это японская военная база, построенная на острове Шумшу. Будущее – это научный прогресс в мировом сообществе. Как они могут быть взаимосвязаны? Братья Стругацкие при издании предварили повесть таким примечанием: «Эмбриомеханика есть наука о моделировании процессов биологического развития и теории конструирования саморазвивающихся механизмов». Иными словами, это совокупность биофизики, биохимии, робототехники и наноизобретений.

Люди делают новые шаги в освоении других планет, и, как обычно, эти шаги сперва делаются дома, на родной земле. Главному герою, бывшему исследователю далёких планет, Ашмарину предстояло испытать механозародыша – Яйцо, вырастающее по программе в любую конструкцию – будь то жилой модуль или герметичный купол. Но испытание в домашних условиях неожиданно оказалось бессильно перед пережитками далёкого прошлого.

Действие происходит на острове Шумшу, в районе спящего вулкана Алаид. Аркадий Стругацкий в самом начале рассказа вновь демонстрирует прекрасное знание Курильских островов:

«– Вы поедете на остров Шумшу.

– Где это? – хмуро спросил Ашмарин.

– Северные Курилы. Конкретно о месте для пробы договоритесь в Байкове.

– Где это?

– На острове Шумшу...»⁷⁷

Следующая цитата:

«...Гальцев посадил птерокар на вершине круглой сопки. Ашмарин, поглаживая ладонью правый бок, вылез и огляделся. Отсюда остров казался безлюдным и плоским, как стол. Сопка была голая и рыжая от вулкани-

⁷⁴ Четвёртое Царство: (На грани возможного) // Стругацкий, А. Собр. соч.: в 11 т. – Т. 11: Неопубликованное; публицистика / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. – Донецк : Сталкер ; СПб. : Terra Fantastica, 2001. – С. 16.

⁷⁵ Там же. – С. 17.

⁷⁶ Стругацкий, Б. Комментарии к пройденному [Электронный ресурс] // Аркадий и Борис Стругацкие : офиц. сайт. – Режим доступа : <http://www.rusf.ru/abs/books/bns-11.htm> (дата обращения: 6.11.2017).

⁷⁷ Белый конус Алаида [Электронный ресурс] // Аркадий и Борис Стругацкие: романы, повести, рассказы [сайт]. – 2009–2017. – Режим доступа : http://strugacki.ru/book_51.html (дата обращения: 12.06.2017).

ческого шлака. С востока на неё напозлали заросли курильской берёзы... Над обрывом торчала нелепая серая башня – вероятно, колпак старинного японского дота»⁷⁸.

Публицист С. И. Аверков в своей книге «Как нашей стране доставались Победы» (2015) высказался так: «Остров Шумшу, начинённый японскими самураями превеликой мерзостью, в том числе и без меры снарядами и бомбами, – это часть нашей Победы и в Великой Отечественной войне, и во Второй мировой войне. Аркадий и Борис Стругацкие, прошедшие блокаду Ленинграда, нашли в себе силы подняться на литературно-фантастический Олимп и найти способ рассказать о взаимодействии будущего с прошлым»⁷⁹.

В завершение приведём слова Антона Скаландиса, детально изучившего творчество братьев Стругацких: «Познакомившись с

Камчаткой и островами, Аркадий понял, как разнообразна, как удивительно прекрасна и как фантастична – да, именно фантастична! – природа нашей планеты. Борис наверняка пришел к тем же выводам, побывав в 1951-м и 1957-м в Средней Азии, в 1954-м – в Грузии, в 1960-м – на Северном Кавказе. И стало же очевидно, что ничего невозможно придумать, да и не надо – всё уже придумано кем-то до нас... или существует на самом деле. Не последнюю роль играло осознание масштабов отчизны и масштабов планеты – бездонности и бескрайности океана, бесконечности звёздного неба – то есть осознание безграничности Вселенной. Именно дальневосточная природа, где всё такое большое, такое широкое, такое необъятное, непременно настраивала думающего, склонного к обобщениям человека на глобальное мышление, на космические цели, на мечты о будущем»⁸⁰.

ОТ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО К МИФОЛОГИЧЕСКОМУ: РАССКАЗ АНАТОЛИЯ КИМА «ШИПОВНИК МЁКО»

РЯБЧУК МАРИЯ СЕРГЕЕВНА

Невозможно представить литературное краеведение Сахалина и Курильских островов без имени Анатолия Кима (род. 1939). Несмотря на то, что писатель не создавал свои произведения, будучи на острове, и на то, что он не живёт на Дальнем Востоке сегодня, Анатолий Ким – яркий и самобытный писатель, продолжатель традиций мировой литературы, и при этом книги этого автора – важная часть литературы Сахалинской области.

На Сахалине писатель прожил до момента поступления в институт. Первая любовь к осетинке Бэле Дидикаевой, первая дружба и разочарование, первое осознание себя как человека – вот что связывает Кима с островом⁸¹. «Сахалинские» впечатления нашли от-

ражение в первом сборнике писателя – «Голубой остров» (1976).

«Голубой остров» по праву можно назвать одним из самых значительных в творчестве писателя, даже несмотря на то, что это первая его книга. В него вошли сочинения периода 1960–1970 годов, сборник включает девятнадцать рассказов и одну повесть. Эта книга является также и самой реалистичной по методу изображения из всего творчества Кима. Хотя и произведения этой книги нельзя назвать в полной мере «чистым» реализмом. Но в отличие от всех последующих произведений рассказы этого периода можно называть таковыми.

Исследователи творчества часто применяют к поздним рассказам, повестям и рома-

⁷⁸ Белый конус Алаида [Электронный ресурс] // Аркадий и Борис Стругацкие: романы, повести, рассказы [сайт]. – 2009–2017. – Режим доступа : http://strugacki.ru/book_51.html (дата обращения: 12.06.2017).

⁷⁹ «Белый конус Алаида» Аркадия и Бориса Стругацких, рождённый на острове Шумшу [Электронный ресурс] // Аверков, С. И. Как нашей стране доставались Победы / С. И. Аверков. – 2015. – Режим доступа : <http://rutlib2.com/book/4211/p/56> (дата обращения: 21.10.2017).

⁸⁰ Скаландис, А. Братья Стругацкие / А. Скаландис. – М. : АСТ «Москва», 2008. – С. 117.

⁸¹ Ким, А. А. Моё прошлое / А. А. Ким. – М. : Центрполиграф, 2002. – С. 20–25.

нам Кима такие определения жанра, как «роман-сказка», «роман-притча», «роман-миф», «роман-мистерия», «метароман», и другие. Произведения Кима наполнены мифом и загадкой. Эта черта его творчества становится одной из главных стилизованных черт. Ощущается это уже и в первом сборнике автора.

Одним из самых ярких рассказов «Голубого острова» становится рассказ «Шиповник Мёко» (эта история впервые была опубликована в первом номере журнала «Аврора» в 1975 году). В «Шиповнике Мёко» органично переплетаются реалии века и мифопоэтические приёмы. Происходит это в нескольких аспектах.

1. Сюжетно-повествовательный аспект.

В основе истории, описываемой в произведении, лежит «классический» сюжет последних десятилетий, который мы часто встречаем в современном искусстве: кинофильмах, телесериалах, художественной литературе. Молодой человек по имени Ри Гичен начинает встречаться с корейкой с японским именем Мёко. Она беременеет от него и после свадьбы рождает Ри Гичену сына. Талантливому, умному начитанному молодому человеку явно уготовлена другая судьба, он создан для покорения вершин, а не для тихой семейной жизни. И Мёко, понимая это, отпускает своего мужа в далёкую Москву. Первая часть рассказа до момента смерти героини описывается довольно чётко. Герои реальны, реальна ситуация, в которую они попали. Завершается эта часть облегченным вздохом Ри Гичена, когда покидает он свой далёкий остров, вздохом облегчения, как будто всё пошло своим чередом. Он никогда и не любил ту, которая родила ему сына. Но вот уже во второй части мы сталкиваемся с мифологизацией повествования. Образ главной героини растворяется, сюжет превращается в туман. В дело вступает неведомая сила, которая как бы пробуждает героя, скидывая с него пелену, окутывавшую его всё это время. Он понимает, какого было его жене, сколько всего пришлось ей пережить. Только кофта как особая деталь становится проводником между ней и мужем, с которым ей не суждено больше встретиться. В этом и проявляется первая особенная черта стиля Анатолия Кима. Ведь миф в основном и строится на активном повествовании, но здесь повествование, наоборот, замедляется.

2. Противопоставление двух главных героев. Ри Гичен представлен автором «в полном виде». Описаны точно внешность, умственные способности, часть мировоззрения героя. Его жизнь в Москве, его учёба также представлены в рассказе (максимально описательно для этого жанра). О Мёко читатели тоже кое-что узнают: «...то была худенькая, с робкими, влажными глазами маленькая девушка, до странности молчаливая и стыдливая. Она никогда не отвечала на вопросы – лишь смущённо улыбалась, потупляя голову...», «...акушерки и сестры удивлялись, что эта маленькая корейка не кричит при таких трудных родах...»⁸². Больше мы не знаем о ней ничего. Больше внимания автор уделяет описанию внешности случайного персонажа болгарина Николки, друга Ри Гичена в МГУ: «...Болгарин Николка был в красных спортивных штанах, на загорелой стройной шее его висела золотая цепочка, на руке, которой он протягивал письмо, сверкало толстое кольцо с камнем агатом. Эта великолепная смуглая рука протягивала конверт с какими-то голубыми цветочками, помятое письмецо, перепачканное клеем...»⁸³. Этим автор подчеркивает незначительность фигуры Мёко в жизни и самого Ри Гичена, и для всех остальных персонажей этого рассказа. Главный герой рассуждает: «...Но почему так горек запах?.. Но ведь была же Мёко, была! А теперь пропусти сквозь пальцы хоть всё вещество Вселенной горсть за горстью – нет её!...»⁸⁴.

Мёко как герой мифа. Её персона не ясна, мы не знаем её мыслей и чувств, мы не знаем, как тяжело ей было. Только её смерть и внезапное прозрение её мужа открыли читателю глаза на то, сколько всего пришлось пережить этой «маленькой, хрупкой корейке».

3. Пространственный аспект. Этот аспект вытекает из предыдущего. «Москва – Сахалин» – два разных места. В Москве всё ясно, время там течёт быстро, как и полагается современному городу. Сахалин же место неясное, размытое. Часто автор, говоря об острове, использует выражения «зелёный, туманный остров», «родной городишко». Создаётся ощущение, что остров где-то далеко, он как сказочное место, его может быть, и вовсе не существует на карте.

⁸² Ким, А. Голубой остров / А. Ким. – М. : Советский писатель, 1996. – С. 10.

⁸³ Там же. – С. 13.

⁸⁴ Там же. – С. 15.

В Москве всё просто: герой знает, что его там ждёт, куда он пойдёт работать, как построится его дальнейшая жизнь и судьба, чётко определены цели и задачи. Сахалин – место неопределённости, место разочарований, но вместе с тем и место открытий, познания духовной составляющей этого мира.

Во многом этот рассказ получился реалистичным, потому что сюжетную основу составляет личная трагедия самого Анатолия Кима. Похожая история случилась с ним и его первой супругой. Когда он уехал учиться в другой город, она ему помогала, даже когда она застудила почки, ничего ему не говорила до последнего. Она продолжала работать и обеспечивать своего любимого, потому что долгое время книги Кима не печатались.

Анатолий Ким использует миф в качестве переходной точки. Как щелчок переключателя, он открывает Ри Гичену понимание мира. Осознание того, что его жена, тихая тень своего мужа, так много делала для него при жизни и так много любви могла подарить ещё. Но она уткнулась как песок сквозь пальцы. Выдох облегчения в душе героя сменяется вздохом отчаяния. И только после того, как Ри Гичен осознаёт масштаб этой потери, на

могиле Мёко зацветают кисло-сладкие ягоды шиповника, которые щиплет птица. В этом отношении характерен также символ растения, которое зацветает не после смерти героя, а после морального, духовно-нравственного «очищения» персонажей, связанных с ним. Мотив растения или цветка можно встретить во многих сказках или мифах, например, «Аленький цветочек» Сергея Аксакова или «Роза Иерихона» Ивана Бунина.

«Шиповник Мёко» в реалистическом и мифологическом мирах соотносится с «выдохом» и «вздохом». Так, в первой реалистической части Ри Гичен, улетаая в Москву, выдыхает с облегчением («как будто решилось само собой уравнение»), Мёко рядом нет, и он рад, хотя и боится признаться сам себе в этом. Во второй мифологизированной части герой вдыхает запах кофты своей жены, и в душе его нет спокойствия, нет Мёко, но только он этому уже не рад.

Реалистическое и мифологическое всегда переплетены в творчестве Анатолия Кима. Рассказ «Шиповник Мёко» является ярким тому доказательством: реальное и древнее, бессознательное не могут у писателя существовать обособленно.

«НОВАЯ ПРОЗА» НИКОЛАЯ ТАРАСОВА

ШУМИЛОВА ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА

«Новая проза» – это совсем не потому, что она какая-то особенная, другая, не похожая на то, что уже написано Николаем Тарасовым (род. 1947). Всё очень просто. Новая – потому, что родилась она недавно. У Николай Тарасова вышла новенькая книжка рассказов «Златоглазый Бакс» (2017), в которую вошло больше трёх десятков небольших рассказов, даже скорее зарисовок. Может быть, часть рассказов написана и давно, может быть, тогда, когда писатель начал работать над своими воспоминаниями, а это случилось в далёком уже 2009 году. Но это не главное. Главное – книжка, в которую вошли рассказы, новенькая, ещё

«тёпленькая», ещё не всеми прочитанная.

Когда берёшь в руки ещё не читанную тобой книгу, внимание привлекает название. «Златоглазый Бакс» – так называется один из самых трогательных рассказов сборника. Почему же это название стало общим для всей книги? У героя рассказа, пса-служачки Бакса, свирепого, как характеризует его хозяин, и бесконечно незлобного и умного по факту, один глаз, но это не мешает ему быть зорким, отменно нести сторожевую службу. Его хозяин говорит о нём: «...Бакса не проведёшь. Бакс всегда начеку, и глаз у него, хоть один, да золотой»⁸⁵. Конечно, у автора есть

⁸⁵ Тарасов, Николай. Златоглазый Бакс. Рассказы о путешествиях обыкновенных и необыкновенных / Николай Тарасов. – Южно-Сахалинск, 2017. – С. 87.

своё объяснение того, почему название рассказа переключалось в название сборника, может, оно более прозаичное, чем то, которое приходит в голову, когда думаешь о смысле заглавия книги. Но кажется нам, что сам рассказчик смотрит на мир «золотым глазом», взглядом внимательным, зорко-цепким и бесконечно доброжелательным.

Для одного из эпиграфов своей книги (а их два) автор выбирает слова русского журналиста, писателя, литературоведа и критика Александра Гениса из его книги «Космополит. Географические познания»: «Путешествие – опыт самопознания, физическое перемещение с духовными последствиями». Эпиграф, собственно, как и положено эпиграфу, является ключом к «секрету», то есть к основной идее книги. Эпиграф достаточно прозрачен, смысл его ясен и не предполагает разночтений.

Но мы всё же сделаем попытку, используя ключ-эпиграф, проявить некоторые особенности рассказов, вошедших в этот сборник.

Первая и, наверное, основная особенность рассказов Николая Тарасова, как вы уже понимаете, заключается в том, что в них идет речь о необыкновенных путешествиях. Кстати, в подзаголовке так и обозначено автором: «Рассказы, о путешествиях обыкновенных и необыкновенных». На самом деле они все необыкновенные. Николай Тарасов любит с детских лет «физически перемещаться» (рассказ «Опыты физического перемещения») как по весям нашей необъятной Родины, так и по заморским странам, и хотя его рассказы фактически отражают эти самые «физические перемещения», но мы не почерпнём в них, за малым исключением, «географические познания». Это не записки натуралиста, не дневники туриста, даже не путевые заметки, которые предполагают знакомить нас с фауной и флорой далеких стран, с людьми и событиями тех мест, где побывает путешественник. Ну, конечно, всё это есть в рассказах в той или иной степени, но главное в них иное. Это отражение тех ощущений, переживаний, воспоминаний, мимолетных ассоциаций, образов, которые возникают в пути, можно сказать, на жизненным пути, при знакомстве с непознанным ещё миром. Рассказы пронизаны глубокой лирикой. Здесь стоит напомнить, что «внутренним

нервом лирического повествования становится процесс проверки лирическим героем той системы духовных ценностей, которая уже сложилась в сознании»⁸⁶.

Юрий Олеша однажды напишет: «Невидимая страна – это страна внимания и воображения. Не одинок путник! Две сестры идут по бокам и ведут путника за руку. Одну сестру зовут Внимание, другую – Воображение» (рассказ «Вишнёвая косточка»). Когда читаешь рассказы Николая Тарасова, вспоминаешь эти слова Юрия Олеша, тонкого, лиричного писателя. «Так, значит, что же? – пишет Юрий Олеша. – Так, значит, наперекор всем, наперекор порядку и обществу, я создаю мир, который не подчиняется никаким законам, кроме призрачных законов моего ощущения? Что же это значит? Есть два мира: старый и новый, – а это что за мир? Мир третий? Есть два пути; а это что за третий путь?» («Вишнёвая косточка»)⁸⁷. И Николай Тарасов в своих «новых» рассказах тоже прокладывает некий «третий путь» – путь познания не столько окружающего мира, сколько самого себя, а, значит, познания человека!

Формы «перемещения в пространстве» у Николая Тарасова очень разнообразны. Например, перемещение в мыслях, в воспоминаниях. И прежде всего это перемещение в детство (рассказ «От просёлков до предгорий»). Детство – самое светлое время жизни, когда мир прост и разнообразен. Именно в детстве мир кажется надёжным, устойчивым и прекрасным. Для автора детство – школа путешественника, а для читателя рассказ «От просёлков до предгорий» – замечательная возможность ассоциативно переместиться в своё детство. Тем более что рассказы Николая Тарасова полны прозрачности, чистоты и лёгкости слога. Ничего не мешает читателю погружаться в поэтическую атмосферу простых и понятных слов. Вот эпизод из рассказа: «Это село было родиной бабушки Алёны – Елены Матвеевны Щербаковой. В нём прошло мамино детство. Там-то и была настоящая школа для путешественника: восемь километров в одиночку через сёла Турабьево и Скомово до деревни Березницы... Суглинистые просёлки с гусиной травкой по краям и подорожниками посередине были не пыльными, порою напоминая собой хорошо нахоженные тро-

⁸⁶ Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература; 1950 – 1990 / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М., 1990. – С. 144.

⁸⁷ Олеша, Ю. В. Вишнёвая косточка / Ю. В. Олеша // Избранное. – М., 1987. – С. 145.

пы. По сторонам – поля с рожью или овсом. Кое-где стеной стояла колхозная кукуруза. По широким уличным прогонам в сёлах, через которые я проходил, разгуливали, гогоча, стаи гусей. То к пруду, то от него, пощипывая травку или вытягивая шеи с угрожающим шипом, от которого у меня холодела спина»⁸⁸. Трогательная, на наш взгляд, и очень близкая картина каждому читателю.

Читаешь этот рассказ, а в голове звучит: «Войду ли в лес или в поле выйду, спущусь ли тальником к реке – на добрый путь, а не для виду я срежу посох по руке. Всё расскажу и всё увижу – жука, былинку, муравья. И наклонюсь над ними я, и всех к себе на миг приближу». Давние стихи Николая Тарасова, но всегда, а особенно сейчас, когда ты держишь в руках его книгу рассказов о путешествиях, отзываются теплом в душе. «Приятие жизни – пафос тарасовской лирики», – отмечает Светлана Веднёва, один из исследователей его творчества. «Поэт знает, – подчеркивает она, – что нет ничего на земле важнее, чем обыкновенная человеческая жизнь. Сердечная мысль выводит его всякий раз к источнику равновесия – солнцу. Солнечные образы в центре его поэтического мироздания – это подсолнух, одуванчик... Птица.... Облако... Ветер... Они из простой материи и из глубин мифологического сознания и вняты душе, как первичные звоны»⁸⁹. В прозе Николай Тарасов остается лириком, верным своему «солнечному миру».

Есть у Николая Тарасова ещё одна форма «перемещения в пространстве», самая обычная. Сегодня многие путешествуют самолётом. И автор рассказов любит эту форму путешествий – быстро, удобно, современно, наконец. Этот вид перемещения позволяет увидеть дальние страны, узнать, как живут за морем-за океаном, познать мир сегодняшний, а значит, не боюсь повторить ещё раз, познать себя сегодняшнего! «...Мы можем теперь летать на нормальных самолётах, куда нам заблагорассудится. Главное, чтобы всегда было с кем “глазами общими

смотреть”. – Летайте, путешествуйте! – говорил я друзьям и знакомым в начале нового века. – Туда, где стоят величественные музеи, где радушные таверны и белокаменная площадь с фонтаном в окружении античных скульптур... Летайте, пока открыты двери в большой мир!...»⁹⁰.

«Увидеть и изумиться» – вот камертон восприятия мира Николаем Тарасовым. Но изумиться даже не тому, что увидено, а тому, что просыпается в тебе, когда ты видишь то, что не видел ещё, или не испытывал (рассказы «Испытание Красным морем», «Рождённые глиной», «На заливе Мирабелло», «Турция плюс Израиль»). Но само изумление выглядит в рассказах скромно, не броско, без надлежащих к изумлению эмоций, как-то интеллигентно. В рассказе «Турция плюс Израиль» читаем: «Войдя в глубокие воды Мертвого моря, чтобы изобразить заплыв, я испытал странное ощущение и понял, что встать на ноги не удаётся. Тело не слушалось, кувыркалось, как поплавков, и я всё время всплывал вверх животом. Пришлось выгребать туда, где глубина была по колено и даже меньше.

После “очищения” в душевых, мы направились в Иерусалим. В этом древнем городе впечатлений хватало. Причём полной уверенности в реальности происходящего не было. Скорее, смахивало это на какую-то фантастическую высадку на страницы сказочной книги.

Стена плача на меня произвела впечатление гигантской конторки, особенно после пояснения, что все бумажные мольбы, стоны и моления страждущих регулярно выгребаются, превращаясь в мусор.

Впечатлили храмы, каждый с собственной, можно сказать, библейской историей... Понятно было, что всё это памятники не столько древнего мира, сколько средневековья. Однако для меня здесь не было повода для размышлений. Святыня есть святыня...»⁹¹. Вот так, даже как-то обыденно и с лёгкой иронией и к себе, и к происходящему, но очень точно передано не столько даже впечатление,

⁸⁸ Тарасов, Николай. Златоглазый Бакс. Рассказы о путешествиях обыкновенных и необыкновенных / Николай Тарасов. – Южно-Сахалинск, 2017. – С. 10–11.

⁸⁹ Веднёва, С. А. Линия жизни и творчества Николая Тарасова / С. А. Веднёва // Литература Сахалина и Курильских островов : учеб. пособие / отв. ред. Е. А. Иконникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Южно-Сахалинск : ОАО «Сахалинская областная типография», 2015. – С. 164.

⁹⁰ Тарасов, Николай. Златоглазый Бакс. Рассказы о путешествиях обыкновенных и необыкновенных / Николай Тарасов. – Южно-Сахалинск, 2017. – С. 24.

⁹¹ Там же. – С. 52.

сколько ощущение эффекта присутствия: я здесь, я это вижу, я сейчас часть этого...

Особую группу могли бы составить рассказы «фантазийного формата», если можно так сказать, щедро рассыпанные среди других рассказов сборника («Генетический зацеп», «Приглашение к путешествию», «Рождённые глиной», «Секретарь по оргвопросам», «Надкожный мир», «В нашем лесу»). Ещё одна форма путешествий, причём неожиданная, невероятная.

В рассказе «Приглашение к путешествию» перед читателями разворачивается захватывающая история о путешествиях «в глубину земной коры», исходным толчком для которых становится бессонница: «Чтобы заснуть, я пускался в бегство по горным лесам и у подножия одной из сопок находил тайную, совершенно неприметную дверцу. Никто не сумел бы войти в неё. Но у меня имелся пульт в виде яшмоидной гальки, подчиняясь которому, тот валун, кряхтя, отваливался. Совсем как в фильме детских лет “Тайна двух океанов”. Я врвался внутрь, сердце бешено колотилось, я спешил, чтобы никто не засек обстоятельств моего исчезновения... А внутри, метрах в десяти от входа в обрамлении мягкого света, включаемого тоже моим пультом, начинался вполне цивилизованный спуск под землю. Вначале это было похоже на бобслей, но потом его заменил обычный лифт. Выход из лифта находился на маленькой станции, прямо напротив перрона, от которого через некоторое время должна была отойти межконтинентальная капсула. Именно капсула, а не поезд». Так начинается этот рассказ о виртуальном путешествии рассказчика под зем-

лей. И как вы думаете, куда? Читаем: «Куда мне должно лететь на этой капсуле, – долго думать не приходилось. В Бричмуллу! Куда же ещё? В кишлак моего детства, где я не раз проводил время на каникулах, разгуливая по тюльпановым предгорьям и ущельям с хрустальными ручьями. Мне достаточно постоять на этом утесе, полюбоваться на самые хрустальные в мире горы. И назад. Потому что на путешествие отведён всего лишь час. Пять минут в капсуле в одну сторону, пять – обратно. На поверхности Земли таких скоростей, конечно, не существует. Да, забыл сказать: в эти пять минут за широким окном капсулы возникают географические пейзажи, которые сам выбираешь на клавиатуре в ручке кресла. Зелёные леса, звёздное небо, или даже глубины океана, где, не спеша, проплывают диковинные рыбы и существа»⁹².

Удивительный рассказ, с нотками ностальгии, с аллюзиями из произведений писателей-фантастов Жюль Верна и Григория Адамова!

Книга «Златоглазый Бакс», несмотря на то, что это сборник отдельных и вполне самостоятельных рассказов, в целом тяготеет к лирическому дневнику, которому характерно «общение с жизнью напрямую, непосредственно», осязание жизни «в сыром», так сказать, ее виде⁹³. В ней мы ощущаем неразрывную связь частной биографии автора с жизнью страны, мира, той части Родины, где автор живёт. Это доверительное повествование заставляет сопереживать, изумляться и наслаждаться игрой фантазии автора, искренностью и тёплыми интонациями повествования, незатейливым на первый взгляд, но очень точно выверенным лирическим стилем.

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР НИКОЛАЯ ТАРАСОВА

КИНЗЕРСКАЯ АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Николай Тарасов (род. 1947) относит себя к «тихим лирикам», продолжая в поэзии путь, проложенный Николаем Рубцовым,

Владимиром Соколовым, Анатолием Жигулиным, Николаем Тряпкиным, в творчестве которых нашли воплощение традиции Ни-

⁹² Тарасов, Николай. Златоглазый Бакс. Рассказы о путешествиях обыкновенных и необыкновенных / Николай Тарасов. – Южно-Сахалинск, 2017. – С. 19–21.

⁹³ Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература; 1950–1990 / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М., 1990. – С. 142.

колая Клюева и раннего Сергея Есенина.

Лирический мир Николая Тарасова богат поэтическими красками. Основными чертами лирики поэта являются принятие жизни со всеми её радостями и невзгодами, поиск красоты в повседневности. Источником вдохновения для поэта становится мир во всем своём многообразии. Ещё в юные годы, например, любознательность приводит Николая Тарасова к трудам Александра Ферсмана по минералогии. После этого список его увлечений пополняют самоцветы. Живя на Сахалине, он найдёт и полюбит агатовую бухту. Отражение образа камней читатели увидят в таких стихотворениях, как «Возможно ль вырваться из круга...», «Камень»:

Вот камень. Лежит под ногами.
К нему подорожники льнут.
И тысячу лет этот камень
Прохожие в голос клянут.

Здесь фигурирует образ камня-стойка, о который спотыкаются все проходящие, но в час половодья он является спасителем. Ещё одним источником вдохновения для Николая Антониновича служат небо и звёзды. Они для него как основа мироздания, и через их призму поэт воспринимает мир:

Тягучие звёзды августа
Стекали по небосклону.
Тебе почему-то нравилось
Разглядывать их мерцанье,
Загадывая желание
Для каждой звезды на случай,
Если она покатится.
Но звёзд было слишком много.
И хоть они часто падали
И, падая, растворялись
В нашей земле распаханной,
Число их не убывало.

Звёзды пленяют своей красотой и заставляют верить в мечты, которые обязательно сбудутся, как только звезда «сорвётся» с неба. Упоминание образа земли так же ключевое в поэтическом мире Николая Тарасова. На земле ценны каждая минута и момент сейчас. Земля предстаёт перед читателями как нечто вечное и готовое вытерпеть невзгоды:

Вдоль берегов
Обветренной земли
Лежат в волнах,
Как странные создания,
Разбитые штормами корабли.
(«Имена разбитых кораблей»)

Жаль, не всем нам во мгле

Здесь слышны голоса,
Что остывшей земле
Поддают небеса.
(«Лёгкий бред кружевной...»)

На земле своей зелёной,
На холодном берегу
Я под Северной Коронаой
Проживаю как могу.
(«На земле своей зелёной...»)

Такие эпитеты, как «обветренная», «остывшая» или «зелёная», дают понять, что земля отдаёт своё тепло живому и становится спокойней, несмотря на ветра и непогоду. Возникает образ сильной и закалённой матери-природы, готовой отдать последние силы, чтобы сохранить жизнь.

В стихотворении «Хочу говорить с тобой...» затронута тема любви, которая знакома каждому не понаслышке. Проецируя на себя образ лирического героя, можно с лёгкостью уловить его чувственные переживания. Упоминание слов «пока, покуда» говорит о том, что герой хочет любить сейчас, в эту минуту, покуда они вместе. Герой настолько глубоко проникнут своими чувствами, что он хочет говорить со своей возлюбленной, пока она его слышит. Строки доносятся до сердца и восхищают тех, кто чувствовал подобное.

Хочу говорить с тобой,
Покуда нам солнце светит,
Пока не утих прибой,
Не отметался ветер.
Не закатился день,
На нет не сошла дорога,
Не набежала тень
Неведомого порога.
Покуда твоя рука
Ещё в моей ощутима,
И наша любовь пока
Неведомо кем хранима...
Пока этот луч скупой
Всех бед и обид превыше,
И голос пока мой слышен –
Хочу говорить с тобой!

Николай Тарасов очаровывает читателя своим жизнелюбием и простым слогом. На одной из встреч с читателями автор поделился, что для него важным критерием литературы является «интересность». Произведения должны трогать сердца и «доставлять удовольствие». В заключение отметим, что Николай Тарасов помогает читателю по-новому открыть знакомый мир. Он показывает пре-

лесть жизни в её мимолетности. Радоваться каждому мгновению – вот главный лейтмотив всего творчества поэта.

Использованная литература: Литература Сахалина и Курильских островов : учеб. пособие / отв. ред. Е. А. Иконникова. – Юж-

но-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2014 ; Тарасов, Н. А. По велению глупости : [мемуар] / Николай Тарасов. – Южно-Сахалинск : Лукоморье, 2014 ; Тарасов, Н. А. У Колдун-горы : избранное / Николай Тарасов. – Южно-Сахалинск : Сах. кн. изд-во, 2005.

СЕМЬЯ В РАССКАЗАХ И ПОВЕСТЯХ ИРИНЫ ЛЕВИТЕС

ИКОННИКОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

Ирина Левитес (род. 1955) – автор доступных по содержанию, простых по языку и лёгких по восприятию рассказов и повестей. Ирина Левитес обращается к вопросам семьи – и именно это определяет творческое своеобразие писательницы. Вместе с героями Ирины Левитес читатели заглядывают в мир, находящийся рядом с ними, и проецируют возможные решения своих проблем, результатом которых становятся близкие к гармонично выстроенным отношения между супругами, детьми и родителями, между родственниками и друзьями.

На примере героев своих рассказов и повестей писательница пытается показать изъяны воспитания, нередкое отсутствие истинной любви у близких людей, односторонность знаний о мире и многое другое, через преодоление чего проходят почти все люди, явившиеся миру. Семья в прозе Ирины Левитес – это первоисточник жизни, в недрах которого рождается не только «человек физический», но и «человек духовный» со своими нравственными приоритетами и мировоззренческими устоями. Герои Ирины Левитес ищут любви, вместе с которой пытаются прийти и к семейному счастью.

Так, Константин Величко в рассказе «Не сотвори себе кумира», одержимый мечтой о Прекрасной даме, снимает однажды свои рыцарские доспехи перед молчаливой Любой, с которой намеривается создать долгожданную и некогда бывшую призрачной семью. К галерее таких героев, живущих ощущением нового будущего, относятся корректор Лина («Я стою у ресторана»), уже немолодая Яна («Новый адрес»), «биологичка» Инночка («Сказка про Золушку»), сестры Лена и Мила («Созвездие Близнецов, или Ура, товарищи!»), а также

многие другие персонажи, которые, преодолев разные трудности, находят свою «вторую» половину, обретают внутреннее равновесие.

В характеристике почти каждого из персонажей Ирины Левитес усматривается принадлежность к семье, к определённомu родственному кругу. Например, с самых первых страниц рассказа «Ще не вмерла України» (2009) перед читателями возникают и дружная семья давней подруги повествователя Тони (муж Андрей и многочисленные друзья, состав которых увеличивается от одного дня рождения героини к другому), и семья «симпатичной дамочки» Валентины (её непримечательный муж и восемнадцатилетний сын, наделённый «неземными» способностями), и, конечно же, семья самой героини, от имени которой ведётся повествование («родной муж», сын-«балбес», бабушки, говорящие «на идиш» и «гимназическом французском» языке).

В ёмких определениях нескольких героев из рассказа «Не сотвори себе кумира» (2008) статус семейных отношений обозначается как обязательный, крайне необходимый для создания целостного представления о персонажах. «У Раи есть семья: муж, двое детей и друг семьи...», а Римма «замужем», у неё «двое детей – девочки». Другая героиня, «секретарша» Вера Петровна – бабушка, ожидающая выписки дочери с малышом из роддома. А возвышается над всем этим сообществом семей Константин, мечтающий о собственном доме, но пока живущий в одной квартире с пожилой мамой.

Или в рассказе с названием «Приходите к нам учиться!» (2009): образ семьи, косвенно обозначенный в самом начале произведения (жена и муж, отправляющиеся в магазин),

явственно проступает в первый кульминационный момент развития действия. Супруги обнаруживают свою разбитую машину и сообщают об этом событии всем уже взрослым детям – от старшей дочери, живущей вдали от родителей, до младших сыновей, мгновенно прибывающих на место происшествия. За внешней иронией в описании того, как сыновья прибывают на место происшествия и как они включаются в историю с разбитой машиной, скрывается некоторая гордость повествователя за единство семьи, за готовность детей постоять за своих родителей, за умение совместными силами решать проблемы.

Достаточно часто на лаконичном пространстве рассказа и позволяющей не быть скованной временными границами повести Ирине Левитес удаётся одновременно очертить образцы разных типов семей, не сводя при этом содержание художественного текста исключительно к «семейной» теме. Напротив, тематический диапазон писательницы широк, и это становится интригующим началом каждого нового произведения, прочтение которого не оставляет ощущения сюжетного дублирования. В рассказе «О вреде курения и диеты» разворачивается небольшая сценка из городской жизни. Разговорившиеся в кафе со случайным мужчиной две сослуживицы оказываются преподавательницами учебного заведения, в котором обучается дочь их собеседника. Несовпадение представлений о студентке (отец гордится успехами дочери, а в глазах знающих её с другой стороны женщин девушка относится к числу отстающих в учёбе) становится уместным поводом вспомнить и важность семейного воспитания, и естественное взросление детей, самостоятельно распоряжающихся своей жизнью.

У Ирины Левитес семья становится средством рассмотрения и оценки определённой ситуации, жизненная достоверность которой почти никогда не вызывает сомнения. Подобная уверенность возникает, прежде всего, в результате максимально приближенной к читателям формы повествования (от первого лица) и чётко очерченного круга статичных персонажей (упоминания о которых в разных объёмах содержатся в тематически не связанных между собой повестях и рассказах). Факт наличия повествовательного начала от лица женщины

даёт возможность разговору о семье. Именно в семье реализуются основные качества женщины: жены, матери, хозяйки дома – и об этом много пишет Ирина Левитес.

Однако не все из героев писательницы могут быть успешны в этих трёх качествах. Так, Лена из повести «Созвездие Близнецов, или Ура, товарищи!» (2011) не принимает предложения Виктора выйти замуж и тем самым реализовать себя как жену. Её отказ обусловлен тем, что, став женой Виктора, она вынуждена будет вернуть Валентина своей родной сестре, настоящей матери ребёнка. Страх перед потерей материнства (а Лена уже находится в том возрасте, когда не сможет родить собственного ребёнка) и иллюзия о том, что у Валентина нет другой семьи, нет другого дома, заставляют героиню отречься от будущего. Возможно, что и будущее с Виктором было несостоятельным. Но Лена ощущает себя гармонично: она не одна, в её жизни есть Валентин.

А вот сестра Лены Мила из этой же повести ведёт себя совсем иначе. Потерпев неудачу в первом браке, она стремится вновь выйти замуж, чтобы опять стать матерью и тем самым создать семью, воспитанием детей в которой занимается не только женщина, но и мужчина. Безудержно стремится найти своё счастье и быстро взрослеющий Валентин. К сорока годам он уже дважды побывает в браке и в финале повести будет готов соединить себя узами очередного семейного союза с новой избранницей, носящей, как и прежние жены Валентина, значимое имя.

Вера, надежда, любовь – в сознании обычного человека с этими понятиями сопряжены эмоциональные устремления. Но в жизни Валентина эти слова ассоциируются ещё и с именами его возлюбленных. Первая – Любовь, затем – Вера и Надежда. «Немного не в той последовательности, – говорит повествователь, – нужно было так: Вера, Надежда, Любовь.

А у него всё началось с любви. Как и положено в ранней молодости.

Потом появилась вера. В свою фортуна.

И, наконец, в зрелости нужна надежда. Так что всё правильно»⁹⁴.

Светлые и овеванные радостью надежды – черта, объединяющая всех героев рассказов и повестей Ирины Левитес. И это, несмотря

⁹⁴ Левитес, И. Созвездие Близнецов, или Ура, товарищи! // Новый адрес / И. Левитес. – Южно-Сахалинск : Лукоморье, 2011. – С. 214.

на то, что персонажи её прозаических произведений многообразны и непредсказуемы, как, впрочем, и в настоящей жизни (по этому поводу и сама писательница говорит, «что жизнь богаче фантазии»⁹⁵).

Практически все герои Ирины Левитес отмечены симпатией автора к себе, нередко прикрываемой лёгкой иронией или юмористическим описанием (которое всегда максимально корректно и дозировано). Дефицит позитивного начала современной литературы восполняется у писательницы положительным, часто с оттенком оптимистичности финалом большинства произведений. В центре рассказа «Репетитор» (2008) – школьница Маринка, «безоглядно» влюбляющаяся в любого более или менее достойного мужчину на своём пути. Такое поведение героини совсем не вызывает осуждения со стороны автора, но, напротив, воспринимается как естественное – в своих первых поисках любви девушка ведёт себя искренне. Способность любить определяется как утраченное, но необходимое в жизни свойство человеческой души.

Непонимание сущности любви, её подмена иными чувствами становится поводом горького сожаления Ирины Левитес. В рассказе «Жалоба» (2008) автор недоумевает, почему студенты – будущие медики не читали «Анну Каренину». Знаменитый роман Льва Толстого вызывает у аудитории единственную ассоциацию – воспоминание о героине, «которая под паровоз бросилась». А ведь в романе рассматриваются коллизии любви и, как следствие, семейная трагедия, втянутой в которую оказываются не только взрослые персонажи, но и дети. Причастность детей к проблемам взрослых отчетливо просматривается в другом произведении Ирины Левитес – в рассказе «Лучшая подруга» (2009). Радужный детский мир третьеклассницы Ленки, имеющей любимых мать и отца, начинает рушиться вместе с приобретением новой подруги Оли. Внезапный уход отца из семьи Ленки происходит одновременно с потерей подруги, которая теперь находит искомое её матерью счастье за счёт трагедии в другой семье – в семье самой Ленки.

Детям и взрослым людям в произведениях Ирины Левитес отведены разные роли: перед первыми открыт весь мир с его каждодневны-

ми радостями, вторые – окружают себя уже давно известными им эмоциями и поступками. Дети всегда искренни, и общение с ними построено на простоте. Не случайно в одном из рассказов писательницы замечается, что «...с детьми договориться не так уж сложно. Гораздо труднее объясниться с их родителями. Папы-мамы, и особенно бабушки, зачастую отнимали больше сил и времени, чем их дети»⁹⁶ («Куда ведёшь, тропинка милая!» (2008)). В прозе Ирины Левитес именно взрослые персонажи, в противовес чистосердечной любви детей, усложняют человеческие взаимоотношения, запутывая их, порождая непонимание и отчужденность.

Яна – главная героиня рассказа «Новый адрес» (2008) на закате своей жизни (которая, тем не менее, воспринимается ею как всё ещё продолжающееся яркое путешествие) внезапно оглядывается на пройденный путь – на разбитые ею же две семьи своего единственного сына Вадика, на собственные несовершенные отношения с мужчинами. Поводом для такого обращения становится знакомство с девочкой Катей, живущей по соседству с новой квартирой героини. По замыслу писательницы (а это одно из немногих её произведений, написанных от третьего лица) девочке отведена серьёзная роль. А позже героиня поймёт, что Катя – это её внучка, от рождения которой она настойчиво отговаривала свою бывшую невестку Аню. Дети (а иногда и только вступающие во взрослую жизнь герои) больше, чем их отцы и матери, стремятся к гармоничному укладу в семье. Эта идея просматривается в большинстве произведений Ирины Левитес.

Так, в рассказе «Сердечная боль» (2007), посвящённом медицинскому обследованию главной героини Виктории Петровны, важен один из незначительных, как кажется на первый взгляд, фрагментов. Студентка Оля на занятиях по медицинской генетике пытается по группам крови доказать то, что рождённый мальчик в новой семье её отца не является его генетическим сыном. Безудержное стремление Оли обличить жену отца и тем самым лишить ребёнка семьи становится поводом для полемики в аудитории:

«– Пойми, Оля, ты разрушишь семью своего отца.

⁹⁵ Левитес, И. Приходите к нам учиться [Электронный ресурс] / И. Левитес. – Режим доступа : <http://www.proza.ru/>

⁹⁶ Левитес, И. Куда ведёшь, тропинка милая? / И. Левитес // Дальний Восток. – 2010. – № 5. – С. 53.

– Нашу семью он не пожалел!
– Но ты сделаешь его несчастным.
– А я счастливая? Мама моя счастливая?
Вот пусть и ему будет плохо!

– Но при этом пострадает его жена. О ней ты подумала?

Оля насмешливо смотрит на меня.

– А мне-то какое дело до её самочувствия? – выпаливает она.

– Ну ты, Оля, совсем бессовестная! Эгоистка несчастная! – взрывается Алёша.

Группа сочувственно гудит, поддерживая Алёшу и дружно осуждая Олю.

– А сколько лет твоему брату? – спрашиваю я.

– Четыре.

– Ну вот. Такого маленького ребёнка ршила без отца оставить. Как тебе не стыдно?

Оля взрывается:

– Мне стыдно? Ему всё, а мне ничего! Игрушки – ему, одежду – ему, а мне ничего! Все деньги на него идут! Вот расставлю всё по своим местам, тогда отец на меня больше тратить сможет. Я все-таки родная дочка. Не то что этот – неизвестно от кого»⁹⁷.

Казалось бы, что этот эпизод – лишь одна из частей динамичного и заполненного многочисленными событиями дня главной героини. Однако именно он всплывает в памяти Виктории Петровны, когда выносящий медицинское заключение доктор констатирует, что только во время занятия в колледже со студентами у героини наблюдались нарушения в работе сердца. И это даже несмотря на то, что красавица Оля, в конечном счете, соглашается со своими однокурсниками (такими же, как и она сама, ещё совсем молодыми людьми) и отказывается от желания разрушить новый союз отца.

Брошенные дети, одинокие матери, уходящие из своих прежних семей отцы – всё это круг наиважнейших тем, которые волнуют писательницу. И Ирина Левитес предлагает свой рецепт счастья, основанный на *любви*, на *вере* в воскрешение прежних чувств, на *надежде* возвращения к человеческому естеству. Но такое возвращение не всегда сопряжено с какими-либо фактическими действиями героев. Для Ирины Левитес важно душевное изменение внутреннего состояния человека, пережившего испытание любовью, но надеющегося на новое, не менее сильное чувство.

В рассказе «Куда ведёшь, тропинка милая?» (2008) успешный в бизнесе Фёдоров, презрев своё высокое положение, приходит на скромный, отмечаемый в заводской столовой юбилей своей коллеги – «кассирши» Валентины Михайловны. И там, за столом с «нехитрым угощением» («винегрет, солёнка “под шубой”, оливье, стандартные колбаса и сыр»), под «льющуюся из колонок» музыку Фёдоров встречает Наташу – свою первую любовь. Героям не суждено опять быть вместе, и сам Фёдоров не делает для этого никаких шагов. Но теперь его прежняя размеренная жизнь переходит в другое русло: Фёдоров понимает, что, удаляясь от простоты и наивности (которые свойственны, прежде всего, детям), он потерял главное – умение любить, умение быть любимым. Что станет с героем после этого, Ирина Левитес не пишет. Нужно заметить, что финал её произведений считается открытым, хотя, конечно же, последующий ход событий может быть легко предсказуемым. Но в этой предсказуемости важны не фактическая сторона деталей, а внутреннее перерождение героев, их душевные метаморфозы, возвращающие человека к первоисточнику бытия – к любви.

Отдельная страница в «малой» прозе Ирины Левитес отведена теме появления на свет человека. Относящаяся к интимной сфере она требует исключительной деликатности в своём освещении. Наиболее верным образом о таинстве материнства писательница рассуждает в повести «Зал потерянных шагов». Ирина Левитес рисует две стороны зарождения новой жизни. Это представление матери, узнавшей о нежеланной (незапланированной, случайной) беременности, и вполне осознанные ощущения ребёнка, намеревающегося обязательно увидеть пока ещё неизвестный ему мир. Появление на свет нового человека становится счастьем и для ребёнка, и для его родителей, заново открывающих и познающих вокруг себя безграничные владения любви.

После прочтения произведений Ирины Левитес читатели обязательно озадачатся простым, но важным вопросом – почему всю свою жизнь человек ищет счастья, ищет его и не находит. Ирина Левитес подводит читателя к пониманию того, что семья – это микрокосм, разрешение основных проблем которого способно изменить движение всего

⁹⁷ Левитес, И. Сердечная боль // Созвездие Близнецов, или Ура, товарищи! / И. Левитес. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2007. – С. 173–174.

человеческого бытия. Именно поэтому максимально приближенные к действительности истории писательницы обладают светлым и жизнеутверждающим началом, воспринима-

ющим источником утопической (а, быть может, и вполне реальной) модели нового и совершенного мира, устроительницей которого чаще всего становится именно женщина.

«СЮР» И ПРАВДА ЕЛЕНЫ ШЕВИЧ: ПОЭТИКА ПРОЗЫ

ДОРОФЕЕВА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА

Вздумай некая колдунья, некая Бабка-ежка (пускай молодая и во всём блеске красы!) писать – она могла бы писать, как Елена Шевич⁹⁸, а всё потому, что на три метра в землю видит. С удивлением узнаём из лирики Елены Шевич, будто автор не знает примет. По рассказам этого не скажешь: автор приметлив и проницателен!

Многие рассказы Елены Шевич производят шоковое впечатление.

«Шок» – это удар, и это значит, что у Елены Шевич бойцовский характер. Она берёт читателя, как котёнка, и тычет носом: «Посмотри, что ты наделал (если не сегодня, то вчера или в ближайшей перспективе)!\», «Посмотри, как ты поступаешь!» и даже «Посмотри, как ты некрасиво думаешь! Ну как, нравится?». Естественно, читатель крутит носом и пищит: «Ой, не могу! Мне противно. Мне противно читать Елену Шевич!».

Почти все произведения Елены Шевич творились в лоне областного литобъединения «Лира». Первый же рассказ «Обед по талонам», с которым она пришла туда, произвёл впечатление взорвавшейся бомбы. Ошеломляюще откровенный людоедский сюжет, настолько натуралистично поданный, что присутствующих буквально скрутило спазмами. Следствием был общий ор: «Долой! Невозможно читать, так нельзя». Рассказ, однако, вошёл в сборник «Лоскутное солнце» (2010). В этом сказалась принципиальная позиция кураторов и редакторов Николая Антониновича Тарасова и Анны Алексеевны Сафоновой, взвешенно и бережно относящихся к любому эстетическому эксперименту и всегда выделяющих в нашем островном литературном пространстве нишу под «андеграунд».

Поэтому судить о рассказе надо не по черновику, представленному на обсуждение, а по конечному продукту, увидевшему свет.

В рассказе слегка смягчена первоначальная резкость натуралистических акцентов, он стал менее «русским», будучи переведён в формат общечеловеческой абстракции. По духу это рассказ антимилитаристский, отрицающий войну, которая не только убивает людей, но и калечит их психику. По форме рассказ более близок Сальвадору Дали, чем Верещагину, ужас войны автор воплощает с помощью кафкианского приёма «материализации метафоры»: *война, как рубка капусты; рубка капусты, как война*. Это рассказ и остросоциальный, фокусирующий внимание на общеизвестной ситуации, когда *инвалидов и ветеранов войны в упор не видят* – в конце многозначна фраза: «*Больше его никогда не видели*»⁹⁹.

Жаль, что в последний сборник «Всё как тогда» не вошёл очень смешной рассказ «Секрет экономии». Вполне возможно, из-за отзыва отдельно взятого читателя, смущённого при обсуждении текста его физиологическими «нюансами». Но тогда не надо печатать ни Франсуа Рабле, ни Ярослава Гашека, от которых немало читателей брезгливо отворачиваются. Елене Шевич надо привыкнуть к тому, что её проза никогда не будет восприниматься однозначно. Джемс Джойс, например, нарочно старался, чтобы читателю было неприятно, а в американской литературе было даже течение «разгребателей грязи», противопоставлявшее себя школе «розового реализма». Не знаем, стремится ли Шевич к эпатажному эффекту целенаправленно или это у неё происходит бессознательно – на уровне женского

⁹⁸ Елена Владимировна Шевич (род. 1964), член Союза писателей России (2017).

⁹⁹ Шевич, Елена. Лоскутное солнце. Стихотворения. Проза. – Южно-Сахалинск : изд-во «ИРОСО», 2010. – С. 93.

инстинкта наводить порядок во всех пыльных местах. Надеемся, что рассказ появится в печати. В нём есть блестящий *инвариант Плюшкина*: Плюшкин-бизнесмен (баба), «творческая личность», тип наших дней.

Гипербола даётся в творчестве Шевич не как очевидное преувеличение, а как реальность. Смех вызывается именно осознанием того, что та или иная гипертрофированная несообразность или способность существует; этот смех – нервный и застывает на губах при чтении, например, маленького рассказа «Визит». Слабо Салтыкову-Щедрину выписать такого *Иудушку Головлёва (бабу)*, что без ножа режет ближнего своего елейным голоском, наметившись отнять квартиру: «*Ну всё, всё, успокойся. Всё хорошо будет. Всё будет... нормальненько...*»¹⁰⁰. По сути, это ещё одна каннибальская сценка, выполненная в форме монолога (точнее, *одностороннего* диалога, как диптих с одной створкой). Блестяще использован приём парцелляции, но текст дробится не столько точками, сколько запятыми и многоточиями: малейший фрагмент подобен еле уловимому змеиному движению – текст скользит, ползёт и скатывается к открытому финалу, парализуя собеседника, а читателя доводя почти до пароксизма чувств.

В своих рассказах Елена Шевич легко воплощается в мужчину и в женщину, в русского человека и восточного, военного и гражданского, в ребёнка и взрослого. Ей хорошо даются так называемые «параллельные истории» – как бы в сослагательном измерении: что было бы, если бы... (например, рассказ «Соседка» на библейском материале). Хотелось бы увидеть даже целый цикл повествований такого рода. Это интересно.

Елена Шевич с энтузиазмом ищет новые формы (рассказ-хокку «Цвет вишни») и филигранной отделки каждой фразы:

«Господин уехал по неотложным делам. Сердце моё осталось лежать в дорожной пыли»¹⁰¹.

«Когда зажгли фонари, померкли звёзды – ушли безропотно в синеву неба»¹⁰².

«Жители побережья сворачивают в свитки высохшую капусту. Позже прочтут, что начертало им море»¹⁰³.

«Стучусь в ваше сердце, как в окно лет-

ний дождь. Откроют ли мне?»¹⁰⁴.

Композиционно рассказ-хокку «Цвет вишни» сплетается из трёх частей: каждая – дневник одного из персонажей повествования, женщины и двух влюблённых в неё мужчин. Идею можно, пожалуй, свести к следующему:

Люди хуже, чем мы о них думаем.

Люди лучше, чем мы о них думаем.

Кто знает, что вернее?

Нетривиальная философия, глубокий драматизм и патетика настоящей любви выделяют этот рассказ Елены Шевич в ряд лучших.

Её любимый приём – контраст между *видимым и невидимым*, который иногда даётся явно («Катенька»), иногда подтекстом в несколько планов («Малиновая дипломатия», «Цвет вишни»), её «добрые концовки» часто неожиданны, как если бы ей нравилось добывать *золотую руду* из заброшенных колодцев человеческих сердец. Она любит играть планами и фонами, меняя их местами. Вообще любит играть. Любимые оппозиции Елены Шевич: *верх – низ* («Синяя ленточка», «У калитки»), *иметь – не иметь* («Бедность», «Мусор»), *жизнь – смерть* («Письмо», «Цвет вишни», «Дорога»).

Если у Шевич говорится, что герой проснулся, это не обязательно означает, что он действительно *проснулся*: вполне возможно, что ему только снится, что он проснулся. Елена Шевич широко и разнообразно пользуется приёмом *сна*, введения пограничной ситуации между *сном и явью*, *сознательным и бессознательным*, *жизнью и смертью* («Вдруг волшебник в голубом...», «Усни, проснись, воскресни...», «Обед по талонам», «Дорога», «Под сиреневым небом» и др.). Это даёт ей простор для *парадоксальных* решений, *гротескных* образов, *алогизма*, элементов *фантастики*, едкой или снисходительной *иронии*, смешных и грустных *метаморфоз* и, в конечном счёте, материал для создания собственного узнаваемого стиля.

Елена Шевич – мастер диалогической формы, она даёт её варианты, часто начинает произведение с диалога («Малиновая дипломатия», «Было... не было», «Бедность», «Этот день...», «Без названия», «Родственники», «Катенька», «Очень жаль», «Говорите правильно», «Всё как тогда...», «Под сиреневым небом»,

¹⁰⁰ Шевич, Е. В. *Всё, как тогда. Рассказы* / Е. В. Шевич. – Южно-Сахалинск, 2014. – С. 90.

¹⁰¹ Там же. – С. 142.

¹⁰² Там же. – С. 143.

¹⁰³ Там же. – С. 146.

¹⁰⁴ Там же. – С. 150.

«Соседка», «Нюхачка») или заканчивает рассказ диалогом, репликой персонажа («Вдруг волшебник в голубом...», «Усни, проснись, воскресни...», «У калитки», «Мусор», «Сон», «Письмо»). Это очень продуктивная форма в её творчестве. Иные рассказы – блестящие маленькие интермедии («Очень жаль», «Говорите правильно», «У калитки», «Соседка»).

«– Мир вам!

– И вам мир! Твой муж по-прежнему пьёт? Не работает?

– Да.

– На что вы живёте?

– Я нанимаюсь на подённую работу... Старшие дети собирают в роце хворост на продажу.

– Что это у тебя на лице? Муж тебя бьёт?

– Да. Если нет денег ему на выпивку.

– Но ты не с этим ко мне пришла.

– Вы очень догадливы. Даже не знаю, как начать... Моя соседка... она изменяет мужу»¹⁰⁵ ... («Соседка»).

Колорит её прозы – холодный («Синяя ленточка», «Под сиреневым небом», «Вдруг волшебник в голубом...»), но воспринимает она эту цветовую гамму не в миноре, а в мажоре: в рассказах *синий, голубой* – это цвета *радости, чуда, яркого, сияющего преображения, душевной цельности*. Напротив, *белый, золотой, розовый, малиновый, красный* («Цвет вишни», «Сказочка про фартук», «Конец и его подруга», «Малиновая дипломатия», «Родственники», «Обед по талонам») – это цвета физической или духовной смерти, надлома, разочарования, обманутых надежд. Можно сказать, что скепсис защищает автора и её героев от жестоких жизненных ударов. Автор и её герои (героини) – сильные люди.

Многое своим героям Елена Шевич может простить, но нетерпима к лицемерию. И обнажает его безжалостно. Даёт ему бой в великолепном рассказе «Катенька». Этот рассказ удачен и по своей форме: синхронный монтаж *внешнего* диалога и *внутреннего* монолога – одна из лучших находок её авторской манеры. Вот общение двух персонажей рассказа: старательной работницы бюро услуг Катеньки и вредной старушки – якобы лежачей и с якобы нарушенной речью.

«Телевизор включила, да не тот канал, не тот, дура! Сейчас сериал будет с Пореченковым...»

– Что, Лариса Константиновна, мешает? Я потише сделаю, отдыхайте.

«Ты зачем, сволочь, стулом экран загорила?»¹⁰⁶

Этот рассказ надо бы на концертах читать и в газетах печатать – как терапевтическое средство скорейшего приобщения общества к здоровому образу жизни. Елена Шевич – жёсткий врач, но эффективный.

Её пробы в жанрах *детектива, анти-утопии и фантастики*, на наш взгляд, менее самостоятельны, но она определённо прокладывает свою заметную тропу в области отечественной *дамской прозы*. Здесь достаточно психологизма, знания жизни, иронии, языковой чуткости и авторской изобретательности.

Хотя у поклонников творчества Шевич может быть другой выбор, мне два её рассказа («Катенька» и «Синяя ленточка») представляются несомненными шедеврами даже и не островного масштаба. Верный показатель качества – желание перечитывать и даже, может быть, выучить наизусть, чтобы смеяться и плакать.

МИР ДЕТСТВА В ЛИРИКЕ ЕЛЕНА НАМАКОНОВОЙ

ДОНСКАЯ НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА

В. Г. Белинский в своей работе «О детских книгах» (1840) писал: «Читайте детям стихи, пусть ухо их приучается к гармонии русского

слова, сердце преисполнится чувством изящного. Пусть поэзия действует на них как музыка»¹⁰⁷. Важная миссия возлагается в этом

¹⁰⁵ Шевич, Е. В. *Всё, как тогда. Рассказы* / Е. В. Шевич. – Южно-Сахалинск, 2014. – С. 156.

¹⁰⁶ Там же. – С. 70–71.

¹⁰⁷ Цит. по: Алексеева, М. М. *Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников: учеб. пособие для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений* / М. М. Алексеева, Б. И. Яшина. – 3-е изд., стереотип. – М.: изд. центр «Академия», 2000. – С. 368.

процессе на взрослого (родителя или педагога) – выбрать хорошие стихи хорошего поэта. Стихи сахалинской поэтессы Елены Намаконовой (род. 1972), безусловно, можно отнести к той литературе, которую стоит читать детям.

Творчество Елены Намаконовой развивается в духе лучших традиций классической русской детской литературы. Её стихи адресованы, прежде всего, дошкольникам и ученикам начальной школы, дети от пяти до десяти лет являются героями многих её произведений.

Мир, воссозданный в стихах поэтессы, понятен и близок ребёнку: он наполнен привычными делами, уроками, играми, иногда даже страхами, но в то же время этот мир яркий, радостный, удивительный. Нередко лирический герой – это мальчик, сам рассказывающий о себе забавные или курьёзные истории: о поисках железа в яблоках, о том, как устроить морское путешествие в коридоре, о страшном секретном оружии – щекотке! Это мальчишка, играющий во все современные игры; «и лазер, и бластер, и грозные пушки» любимы им. Он любопытен, обладает пытливым умом и ярким воображением, он мечтателен и романтичен.

Юному герою интересны истории старого матросского ремня, который когда-то «красовался на модных штанах.., сиял позолоченной пряжкой, когда он встречался с красоткой-тельняшкой». Морская тема весьма важна в творчестве сахалинской поэтессы и является ведущей в сборнике «Море в коридоре» (2008). Елена Намаконова глазами своих героев-мальчишек показывает читателям необычное в будничном: лужа превращается в море, вещи в прихожей становятся пиратским бригом, пушками, опасными осьминогами. Недогадливой маме сын вынужден объяснить:

– Что за лужа в коридоре?

– Нет, не лужа!

Это море!

Если хочешь быть пиратом,

Без морей не обойтись!

Герои стихотворений мечтают о будущем, оно должно быть героическим и рискованным. Конечно, хорошо быть шофёром, музыкантом, инженером и даже народным артистом, но настоящей мечтой настоящего (пусть пока маленького) мужчины является пиратская карьера, ведь в ней «столько приключений», трудная дорога на Барбадос, «ветра стон и чаек крик». Малыши понимают,

что к этой нелёгкой роли нужно готовиться, но помощи от взрослых тут не жди:

Но никто ещё, ребята,

Воспитать не смог пирата.

Значит, постараемся

И САМИ

ВОСПИТАЕМСЯ!

Иногда героиней лирического произведения становится и девочка. Безымянная героиня рассказывает свою животрепещущую историю: «Я так хочу котёнка!». Иметь своего питомца – такое обычное детское желание, но рассказано о нём с большой эмоциональностью. Стихотворение изобилует восклицательными конструкциями, передающими и лёгкую зависть от того, что «у моей соседки живёт собака Сёмка», «есть рыбки у Аркаши и кролик у Иринки», и удивление от желания подружки Ани «держать ...в ванне живого крокодила». Девочка, как и многие дети, с настороженностью воспринимает известие мамы о том, что «купят ей сестрёнку». Однако в этой ситуации ребёнок находит сразу несколько плюсов: «я ей подружкой буду», с ней будет интересней, а кроме того, это лишний голос в такой жизненно необходимой просьбе: «Купите! Нам! Котёнка!»

Детство сложно представить без вкусовых, поэтому довольно часто в стихах Елены Намаконовой появляются «съедобные» образы. Одной из таких ярких и вкусных деталей становится колбаса. В стихотворении «Весёлая песня» лыжник в прекрасном настроении катается по лесной тропинке, напевая песенку:

Какой замечательный, солнечный день!

Быть может, в лесу меня встретит олень,

Быть может, в лесу я увижу лису,

И зимнюю сказку домой принесу!

Но вдруг на незадачливого лыжника «сверху свалился сугроб», и песенка кардинально меняется. Следуя традициям весёлых путаниц Корнея Чуковского и Эдуарда Успенского, поэтесса создаёт шуточную песню:

Быть может, в лесу я найду...КОЛБАСУ?

И даже ОЛЕНЯ домой принесу!

Чудак-лыжник пытается разобраться в собственной запутанной песенной истории, и рождается новый вариант:

Какой замечательный день ...У ЛИСЫ!

Как много теперь у неё ...КОЛБАСЫ!

Я песенку эту пою целый день,

А всю колбасу мою СЛОПАЛ ОЛЕНЬ!

Почему колбаса? Возможно, это тот про-

дукт, который герой стихотворения захватил с собой для перекуса на лесной прогулке, возможно, кусочком колбасы можно подкормить бездомного пса, а если повезёт, то и угостить лисицу. А колбасу какого-то необыкновенного вкуса может слопать даже олень?! Колбаса, а вернее «КАР-баса», становится главным таинственным продуктом для «недогадливого продавца» из одноимённого стихотворения! Произведение строится как диалог голодной вороны и продавца продуктового магазина:

– Что могу вам предложить?

Что в корзинку положить?

Хлеба? Булочек? Бекона?

– КАР-басы! – кричит ворона.

Используя словесную игру, приёмы звукописи, автор создаёт забавную сценку для маленьких читателей, многие из которых в силу возраста сами КАР-тавят. Слух малыша улавливает эти «каркающие» части корней слов, в которых иногда допущены сознательные ошибки: «КАР-тон», «КАР-зинка», «КАР-тинка», «КАР-тошка». Прочитав это стихотворение детям, взрослый может продолжить игру с ребёнком, попросив его назвать слова, начинающиеся с такого же сочетания звуков.

Елена Намаконова выступает чутким психологом, прекрасно понимающим особенности детского развития. Иногда в её произведениях рисуются ситуации воспитательного характера, но воспитатель она добрый, умеющий решить проблемный вопрос с юмором. Взрослые в её стихах заботливые, понимающие, доброжелательные, думающие о своём ребёнке. Каждого отца или мать заботит вопрос питания ребёнка. В стихотворении «Про яблоки» родители подчеркнута гиперболизируют способность сына поедать сладости:

А папа сказал, что на целой планете,

Ещё не рождались подобные дети:

Никто не сумеет за пару мгновений

Съесть две шоколадки

И десять печений!

Сыну-сладкоежке родители не просто запретили есть любимые шоколадки и конфеты, а посоветовали заменить их полезными фруктами:

Вот яблоки – лучшая пища детей!

В них много железа!

Ты станешь сильнее!

Пытливый мальчик сразу же бросается на поиски хоть «маленькой гайки», спря-

тавшейся внутри яблочка. «В нём нет совершенно железа!» – восклицает разочарованный юный испытатель, называя маму и папу «просто незнайками». Конечно, это стихотворение заставляет улыбнуться взрослого читателя, а малыша побуждает к вопросам: правы ли взрослые? Есть ли в яблоках железо? Находится ли оно там в виде гаек и болтиков?

Намаконовские герои не только романтические мечтатели, но иногда и обыкновенные трусишки. Стихотворение «Пираньи в ванне» перекликается со стихотворением Агнии Барто «Девочка-рёвушка», только героем является плачущий мальчик, который боится мыться. Используя аллитерацию, поэсса даёт возможность услышать тот рёв, который исходит от нелюбителя воды:

мАмА, мАмА, кАрАул,

Я ещё не утАнул?,

мАмА, мАмАчкА, бедА!

нАлилАсь нА нос вАдА!

Множество самых невероятных предположений и вопросов задаются в произведении: «может, в нашей ванне завелись пираньи? или злобный крокодил в нашу ванну угодил?». Эти вопросы словно исходят от заботливой бабушки или мамочки, которые такими полуслушными вопросами купают и одновременно пытаются успокоить, вызвать улыбку у самого Ванечки-рёвы. Стихотворение поучительно-воспитательное, ведь наверняка среди маленьких слушателей или читателей тоже найдутся те, кто не любит купаться.

Елена Намаконова – автор четырех сборников стихов для детей, от которого юные сахалинские читатели ждут новых добрых и весёлых произведений, открывающих им путь в увлекательный мир поэтического слова.

Использованная литература: Намаконова, Е. В. Машина буква / Елена Намаконова ; худож. Зира Зулу. – Курган : Курганская гор. тип., 2012. – 21 с. ; Намаконова, Е. В. Сказки над рекой : (по мотивам сказок дальневосточных народов – нивхов, нанайцев, уйльта) / Елена Намаконова. – Южно-Сахалинск : Сах. обл. тип., 2015. – 128 с. ; Елена Намаконова. Мне хорошо в стране детства [Электронный ресурс] / ГБУК «Сахалинская областная детская библиотека» ; сост. Пак Сен Сун. – Южно-Сахалинск, 2013.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О САХАЛИНЕ И НА САХАЛИНЕ

ЕРУХИМ КРЕЙНОВИЧ: САХАЛИНСКИЙ ПЕРИОД БИОГРАФИИ

ЛЕВКОВСКАЯ АННА ЮРЬЕВНА

Ерухим Абрамович Крейнович (1906–1985) – лингвист, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР, специалист в области этнографии и языкознания; занимался изучением языков, быта и культуры народов севера Сибири и Дальнего Востока. Для широкого круга сахалинских читателей известен как автор книги «Нивхгу», в которой, используя жанр дневника, Е. А. Крейнович изложил многолетние наблюдения, раскрывающие реальные события жизни нивхского народа, их обрядов и обычаев, религиозных представлений.

Первая поездка Е. А. Крейновича на Сахалин состоялась в 1926–1928 годах, после окончания Ленинградского государственного университета, для прохождения этнографической практики. На остров он приехал исследовать язык, быт и культуру нивхов.

Поездка на далекий остров через всю страну была довольно смелым шагом. Родные и близкие Крейновича всячески отговаривали его затею о столь далеком путешествии. Примечательно письмо отца к сыну, которое Е. А. Крейнович поместил в первой главе своей книги «Нивхгу» (1973): «Подумай, сынок, что ты делаешь? Ведь Сахалин – это страшная каторга, на которую в царское время ссылали людей! Разве может разумный человек сослать себя сам на каторгу? Ты же едешь в это страшное место по своей воле, по своему детскому неразумению. Одумайся, умоляю тебя! Неужели нет для тебя работы в Ленинграде либо в другом благоустроенном

городе, где ты не будешь испытывать тех лишений, на которые себя обрекаешь. Прошу тебя остаться и не ехать на Сахалин – у тебя слабое здоровье. Ведь никто не может заставить тебя, больного, ехать туда»¹⁰⁸. Переживания родных можно понять. Прошел всего лишь год, как Северный Сахалин перешел под юрисдикцию Советского Союза после японской интервенции. Сложное экономическое положение, отсутствие регулярного транспортного сообщения на самом острове и с материком, нехватка продовольствия и других товаров создавали серьезные трудности в устройстве быта¹⁰⁹. Несмотря на такие пугающие обстоятельства, Е. А. Крейнович принял твердое решение ехать на далёкий суровый остров. Своими впечатлениями он позднее поделился с другом в письме: «11 июня прошлого года в 4 часа утра я вышел на палубу парохода. Было холодно я закутался в свою “шубу”. Пароход стоял на якоре в 2-х верстах от Сахалина. В предутренней мгле Сахалин был окутан синей дымкой и мохнатыми шапками тумана были покрыты ещё снежные вершины сахалинских гор. Сахалин был мрачен, но так красив, что я не мог оторвать от него глаз. За этими синими горами жила моя гиляцкая мечта. Нас высадили, я взгромоздился на телегу и когда она тащила меня к Александровску я почему-то запел “Мой миленький уехал из Ростова”¹¹⁰».

По предварительной договоренности Е. А. Крейнович был устроен на работу в секретариат Окрревкома (Сахалинский окружной революционный комитет. – **Прим. автора**) сначала на должность информатора

¹⁰⁸ Крейнович, Е. А. *Нивхгу* / вст. ст. Т. П. Роон / Е. А. Крейнович. – Южно-Сахалинск, 2001. – С. 4.

¹⁰⁹ Там же. – С. 12.

¹¹⁰ Письмо этнографа-студента Ленинградского университета Ерухима (Юрия) Абрамовича Крейновича, адресованное товарищам и научным руководителям. – Хабаровск. 04.051927 г. КП-6473/78.

(с 15 июня по 1 августа 1926 года), а затем – помощника уполномоченного Ревкома по Охинскому району (с 1 октября 1926 года по 9 февраля 1927 года). Дополнительно на него была возложена работа по изучению туземного населения¹¹¹.

Молодому специалисту приходилось много ходить пешком по маленьким нивхским стойбищам, разбросанным по побережьям острова, с целью создания артелей и установления новой власти среди аборигенов.

В то же время (с 1 августа 1926 года по 15 февраля 1927 года) Е. А. Крейнович работал в национальном селении Хандуза на северо-восточном побережье Чайвинского залива в школе-интернате для детей коренных народов¹¹². В школе жили и учились дети оленеводов эвенков, уйльта (ороков), якутов и почти не было детей нивхов, хотя последние густо населяли берега залива. Одной из задач Крейновича как молодого специалиста стало привлечение детей нивхов в интернат. В селении находилось всего лишь одно огромное трёхкорпусное здание, соединённое центральным коридором. Половину корпуса занимали фактория Дальгосторга, магазин и комнаты для сотрудников фактории. Всё остальное полупустующее помещение принадлежало школе. Помимо этого, в селении имелись склад фактории и две небольшие избы на разных берегах реки Хандузы. В одной избе располагались военные сотрудники заставы, в другой – нивх из Чайво¹¹³.

В суровом и холодном климате у детей было плохое жильё и питание, поэтому они тяжело болели. В первую зиму пребывания Е. А. Крейновича на заливе Чайво разразилась эпидемия кори, которая свалила не только школьников, но и всё взрослое туземное население. На руках молодого учителя умирали дети¹¹⁴. На страницах своего дневника Е. А. Крейнович оставил печальное повествование о случившемся: «13 декабря.

Сегодня в школе несчастье: семеро детей (трое мальчиков и четыре девочки) заболело. У всех температура выше 38°. Что с ними никто из нас не знает. Пока мы решили изолировать их от здоровых детей и поместить в отдельную комнату. В палату для больных детей превратили второй класс.

14 декабря. Сегодня снова заболело ещё трое детей. Оказывается, больны нивхи в селениях Чайво и Ванршкво... Сегодня дежурю подле них первый день, а мне уже кажется, что вот-вот я сам начну в лад с ними стонать и зареву. Думал, что буду делать записи по нивхскому языку, но какие тут записи? В голову ничего не идет...

...Дежурства распределили так: нас трое учителей, и мы дежурируем по 8 часов. Ночные дежурства (с 12 ночи до 8 утра) взял на себя. Я выбрал ночь, потому что стал плохо спать. У меня расшатались дёсны, течёт кровь, развивается цинга. Только когда я ночь промучаюсь, я хоть немного посплю днём¹¹⁵. За это время умерло четверо детей.

Сам Крейнович тоже заболел воспалением лёгких и долго не мог оправиться от болезни. В суровых условиях у него обострился туберкулез. 15 января 1927 года из Николаевска на собачьих упряжках прибыл отряд Красного Креста – женщина-врач и фельдшер. С приездом специалистов появилась возможность уже в новой должности уполномоченного по туземным делам Ревкома перебраться на западное побережье, где климат несколько мягче. Крейнович поселился на Тыми в крошечном летнем амбарчике нивхов Плоруна и Навгун. На новом месте по поручению отдела народного образования он должен был создать школу грамоты – ликпункт, проводить ликбез. Ерухим Абрамович вспоминал: «Передо мной стояла нелёгкая задача привлечь нивхов в ликбез. Нивхи не умели даже расписываться и вместо росписи они, как печать, ставили на

¹¹¹ Справка № 5572 от 13 апреля 1927 г., выданная Ю. А. Крейновичу о прохождении службы в секретариате ОКР ревкома в должности информатора с 15 июня по 01 августа 1926 г. и с 01 октября 1926 г. по 09 февраля 1927 г. в должности помощника Уполномоченного ревкома по Охинскому району. КП-6473/31.

¹¹² Справка № 5550 от 12 апреля 1927 г., выданная Е. А. Крейновичу о нахождении на службе в должности учителя-воспитателя Чаевской (Чайвинской) школы-интерната с 1/VIII-1926г. по 15/II-1927 г. и Ликвидатором безграмотности среди туземцев по р. Тыми с 20/II по 2/IV-1927 года. КП-6473/73.

¹¹³ Дневник студента этнографа Ленинградского университета Юрия (Ерухима) Абрамовича Крейновича. Сахалин. 1926–1927 гг. Л. 73. КП-6473/122.

¹¹⁴ Крейнович, Е. А. Нивхгу / вст. ст. Т. П. Роон / Е. А. Крейнович. – Южно-Сахалинск, 2001. – С. 14.

¹¹⁵ Дневник студента этнографа Ленинградского университета Юрия (Ерухима) Абрамовича Крейновича. Сахалин. 1926–1927 гг. Л. 75–76. КП-6473/122.

бумагах чернильный оттиск своего первого пальца. Грамоту и письмо, и книги они называли одним словом “писка” от искажённого писать. Я сказал им, что научу каждого из них писать своё имя, чтобы они умели расписываться по-русски. Это привлекло ко мне восемнадцать человек взрослых нивхов. Среди них были Пимка, Паркызин, Талкин, старик Наумка и даже жена Паркызина Лявкук. Так как столов не было, то в сельском магазине Адатым я выпросил фанерные ящики, расколотил их и сделал двадцать дощечек. Достал я там и картонные коробки. Из картона я нарезал карточки одинаковых размеров и на них написал по букве, из которых можно было составить имя каждого нивхка. Например, Пимка. Когда мы собрались в первый вечер в землянке Пларгина, я положил на колени каждого из своих учеников фанеру, на фанеру положил составленное из карточек имя нивха, объяснив ему, что это начертание его имени. Дал ему карандаш в руки, тетрадку и велел перечертить это имя печатными буквами в тетрадь. С исключительной прилежностью перечерчивали эти взрослые люди свои имена. Когда я проверил, как они выполнили эту работу, поправил буквы каждому, где это было нужно, то я на всех досках перепутал разложенные карточки. Нивхи подняли крик, что я делаю. Тогда я им объяснил, пусть они, глядя в тетрадь, разложат своё имя. Так постепенно я приучил их в три занятия безошибочно по памяти вычерчивать своё имя»¹¹⁶.

Е. А. Крейнович очень серьёзно относился к своим обязанностям уполномоченного. В своих отчетах он анализировал негативное влияние частных торговцев на нивхов, осуждал спекуляцию и предлагал новые решения для улучшения условий жизни коренного населения острова и создания туземных советов¹¹⁷.

28 июля 1928 года Комитет Севера выдал Е. А. Крейновичу удостоверение об оконча-

нии этнографической практики.

«Ночь с 21 на 22 июля [1928 г.]. Итак, скоро отъезд. Через 3–5 дней не более буду в море. Низкий поклон бью Сахалину и еду в Питер. Не уверен только со... я еду или без оного. Но, так или иначе, еду, ведь надо хоть когда-нибудь бросить сахалинствовать», – запишет в своём дневнике Е. А. Крейнович¹¹⁸.

Второй и третий приезды на Сахалин в качестве уже именитого ученого состоятся в 1957-м и в 1960-м годах. Крейнович стремился завершить работу по исследованию истоков нивхского языка. Он проехал по тем местам, которые были ему знакомы с первой поездки на остров, с сожалением отметив, что большая часть стойбищ рыбаков и оленеводов исчезла. Так, например, в сентябре 1960 года учёный посетил Хандузу и в дневнике записал, что от старых строений не осталось и следа, а рядом строится новый великолепный посёлок Чайво, где для нивхов возводятся прекрасные домики с застеклённой верандой¹¹⁹.

Проезжая новые и старые посёлки, Крейнович общался с представителями коренных народов, записывал новые фольклорные тексты и уточнял записи, сделанные ещё в молодые годы. Особенно старательно помогали ученому нивхи Лидия Чвыгайн, Иван Хуган, Николай Воксин, Андрей Кешкер и Анатолий Кавазик.

По возвращении в Ленинград Е. А. Крейнович составил словарь нивхского языка (до настоящего времени рукопись не опубликована. – **Прим. автора**) и написал монографию «Нивхгу» (научно-популярная книга издана в 1973 году в Москве, а затем уже посмертно в 2001 году в Южно-Сахалинске).

За долголетний добросовестный труд Е. А. Крейнович от имени Президиума Верховного Совета СССР решением исполкома Ленинградского городского Совета народных депутатов 30 октября 1979 года был награждён медалью «Ветеран труда»¹²⁰.

¹¹⁶ Дневник студента этнографа Ленинградского университета Юрия (Ерухима) Абрамовича Крейновича. Сахалин. 1926–1927 гг. Л. 81–84. КП-6473/122.

¹¹⁷ Крейнович, Е. А. Нивхгу / вст. ст. Т. П. Роон / Е. А. Крейнович. – Южно-Сахалинск, 2001. – С. 18–19.

¹¹⁸ Дневник студента этнографа Ленинградского университета Юрия (Ерухима) Абрамовича Крейновича. Сахалин. 1928 г. Л. 122. КП-6473/124.

¹¹⁹ Полевой дневник Е. А. Крейновича. Сахалин. Начато 19 августа 1960 г. Л. 3. КП-6473/130.

¹²⁰ Удостоверение от 30 октября 1979 г. о награждении медалью «Ветеран труда» Ю. А. Крейновича за долголетний добросовестный труд от имени Президиума Верховного Совета СССР решением исполкома Ленинградского городского Совета народных депутатов. КП-6473/139.

ПИСЬМА ЕРУХИМА КРЕЙНОВИЧА ВЛАДИМИРУ БОГОРАЗУ: ПОДГОТОВКА К ПУБЛИКАЦИИ

ЛЕВКОВСКАЯ АННА ЮРЬЕВНА,
МАРКОВ ИГОРЬ ГЕННАДЬЕВИЧ

В основном фонде Сахалинского областного краеведческого музея хранится личный архив учёного Ерухима Абрамовича Крейновича (1906–1985), переданный в 1996 году его вдовой Галиной Александровной Разумниковой. Архив включает документы, фотографии и рукописи.

Ерухим Абрамович Крейнович – лингвист и этнограф, занимался изучением языков, быта и культуры народов севера Сибири и Дальнего Востока. Родился 30 марта 1906 года (по старому стилю) в бедной многодетной еврейской семье в белорусском городе Невеле¹²¹. До 12-летнего возраста Е. А. Крейнович учился в начальной религиозной школе, затем поступил в литературный кружок имени писателя В. Г. Короленко, а позже и в городскую драматическую студию. Занятия в литературном кружке развили у юного ученика стремление к творчеству, а общение с гуманистом И. И. Соллертинским – любовь к изучению языков. В 1924 году Е. А. Крейнович поступил в Ленинградский географический институт, одними из основателей которого были выдающиеся этнографы Л. Я. Штернберг (1961–1927) и В. Г. Богораз (1865–1936)¹²².

Студенческие годы были ярким событием в жизни будущего учёного. Под впечатлением книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) Е. А. Крейнович вместе со своим приятелем П. Моллом сначала стали слушателями курса лекций профессора Н. А. Гредескула «История развития общественных форм», а затем Л. Я. Штернберга – «Введение в этнографию». В одной из своих рукописей Е. А. Крейнович

с упоением напишет: «Я стал узнавать на этих лекциях о неизвестных мне до этого времени народах, религиозных представлениях и обычаях. Я забросил всё и стал заниматься одной лишь этнографией. Кругозор моих знаний о человечестве значительно расширился. Тогда в свои 18 лет я решил стать этнографом, уехать к какому-либо культурно-отсталому народу, поселиться среди него и на основе собранных среди этого народа материалов заниматься изучением истории человеческой культуры. Так как В. Г. Богораз читал курс этногеографии, то я решил посоветоваться с ним, к какому народу на территории СССР мне уехать. Он очень внимательно выслушал меня и посоветовал заняться изучением удэ или гиляков. Так как Л. Я. Штернберг мог меня подучить гиляцкому языку, он посоветовал мне остановиться на гиляках, что я и сделал»¹²³. Таким образом, именно В. Г. Богораз подтолкнул Е. А. Крейновича к изучению культуры и быта гиляков, положив начало плодотворной научной деятельности молодого учёного.

На своих лекциях преподаватели рекомендовали студентам этнографического факультета при изучении какого-либо народа входить в их быт, изучать язык, уметь произвести глазомерную съёмку, вычертить карту, зарисовать и сфотографировать объект. Закреплялись знания, как правило, выездом после сдачи всех экзаменов на практику сроком на один год. По мнению Л. Я. Штернберга, за время практики молодые этнографы должны были привыкнуть к окружающей обстановке и иметь возможность проводить свои наблюдения в течение всех сезонов года¹²⁴.

¹²¹ Свидетельство о рождении № 4 от 4 января 1913 г., выданное Е. А. Крейновичу Невельским раввином для поступления в учебное заведение. СОКМ. КП-6473-30

¹²² Роон, Т. П. Е. А. Крейнович: жизнь и судьба учёного / Т. П. Роон, А. А. Сирина // Репрессированные этнографы; сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. – Вып. 2. – М., 2003. – С. 47–48.

¹²³ Крейнович, Е. А. История моего отношения к гиляцкому лингвистическому архиву Льва Яковлевича Штернберга. Рукопись. Научный архив СОКМ. Фонд Е. А. Крейновича. Л. 2–3.

¹²⁴ Гаген-Торн, Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Советская этнография. – № 2. – М., 1971. – С. 13–145.

Первая этнографическая экспедиция Е. А. Крейновича на Сахалин, начавшаяся в мае 1926 года, не обошлась без «отеческой помощи» В. Г. Богораза: «15 апреля. Университет дает студенческий билет для бесплатного проезда от Ленинграда до Владивостока. Владимир Германович Богораз выдает мне для поездки на Сахалин 200 руб. из средств Комиссии по организации студенческих этнографических экспедиций. Я ни о чем его не просил. Но разве его нужно просить?! Он неустанно заботится о питомцах этнографического отделения, словно отец о своих детях. Теперь-то я смогу купить себе сапоги, валенки, кое-что из тёплой одежды, чтобы не страшиться простуды и обострения туберкулеза»¹²⁵. Забота В. Г. Богораза о своём ученике отразилась и в телеграмме Сахалинскому окружному революционному комитету, в которой Е. А. Крейнович рекомендовался как специалист, владеющий гиляцким языком¹²⁶.

Е. А. Крейнович пробыл на Сахалине до августа 1928 года, работал в секретариате Окружного революционного комитета сначала в должности информатора, затем помощника уполномоченного по туземным делам¹²⁷, совмещая эту работу с обязанностями учителя-воспитателя в школе-интернате для детей северян в стойбище Хандуза в районе залива Чайво¹²⁸. Чтобы создать первые туземные советы и объединить нивхов в рыбопромысловые артели, Е. А. Крейнович посещал селения и стойбища коренных народов острова, преодолевая не одну сотню километров пешком, на собачьих упряжках и телегах. Параллельно молодой этнограф вёл активную работу по исследованию быта и культуры гиляков Охотского побережья Сахалина. Работал Е. А. Крейнович «на износ», что не могло не сказаться на

здоровье учёного. В одной из рабочих поездок Е. А. Крейнович, по его собственным словам, «свалился с воспалением лёгких» и летом 1927 года по совету врачей выехал в Забайкалье в санаторий «Олентуй» для лечения¹²⁹.

Поправляя здоровье, Е. А. Крейнович вёл переписку со своим учителем В. Г. Богоразом. В письме от 10 июня 1927 года молодой этнограф вспоминает слова напутствия профессора перед его поездкой на Сахалин. Часть письма посвящена рассуждениям о профессиональной подготовленности студентов к этнографическим экспедициям на Дальний Восток. В заключительной части письма Е. А. Крейнович пишет о своей встрече со знакомыми профессора на Сахалине, а также вспоминает о своих горячо любимых однокурсниках. Позднее, в июне 1931 года, Е. А. Крейнович, находясь в этнографической экспедиции на острове Лянгр Амурского лимана¹³⁰, отправил ещё одно письмо В. Г. Богоразу, в котором сетовал на плохое состояние здоровья, но в то же время поделился радостной новостью об обнаружении в гиляцком языке не известных ранее количественных числительных.

Письма Е. А. Крейновича В. Г. Богоразу прошли тщательный процесс графологического, морфологического анализов и публикуются впервые. Текст, изложенный грифельным карандашом на пожелтевшей бумаге, частично утраченный и затёртый, приводится в публикации с сохранением орфографии и пунктуации автора. Данные письма будут интересны исследователям, изучающим научное творчество этих выдающихся лингвистов и этнографов.

Е. А. Крейнович

Письма Владимиру Германовичу Богоразу

№ 1

Здра[в]ствуйте Владимир Германович!

¹²⁵ Крейнович, Е. А. Нивхгу: загадочные обитатели Сахалина и Амура / Е. А. Крейнович. – М., 1973. – С. 9–10.

¹²⁶ Телеграмма № 1001 от 1926 г. Е. А. Крейновичу в Сахалинский ревком от профессора Владимира Германовича Богораза. СОКМ. КП–6473–91.

¹²⁷ Справка № 5572 от 13 апреля 1927 г., выданная Ю. А. Крейновичу о прохождении службы в секретариате ОКР ревкома в должности информатора с 15 июня по 01 августа 1926 г. и с 01 октября 1926 г. по 09 февраля 1927 г. в должности помощника Уполномоченного ревкома по Охинскому району. СОКМ. КП–6473–31.

¹²⁸ Справка № 5550 от 12 апреля 1927 г., выданная Е. А. Крейновичу о нахождении на службе в должности учителя-воспитателя Чаевской (Чайвинской) школы-интерната с 1/VIII–1926 г. по 15/II–1927 г. и ликвидатором безграмотности среди туземцев по р. Тымы с 20/II по 2/IV–1927 года. СОКМ. КП–6473–73.

¹²⁹ Крейнович, Е. А. Нивхгу. Неиспользованное. Рукопись. СОКМ. КП–6473–643. Л. 41–42.

¹³⁰ В 1931 году младший научный сотрудник Е. А. Крейнович был командирован Музеем антропологии и этнографии Академии наук СССР совместно с Институтом народов Севера в низовья реки Амура для проработки вопросов письменности для нивхов.

Вот уж больше года прошло с того момента[,] когда[,] прощаясь со мной во дворе нашего факультета[,] Вы меня ткнули пальцем в живот и сказали[:]

- Ну езжайте и поклонитесь там от меня знакомым местам.

Ну вот я и поехал[,] вернее[,] бежал в широкую неведомую жизнь от жизни в каменных четырехстенных гробах города. Странно[,] что все думали и думают[,] что я ехал на Сахалин к гилякам, я же ничего не думал, не думаю и сейчас. Я знаю[,] что еду работать и жить, а гиляки [-] это кусочек жизни интересный и увлекательный[,] и настолько существенный для меня, что[,] не закончив его[,] я потеряю все внутренние импульсы для дальнейшего продвижения в жизнь и науку. И так[,] я плыву[,] и Ваш толчок в живот меня часто заставлял вынырнуть на поверхность[,] когда всё тянуло ко дну. Жалею только о своей несовершенной физической конституции[,] которая когда[-]нибудь мне подложит здоровую свинью в тот момент[,] когда я ее меньше всего буду[,] наверное[,] желать. Это единственно печальная штука. Вообще время над теперешним поколением здорово с иронизировало. Пробудив человека от спячки к жизни, оно его бросило в омут исканья, ученья, работы и в то же время с саркастической улыбкой смотрит, как всё живое и молодое горит и сгорает в этом редкостном вихре жизни[,] возвышающем его дух до неимоверного и сжигающим его оплот - плоть. Жестокий факт. И так, ещё раз повторяю, я плыву и знаю[,] что Владимир Германович[,] которому первый раз после года пишу[,] подумывал иногда[,] а как и в каких водах плавает там Сахалинский парнишечка. Ну так вот[,] коли выплыву[,] так и я кой[-]что сделаю своей жизнью, а коли нет [-] то барахло я, и точка.

А теперь к делам. Считаю нужным написать Вам следующее: помните[,] что Север любит работников и людей[,] которые не упадут духом при самой тяжёлой жизненной передрыге[,] которую они там встретят. Далее[,] не выпускайте на Дальний Восток студентов до тех пор[,] пока они не будут знать[,] как пять своих пальцев[,] карту Д. В., районы обитания туз. племен и кой[-]что по этнографии каждой из населяющих Д. В. туз. племен. Будет некрасиво[,] если наши ребята будут садиться в лужу. Далее ещё вот что, помните[,] что Ваша рекомендация очень много значит. Советую быть с рекоменда-

циями осторожней, там[,] где Вы сомневаетесь[,] говорите: [«]Могу предложить[»][,] но не рекомендуйте. Северу нужны люди, плохо будет[,] если наши рекомендованные студенты сядут в лужу. А я уверен[,] что 95% северян подобных (*перечеркнуто*) на это обречено. Помню[,] правда[,] что и Вы мне как[-]то в 25 году пророчили галошу и даже советовали купить номером побольше[,] чтоб в ней было удобней сидеть. Но всё[-]таки хотелось бы мне[,] чтобы все ребята[,] которые поедут на Север[,] вылезли бы так[,] как я, когда всё кругом было огромной галошей. Сдали бы не в меру мои напряженные нервы[,] и я бы уселся в ней прочно. Нервы. Чорт их знает[,] до чего они меня доведут. Мне уже теперь неприятно вспоминать[,] до чего они меня доводили в письмах к товарищам и дневнике. На бумагу я давал им волю изливаться, а в жизни я их держал на узде.

Как[-]то в прошлом году, в это время, ошибся (*перечеркнуто*) конце июля[,] встретил я на Сахалине одного экономиста Великопольского[,] читающего лекции в Владив. университете. Оказывается[,] что он Вас знает. Рассказал он мне[,] как Вы к нему в Казани привели в гости князя Барятинского[,] ибо у него был дом и жена[,] и надо было устроить этому парню обед[,] а у Вас ничего не было. Потом он стал читать Ваши стихи и прочитал стихотворение на смерть Н. Г. Чернышевского, а потом в заключение, сказал, что Вы славный мужик. Не знаю почему вспомнилось, а Великопольский не по летам молод[,] и не понравилось мне сквозящее чванство самим собой. Он приехал в экспедицию, ну так надо ведь снарядится пд, так он снарядился и приехал в сапогах таких огромных[,] что богатырь на первой версте скovyрнулся бы от их тяжести, а из пробковой шляпы[,] которую он напялил на свою башку[,] можно было сделать 500 пробок на пивные бутылки. Но хватит о Великопольском[,] и давайте поговорим о Карл Яныче Луксе. Знаю[,] что он Вам несколько раз хотел написать[,] но никак не мог выбрать времени. Я бы не выдержал одного месяца такой работы[,] как работает он. Он меня просил написать Вам[,] чтобы Вы его извинили за то[,] что ему (*перечеркнуто*) он Вам не пишет. Не пишет потому[,] что он не может урвать времени. Знаю я[,] что он работает по очень много часов ночами[,] так как на нём лежит его любимое дело - Северный комитет, затем Главнаука, Музей, что следовало бы Вам ему написать. Вчера он[,] наверное[,] выехал

из Владивостока в Чукотию[,] вернется он[,] наверное[,] в октябре. Ну вот и всё. Извините меня за советы. Моллу надо ехать на Д.В.[,] а Лукс заинтересован нашим циклом[,] и потому ещё раз повторяю[,] будьте осторожны с подбором работников на Дальн. Восток.

Привет Вашей помощнице по музею Наме. Дерёт ли она всё ещё Сережку за волосы? Если да[,] то возьмите парня под свою защиту[,] а не то изведет она его в конец. Привет и остальным[,] а Тевлянто не парень[,] а прямо «во»[,] показал бы к[а]к китайцы большей палец правой руки. Мы с ним, были ещё и Парфентьев, Чурка, Форштейн[,] упражнялись в моей комнате, в гостинице, кто из нас лучше выстоит на голове, было очень приятно с ними, и весело, и я первый раз по[-]настоящему отвёл душу после Сахалина. Ну ладно. Будьте здоровы и пишите когда[-]нибудь письмецо.

10/VI–27 г.

Курорт Олентуй.

Крейновичу.

Юрий

СОКМ. КП-6473-102.

№ 2

Дорогой Владимир Германович!

Хочется порадовать Вас своей работой, но, увы, эта радость омрачается состоянием моего здоровья. Вы[,] всегда такой бодрый и крепкий[,] вряд ли можете себе представить, что это за кошмар, когда разум и мозг кричат во всю свою силу[,] иди сделай это, иди сделай то-то, это ещё не сделано, а то не доделано, иди и иди... а тело, дрянное противное тело, словно мешок[,] набитый влажным песком, приплюснута к наре. Вы знаете, что такое нет сил поднять голову, нет сил двигать ногами, нет сил подняться с нары[,] на которую сел? Во век не

пожелаю Вам этого знания. Беда[,] да и только.

Удалось сделать немного, за эти две недели пребывания у гиляков. Во[-]первых[,] нашел несколько новых неизвестных мне числительных. Очень интересно числительное n'fask[,]¹³¹ употребляемое для счета ½ пары[,] т'evsk* [-] это счет пары две ½ пары[,] а n'fask половина пары. Идут по этому счету, ноги[,] руки, уши[,] глаза, рукавицы, обувь, наголенники, рукава, берестяные чумашки[,] а теперь заменившие их ведра и др. Эта группа соответствует группе парных предметов в языках Баноу. Во[-]вторых[,] удалось[,] наконец[,] найти ключ к гиляцкой фонетике. Было бы силы[,] я приехал бы в Лененг, с блестящей работой по фонетике гиляков. Но всё это, если было бы силы. В гиляцкой фонетике я брожу уже не наощупь[,] а иду наверняка. Прочь незакономерности. Всё в гиляцкой фонетике очень чётко закономерно и определённо. После найденного мною фонетического закона для различных рядов переходов аспирировано и неаспирир. звуков, фонетика гиляков необычайно усложнилась, но вся эта усложненность вызывает теперь приятное ощущение победы.

Ну ладно. Хвалиться ещё рано. Букварь ещё с мёртвой точки не сдвинулся. Беда[,] что не имею плана северного букваря.

Пишу это письмо[,] лёжа на наре. Устал. Целый день лежу на наре, не имея сил не только двигаться[,] но даже разговаривать с гиляками.

Хоронить меня всё[-]таки подождите, хотя[,] может быть[,] я и впрямь скоро помру.

Любящий Вас лирик Юра.

О-в Лянгр

В юрте гиляка

Шурмана.

30–VI–31 г.

СОКМ. КП-6473-80

РУКОПИСНЫЙ ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРНОГО КРУЖКА ПОСЁЛКА ОКТЯБРЬСКИЙ

ФЕЦОВА ОКСАНА ВЛАДИМИРОВНА

В собрании Сахалинского областного краеведческого музея хранится большая коллекция документов и письменных источников – почти

22,500 предметов. И этот фонд до конца ещё не изучен. Поэтому во время работы с музейными коллекциями исследователи иногда

¹³¹ ньваск

* тьфаск

обнаруживают крайне неожиданные предметы. Так, во время работы над своей книгой «История шахты Октябрьская. 1913–1963» (2017) историк В. В. Щеглов увидел один рукописный журнал, который оказался интересным по своему содержанию. Сегодня посёлок Октябрьский, в школе которого создавался рукописный литературный журнал, нет на карте современной Сахалинской области. Именно поэтому сделаем несколько замечаний об этом почти забытом месте.

Этот посёлок располагался на берегу Татарского пролива, чуть южнее города Александровска-Сахалинского. Этот шахтёрский посёлок возник при угольном руднике на мысе Рогатый. Мыс назван так из-за скал, напоминающих два каменных рога. В этом месте было открыто месторождение угля, который специалистами был признан высокого качества.

Первым человеком, который в 1912 году произвёл разведку площади на мысе Рогатый, стал владивостокский предприниматель С. А. Ренкевич. В следующем году он получил разрешение на промышленную разработку месторождения. Детальное исследование проводил геолог П. И. Полевой. К 1919 году рудник стал первым по результатам производства среди четырех действующих. В последующие годы на руднике были и другие владельцы; рудник пережил японскую интервенцию, несколько лет застоя и восстановительных работ. В 1930-е годы рудник был высокомеханизированным предприятием – более 90 % угля добывалось машинами и механизмами.

В 1940-м году, когда создавался литературный журнал, шахта Октябрьского была флагманом сахалинской угольной промышленности. Население посёлка состояло из небольшого числа местных жителей, которые попали на Сахалин в период каторги, а также приехавших из разных уголков центральной России рабочих, которые уже обзавелись семьями. В 1945 году на посёлок сошла мощная лавина, жертвами которой стал 131 человек. После истощения запасов угля в 1963 году шахты были закрыты, а посёлок упразднён.

Сегодня в коллекции музея находится выпуск журнала № 2 литературного кружка Октябрьской средней школы, посвящённый 15-летию советизации Северного Сахалина. Написан журнал школьниками и учителями в 1940 году. Рукопись, приуроченная победе Советской власти, безусловно, пропитана той идеологией, которой отличались молодые строители коммунизма. На обложке журнала

изображён Северный Сахалин, окрашенный в ярко-красный цвет. Очертания острова выполнены в одном стиле с развевающимся красным знаменем – это иллюстрация того, что Северный Сахалин был советским. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», как известно, присутствовал на гербе СССР и был написан на всех языках советских республик. Листая страницы рукописного журнала, можно убедиться, что вся работа литературного кружка выполнена на совесть, с большим старанием: плотные листы, украшенные рамками с виньетками, разлинованы простым карандашом и заполнены красивым почерком. Содержание документа немного касается и Октябрьской революции. Кроме того, рассказывает о людях Октябрьского, о творчестве учеников школы.

Первая часть юбилейного выпуска посвящена прошлому и настоящему Октябрьского рудника и Октябрьской школы. Представлены воспоминания жителей посёлка, работавших на шахте, учителей школы, рассказывается о лучших учениках.

Открывается журнал небольшой историей о «зарождении жизни» на мысе Рогатом. Этот текст написан учеником 9-го класса. Рассказ не является перечислением событий с датами и именами. Автор наполнил его описательными деталями: «Стоял тёплый летний день 1912 года. К двум мысам, образующим широкий распадок, подошёл большой паровой катер, окрашенный под цвет воды. На море стояла тишина. Только чуть-чуть колыхались волны, осеребрённые солнцем, лениво набегавшие на берег. Катер остановился далеко в море. Спущенная с него лодка медленно отошла от борта. На ней находилось пятеро мужчин. Быстрыми движениями вёсел, двое из них разрезали голубые мелкие волны. Лодка к берегу шла стремительно... Это была первая геологоразведочная группа одного частного промышленника Степанова».

Текст мог бы выглядеть так: «Летом 1912 года геологоразведочная группа частного промышленника Степанова высадилась на мысе Рогатом». Но автор постарался нарисовать образную картину.

Всё повествование демонстрирует решающую роль советской власти в становлении и развитии шахты и посёлка. Именно поэтому проводятся полярные сравнения «до» и «после»: «Прошло 15 лет. Волей большевиков остров каторги, горя и слёз превращён в цветущий рай. И если кто захочет посягнуть

на нашу прекрасную родину, то тот получит сокрушительный удар нашей доблестной Красной Армии, которая била и будет бить всех, кто посмеет на нашу родину напасть».

В этом предложении видно и отражение нестабильных российско-японских отношений. Северный Сахалин находился под угрозой вторжения в связи с начавшейся Второй мировой войной. Всё повествование в литературном журнале патриотично, восторженно и где-то по-детски наивно.

Подобным содержанием, а также такими пафосными по своему характеру выражениями наполнен весь журнал. Это было свойственно многим публицистическим произведениям того времени. События рассматривались в победном ключе. При этом трудности социалистического строительства считались явлением временным и скоротечным. И поэтому рукописный выпуск журнала не мог обойтись без прославления Октябрьской революции.

Далее следует повествование о знаменитых людях посёлка, которое сменяется небольшими сообщениями учителей о своих лучших учениках. «Такие неисчерпаемые богатства дарований таит в себе наша молодёжь. Только при советской власти удастся обнаружить талант в детской среде».

Вторая часть выпуска знакомит читателей со школьным творчеством. В непрофессиональных стихах и небольших рассказах воспеваются природа Сахалина, блага советской власти, часть материалов посвящена истории острова и значимым событиям страны.

УТРО

Люблю я красоту предутренней природы,
Когда она в приятной неге дремлет,
Когда и пышный сад, и голубые воды
Прохлада тихая и нежная
объемлет...

ОСЕНЬ

Как хороша ты осень золотая!
Как хороша твоя печальная краса,
Когда дубравы, нивы увядают,
Стоят в багряный цвет одетые леса...

Частушка как разновидность фольклора со свойственной ей злободневностью раскрывает события, произошедшие в 1938 году у озера Хасан: время столкновений между Японской императорской армией и Рабоче-крестьянской Красной Армией:

Льется песня по приморью, веет тёплый ветерок,
Самураи прутся с боем захватить Дальний

Восток,

Самураи просчитались вблизи озера Хасан,
В кабалу им не придется взять сильнейшую
из стран!

Рубежи границ Приморья охраняют млад и
сед...

– Пограничникам-героям посылаю
я привет!

Не забудьте, самураи – гневен и могуч народ
И не суйте своё рыло в наш советских
огород...

Здесь можно видеть характерные для частушки прямоуто высказывания и экспрессию.

Интересным видится стихотворение Ивана Лукьянца, бывшего ученика и на тот момент уже учителя Октябрьской школы, – «Три доли». Это одно из трёх его произведений, тематически связанных с беспосадочным перелётом Москва – Дальний Восток. Этот перелёт совершён 24–25 сентября 1938 года на самолёте АНТ-37 «Родина» женским экипажем (командир – В. С. Гризодубова, второй пилот – П. Д. Осипенко, штурман – М. М. Раскова). В ходе перелёта (26 часов 29 минут) был установлен женский мировой авиационный рекорд дальности полёта. За выполнение перелёта и проявленные мужество и героизм женщинам экипажа 2 ноября 1938 года было присвоено звание Героев Советского Союза. Стихотворение затрагивает судьбу советской женщины. И не случайно эпиграфом к нему служит отрывок из поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» (1864):

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля с рабом повенчаться,
Вторая – быть матерью сына раба,
А третья – до гроба рабу покоряться.
И все эти тяжкие доли легли
На женщину русской земли...

Иван Лукьянец своё стихотворение построил на сравнении той тяжкой доли, которую волей судьбы имела женщина в царской России, и теми возможностями, которые дала женщине революция:

Женщине нашей три доли даны
Быть дочерью мирной могучей страны,
С мужем стоять на одной
высоте,
Быть матерью сына-героя стране.

...

Женщина наша парит в облаках
Рычаг самолёта в умелых руках;
Она – трактористка, она –
прокурор,

И пограничный славный дозор.
Приходит с работы и радость в лице,
Сынишка встречает её на крыльце,
И знает она, что её сыны
Растут на радость великой стране.

На место обречённой на несправедливость некрасовской женщины приходит новая советская женщина – свободная, любящая и любимая, поставленная в правах на одну ступень с мужчиной. И вот она, гордая и счастливая, парит в облаках, управляя штурвалом самолёта.

Литературное творчество дополняют несколько рисунков и фотографий. Рисунки несут в себе какой-то смысл, но они, к сожалению, не подписаны. Возможно, читателям этой рукописи в 1940 году всё было понятно без слов.

Так как литературный кружок существовал при школе, необходимо уделить внимание людям, которые в ней работали, а в особенности её директору, руководителю литературного кружка.

Начальная школа открылась в 1927 году. В 1930 году в числе специалистов, приехавших на Сахалин, в школу был направлен молодой учитель Илья Григорьевич Миromanов. Ему было 27 лет. С первых дней работы в школе он зарекомендовал себя как трудолюбивый, приветливый и простой в общении человек. В следующем году начальная школа была преобразована в фабрично-заводское семилетнее учебное заведение. В 1932 году она получила статус неполной средней школы, а к 1939-му учебному году было введено обязательное среднее образование. Дефицит учительских кадров директор решал на месте, тщательно подбирая людей среди обычных рабочих и учеников, только что окончивших школу. Они не имели педагогического образования, кто-то работал грузчиком, кто-то продавцом, имея за спиной семь классов. Работая в школе и обуча-

ясь заочно, в будущем эти люди стали лучшими учителями Октябрьской школы.

Сообщение И. Г. Миromanова о росте школы несет в себе одну важную и общую тогда для всей страны идею. Каждый человек обязан был ощущать себя значимой частью великой страны, которая двигалась в направлении светлого будущего. Поэтому школа небольшого посёлка была важным элементом в обучении и развитии «граждан, способных создавать и строить новую эпоху в истории человечества». «И мы у себя на руднике, – пишет И. Г. Миromanов, – не отставали от твёрдой поступи культурного движения вперёд. Мы вместе с другими городами и рабочими посёлками нашей необъятной родины взялись с присущей нам большевистской страстью за введение на руднике повышенного образования для наших детей. ...Наша школа вместе со всеми отраслями нашего хозяйства не отстает, она идёт нога в ногу в передовых шеренгах победителей страны социализма, она не прерывает ни на минуту пульсирующей жизни нашей страны».

Судя по тому, как прожил этот человек свою жизнь, он искренне верил в то, что делал. Из хорошего директора впоследствии он стал неутомимым краеведом, создателем и первым директором Александровск-Сахалинского музея «А. П. Чехов и Сахалин».

Русская народная поговорка гласит: «Каков поп, таков и приход». Идейный руководитель собирал вокруг себя таких же целеустремлённых и талантливых учителей, способных дать детям хороший уровень образования, учить исследовательской работе и развивать их творческий потенциал.

Представленный выпуск № 2 – это единственный выпуск, которым располагает Сахалинский краеведческий музей. Журнал был бережно сохранен семьей Миromanовых и подарен музею женой Ильи Григорьевича Натальей Ионовной в 1963 году.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭКЗОТИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЛАДИМИРА САНГИ

ПОЛУПАН ЕЛЕНА БОРИСОВНА

Писатель, основоположник нивхской литературы и общественный деятель, Влади-

мир Санги (род. 1935) – почётный житель Сахалинской области. Нивхская литература

ассоциируется в основном с его именем. В творческом багаже писателя многочисленные рассказы, повесть «Изгин» (1969), романы «Женитьба Кевонгов» (1975), «Ложный гон» (1965), эпическая поэма «Человек Ых-мифа» (1986) и другие книги.

В своих произведениях Владимир Санги органично сочетает этнографические описания и фольклор. Это способствует созданию атмосферы национальной жизни, поскольку «этнография, включая в неё и народное искусство, и фольклор, донесла до нас мировоззрение не какой-нибудь определённой эпохи, а как бы в спрессованном виде всю сумму напластовываний за всю жизнь народности»¹³². Художественный текст Санги насыщен легендами, сказками, сказаниями, которые позволяют читателю более глубоко проникнуть в духовно-материальные традиции и менталитет нивхов.

В лексическом составе произведений Санги одно из наиболее значимых мест для выражения стилистического своеобразия и передачи атмосферности нивхской жизни занимают экзотизмы.

«Экзотизмы – это национальные названия предметов быта, домашней утвари, одежды, обычаев, обрядов того или иного народа, той или иной страны»¹³³.

В научной литературе выделяются «широкие» и «узкие» экзотизмы (по терминологии А. В. Калинина)¹³⁴. «Широкими» экзотизмами именуются слова, называющие предметы и явления, свойственные жизни нескольких народов (обычно близких территориально, генетически и др.). Подобные лексемы зафиксированы в толковых словарях современного русского литературного языка. Но материал, представленный лексемами, отражающими особенности быта, жизни, культуры одного народа (например, нивхского), – это «узкие» экзотизмы. Экзотизмы этого типа не зафиксированы в современных русских лексикографических источниках.

Чаще всего в литературе встречаются термины «безэквивалентная лексика» и «экзотическая лексика» или «экзотизм» и

наряду с ними нередко в том же или близком значении – «варваризм», «локализм», «этнографизм», «алиенизм», «фоновые слова», «кошютативные слова», «слова с культурным компонентом», «пробелы», или «лакуны». Роднит эти понятия определённая национальная, историческая, местная, бытовая окраска, отсутствие соответствий (эквивалентов) в переводящем языке, а в отношении некоторых – и иноязычное происхождение.

В первую очередь особого внимания заслуживает термин «экзотическая лексика» («экзотизм») как наиболее серьёзный конкурент других терминов. Исследователи отмечают, что экзотизм – это: 1) иноязычное слово, причём некоторые добавляют; 2) «из малоизвестных языков, обычно неиндоевропейских», или 3) вид варваризма; 4) слово, «обозначающее реалию – явление быта, социальных отношений, природы», «жизни, быта, обрядов, обычаев отдельных народов», и 5) слово, употребляемое «для придания речи особого (местного) колорита».

Признаками экзотической лексики являются: отнесённость к национальной реалии, её уникальность, отсутствие синонимов в языке-преемнике, высокая степень обусловленности культурой нации.

Экзотизмы можно разбить на разные тематические группы, обозначающие лица, бытовые реалии, реалии культурной жизни, наименования животных и растений, наименования ономастических реалий, наименования государственных и административно-территориальных образований, этнонимы.

Экзотизмы в творчестве Владимира Санги называют и характеризуют людей, окружающую нивхов природу (море, лес, звери, птицы, ветер и т. д.), предметы быта нивхов, верования.

Экзотическая лексика употребляется в текстах художественной литературы и публицистике в нескольких функциях. В произведениях, рассказывающих о жизни других стран, других народов, экзотизмы выполняют номинативную функцию – называют по-

¹³² Рыбаков, В. Языческое мировоззрение русского средневековья / В. Рыбаков // Вопросы истории. – 1974. – № 1. – С. 4.

¹³³ Диброва, Е. И. Лексикология // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц : в 2 ч. – Ч. 1 : Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / под ред. Е. И. Дибровой. – М. : изд. центр «Академия», 2001. – С. 311.

¹³⁴ Калинин, А. В. Лексика русского языка / А. В. Калинин. – М., 1971. – С. 110.

нения, которым нет эквивалентов в русском языке. Несомненным является то, что экзотизмы представляют собой часть лексической системы языка, а потому одной из их основных функций действительно является номинативная – обозначение реалий жизни и быта других народов и стран. Кроме данной функции, экзотизмы ещё выполняют художественно-стилистическую функцию.

Наиболее продуктивная группа (из 19 проанализированных) экзотизмов в произведениях писателя – экзотизмы, рисующие окружающую природу. Экзотизмы здесь называют:

а) животных (олень-нялак, крестовка, пал-нга):

«Лисовин – прекрасный охотник. За утро с ходу не одну заспавшуюся нерпу. Он без труда мог зарезать оленя-**нялака**» («Изгин»);

«Старик дал соболю имя – **Палн-нга**» («Ложный гон»);

б) морских обитателей (ларга, гой, сивуч, юкола):

«Женищины знали своё дело. Ночь не спали, скоблили добела мочёную кожу **гоя**, освободив её сперва от проявленного мяса и чешуи» («Женитьба Кевонгов»);

«Братья сняли торбаза, сшитые из скоблёной, без шерсти, кожи **ларги**, засучили штаны» («Женитьба Кевонгов»);

в) времена года, годы (ань, осеновка, тиф):

«В то лето ей исполнилось тридцать три **ань**» («Женитьба Кевонгов»);

г) ветер (тланги-ла, конгр):

«Привычная для нивхов морского побережья двухпарусная ишуна, словно чайка, лихо проскочила устьевые белопенные бары, вошла в лагуну и, умело используя постоянный напор **Тланги-ла**, медленно пошла против течения» («Женитьба Кевонгов»);

«Очень давно предок Полуна перевалил Сахалин по ветру **Конгр**...» («Первый выстрел»);

д) море (Пила-Керкк, Матьки-Керкк):

«И ещё их мужчины жили на лагунах **Пила-Керкк** – Большого моря» («Женитьба Кевонгов»);

е) территорию (Миф-тёнгр, Ых-миф):

«Везде уже побывал. Но больше жил на самом севере, на **Миф-тёнгр**» («Женитьба Кевонгов»).

Многочисленна также группа экзотизмов, характеризующая верования, духовную и культурную жизнь нивхского народа:

а) духи, предметы культа (милки, Тайхнад, тэнг, ведр, прунг, миф-ард):

«**Стоят охотники, разинув рты. Стоят и смотрят, как лесная девушка, дочь земного Тайхнада, прошла по склону сопки вместе с соболями**» («Женитьба Кевонгов»);

«Посмотрел Ыхнивн и увидел на берегу много **ведр**» («Об Ыхнивне»);

«А братья-охотники взяли за передние лапы медведя, чтобы совершить с ним ритуальный танец – протащить его вокруг главного **прунга** три раза против хода солнца» («Об Ыхнивне»);

б) легенды (тылгур):

«Вечером после чая по традиции пришло время сказаний. Гости должны рассказать свой **тылгур**» («Женитьба Кевонгов»).

К группе бытовых экзотизмов можно отнести лексику, называющую:

а) еду и напитки нивхов (мос, арак):

«...гости и хозяин уже приложились к **араку** – к воде с таинственной силой» («Женитьба Кевонгов»);

б) предметы быта (торбаза, тык, тьяк):

«Положили меня в **тьяк**, повесили к потолку» («Об Ыхнивне»);

«И не останется ничего, как каждый день добираться до соседнего крыльца, взбираться по скользким заснеженным ступенькам... усердно топать ногами, стряхивая с **торбазов** налипший комками снег» («Изгин»);

в) жилище, помещение (нё, то-раф, ке-раф):

«Охваченный удивлением, Касказик засунул топор под мышку и пошёл в **то-раф**» («Женитьба Кевонгов»);

«Однажды весной кто-то заметил: один из **нё** ограблен» («Тынтрай»);

г) механизмы (остол, зар-тяр):

«Кто-то из приехавших с ним проговорился: этот жених однажды пытался увести чью-то жену. Но нарвался на мужа, и тот прошёлся по его лицу тяжёлым **остолом**» («Женитьба Кевонгов»).

Следующая группа экзотизмов в произведениях Владимира Санги – экзотизмы, называющие людей. В данной группе экзотизмы выполняют:

1) номинативную функцию, то есть называют человека по месту жительства (Ыхнивг), по родственным связям (ахмалк, аки, атк), по роду занятий (тянги, верах):

«– Добрый старец, выслушай меня. В прошлом мой отец привозил в ваш город много дорогой пушнины. В то время у вас был богатый тянги. И мой отец только ему отдавал пушнину» («О юноше-сироте»);

«А-во, стойбище наших **ахмалаков**» («Женитьба Кевонгов»);

2) эмоционально-оценочную функцию (ка- сказик, нгавка):

«– Присаживайтесь, **нгавка**, – обратился Изгин к поэту» («Изгин»).

Особую эмоционально-оценочную, характеризующую функцию в произведениях Владимира Санги несут междометные выражения (*хонь, нгаркара, ыйка*):

«То, что увидел старик, настолько поразило его, что он чуть не крикнул:

«Ыйка!» («У истока»);

«– *Хы! Хы!* – удивились люди рода Трёх братьев.

– **Хонь! Хонь!** – требовали они продолжения» («Об Ыхнивне»).

Таким образом, в художественном тексте Владимира Санги экзотическая лексика выполняет различные функции: номинативную функцию, средство эмоционально-оценочной, а также образной характеристики явлений, отражение национальной языковой специфики, средство, уточняющее значение исконно русского слова, эстетическую функцию. В тексте художественных произведений Владимира Санги экзотизмы выполняют и другую функцию – эстетическую, то есть слу-

жат для создания художественного образа – основной категории художественного текста.

Использованная литература: Диброва, Е. И. Лексикология // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц : в 2 ч. – Ч. 1 : Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование // под ред. Е. И. Дибровой. – М. : изд. центр «Академия», 2001 ; Калинин, А. В. Лексика русского языка. – М., 1971 ; Крысин, Л. П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М. : Языки славянской культуры, 2004 ; Михайлов, А. Художественная летопись народов / А. Михайлов // Полярная звезда. – 1980. – № 1. – С. 104–112 ; Огрызко, В. На родине нивхов / В. Огрызко // Знамя. – 1982. – № 3. – С. 235–236 ; Сенчуров, Ю. Там, где кедры, чумы, юкола... / Ю. Сенчуров // В мире книг. – 1966. – № 10. – С. 28–29 ; Санги, В. М. Путешествие в стойбище Ленво: романы, повести, рассказы. – М. : Современник, 1985 ; Супрун, А. Е. Экзотическая лексика / А. Е. Супрун // Научные доклады высшей школы // Филологические науки. – 1958. – № 2. – С. 51–54.

КОНЦЕПТ «ДОМ» В ПОВЕСТИ АНАТОЛИЯ ТОБОЛЯКА «ДВОЕ В ДОМЕ»

СЛЕПЦОВА ЕКАТЕРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА

Концепт «ДОМ» занимает одно из ведущих мест в русской языковой картине мира. Человек с давних времен строит жилище, чтобы оградить себя от окружающей среды, диких зверей и создать свой защитный мир. Однако для русского человека ДОМ – это и своего рода символ, талисман, знаковое место. В русском языке это понятие получило несколько значений: 1) дом – это жилая постройка; 2) дом – это семья, родня; 3) дом – это и Роди-

на, отсюда и происходит выражение «вернуться домой». Данные вербально-ассоциативного эксперимента показывают, что наиболее частотными реакциями у русских людей на слово «дом» являются: уют, тепло, любовь¹³⁵. То есть это понятие у нас ещё сопряжено и с чувствами, настроением, особым мироощущением. Для русского человека ДОМ – это целая Вселенная.

Вот почему трудно пройти мимо произведе-

¹³⁵ См.: Слепцова, Е. В. Концепт ДОМ в русской языковой картине мира и в тетралогии «Братья и сёстры» Ф. А. Абрамова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Слепцова Екатерина Вячеславовна. – Владивосток, 2009. – 259 с.

ния, где в сильную позицию, а именно в заглавие, вынесена лексема «дом» – «Двое в доме». Это произведение писателя Анатолия Тоболяка (род. 1936), известного как на Сахалине, так и далеко за его пределами.

Повесть «Двое в доме» трогает до глубины души, с одной стороны, своей простотой и искренностью, а с другой – тёплой грустью и узнаваемостью. Такое ощущение, что с этими «двумя» – Еленой Дмитриевной и Павлом Матвеевичем – ты прожил всю жизнь рядом, будто они твои родные люди. Герои так похожи на твоих родителей или бабушку с дедушкой. А в целом они настоящие русские люди, русские по духу, по своему характеру. И в раскрытии этих характеров помогает та бытовая атмосфера, которой Анатолий Тоболяк уделяет значительное место в своём произведении. Повесть словно бы переносит читателей в 1980-е годы, поэтому в книге угадываются реалии советского времени – нехватка продуктов (так, Павел Матвеевич произносит фразу после прогулки: «Говорят, после обеда в гастроном завезут колбасу»¹³⁶), дефицит других товаров, денежный «голод» многих семей. Однако Анатолием Тоболяком не названы точно ни дата происходящих событий, ни конкретный город. Известно только, что герои 25 лет тому назад переехали жить в маленький рабочий городок с тремя детьми, мальчишками, из родной Сибири, потому что Павла Матвеевича отправили сюда «осваивать новое производство». От этого описываемое в повести воспринимается как вневременное, применимое к любому периоду и к любому месту российской действительности. И совсем неважно, какой на дворе год, какой политический строй и кто стоит у власти. Это совсем не важно, так как важны только двое – жена и муж, мать и отец, которые прожили рука об руку много лет, воспитали троих сыновей и поставили их на ноги. Ни у одного из них не сложилась счастливая жизнь в полном понимании этого слова, но у каждого есть своя семья, свои заботы и свои проблемы, но на то она и жизнь.

Критики отмечают, что эта повесть об одиночестве¹³⁷. Недаром Елена Дмитриевна говорит своей бывшей невестке, осматривая взглядом свою квартиру: «Музей, а не квартира. А мы главные экспонаты»¹³⁸. Действительно, семейная пара живёт одна, уже давно не звонят друзья и сослуживцы, но... у них есть дети, хотя последние и живут на расстоянии, они есть друг у друга, они столь трепетно оберегают друг друга, и у них есть смысл и заботы о своих детях и внуках, а ведь у кого-то и этого нет вовсе.

И вот такие характеры главных героев, на наш взгляд, создаются за счет обрисовки квартиры, их дома. Ничего необычного в обстановке квартиры нет, всё до боли знакомо, но от этого зрительнее, осязаемее становится картинка, созданная автором повествования. Прибегнув к концептуальному анализу, попробуем определить, какие средства использует писатель для создания натуралистичности изображения.

Концепт «ДОМ» в этом произведении тесно сопряжен с концептом «СЕМЬЯ». Концепт «ДОМ» представлен такими лексическими репрезентантами, входящими в определённые тематические группы, как:

– «составные части квартиры»: *комната, спальня, кухня, двери, коридор, прихожая, гостиная;*

– «мебель»: *сервант, обеденный стол, шкаф, стеллаж с книгами, стул, кресла, журнальный столик;*

– «еда»: *рыбный пирог, суп, пельмени, которые делали по четыреста штук всей семьёй, когда дети были маленькие, и «за один присест съедали»; чай, хлеб с маслом, сыр;*

– «бытовые действия, связанные с готовкой, уборкой, покупками»: *доварить суп, прибрать в квартире, тряпка, стереть пыль, хозяйственная сумка.*

А ещё с такими атрибутами дома, как *пианино, настенные часы, фотографии, телефон* (он является связующим звеном с внешним миром) и *телевизор*. Центральным героем среди этих бытовых вещей является, на наш взгляд, именно телевизор. Автор не

¹³⁶ Тоболяк, А. С. *Во все тяжкие... Избранное / вст. ст. и прим. Т. Е. Шумиловой.* – Южно-Сахалинск : Сах. кн. изд-во, 2006. – С. 259.

¹³⁷ *Литература Сахалина и Курильских островов : учеб. пособие / отв. ред. Е. А. Иконникова.* – 2-е изд., испр. и доп. – Южно-Сахалинск : ОАО «Сахалинская областная типография», 2015. – С. 146.

¹³⁸ Тоболяк, А. С. *Во все тяжкие... Избранное / вст. ст. и прим. Т. Е. Шумиловой.* – Южно-Сахалинск : Сах. кн. изд-во, 2006. – С. 261.

раз переводит внимание читателя на этот предмет: то телевизор «стоит с погашенным экраном»¹³⁹, как будто до него нет дела, то он главный участник всех событий и собеседник: «Она и сама видит, что передают информационную программу “Время”»¹⁴⁰. Павел Матвеевич может смотреть что угодно – хоть дойку коров, хоть шахматный клуб – с одинаковой задумчивостью и отрешённостью. Елена Дмитриевна, получая недельную программу, внимательно её прочитывает и подчеркивает карандашом интересующие ее передачи – на международные темы, фильмы, спектакли. Последние известия она никогда не пропускает. Прихватывает и те, что передают по радио: у супругов есть транзистор «Океан»... И далее по тексту: «Она пододвигает кресло ближе к экрану – у неё близорукость, но очков не носит – пепельницу ставит себе на колени, закуривает; Елена Дмитриевна готова к тому, что преподнесет ей планета»¹⁴¹... «Странно, что Дима не терпит телевизора, да и Леонид – тоже»¹⁴².

А ещё главная героиня любит читать: «И уж никак Елена Дмитриевна не может понять людей, которые обходятся без газет. Столько ведь событий на планете. И у каждого своего эха, большое или маленькое, – подумать только, что творят мерзавцы в Чили, а эта пальба в Ливане, какой-то фанатизм, бессмысленность, теперь вот Ангола...»¹⁴³. И вот ещё: «На вечер у неё приготовлен толстый детектив; удалось достать в библиотеке. Павел Матвеевич ложится в пол-одиннадцатого, а до этого смотрит телевизор <...> Её время начинается после одиннадцати. Он заснёт; в доме тихо, папироса дымится, страницы шелестят... Как всё-таки странно: всю жизнь она отдала медицине, а мечтала всю жизнь о библиотечной работе... Ну, да не вернешь»¹⁴⁴. Как видим, голос автора здесь перекликается с внутренним монологом Елены Дмитриевны, и трудно определить, где говорит автор, а где уже сама героиня, в результате чего текст приобретает

ироничную нотку. При этом можно отметить, что все эти действия и ритуалы почти ежедневны в жизни супружеской пары, поэтому не важно, какой сегодня день недели и месяц.

Помимо образа квартиры главных персонажей в повести показана ещё одна – квартира жены их младшего сына Виктора. Они живут в соседнем городе с маленькой дочкой в небольшой квартирке, за которую невестка выплачивает кредит, купив её ещё до замужества: «Квартира совсем маленькая: комната крохотна, двенадцать квадратных метров; среди тахты, детской кровати, стола, шкафа и телевизора не развернуться»¹⁴⁵. Но это не самая большая беда. Большая состоит в том, что трёхлетняя внучка больна. Она не может ходить, и от этого щемит сердце. Павел Матвеевич и Елена Дмитриевна рады бы разменять свою огромную квартиру и поехать жить в город к своему сыну, но их квартира никому не нужна. Средний сын Леонид непутёвый, он живёт далеко («...где метут метели со своей второй женой»). Работает в редакции, пишет для удовольствия стихи, но при этом пристрастен к алкоголю. Из-за этого он потерял первую жену и уже взрослую дочь, которая сейчас учится в Москве и живёт в общежитии. Хорошо, что вторая жена Катя уже ждёт ребёнка. А старший сын Дима, самый рассудительный и внимательный, к сожалению, разводится, хотя, казалось бы, не заслужил этого, но ему не повезло с женой. Но как бы то ни было, все вместе они всё равно семья. И Елена Дмитриевна, и Павел Матвеевич всем своим сердцем стараются сохранить близость со своими сыновьями, это ощущение ниточки, связи с родным домом, готовы прийти на помощь, хоть здоровье уже не то, поддержать словом по телефону или письмом, деньгами со своей скудной пенсии. Всю жизнь они жили и работали только ради детей, так и не смогли никуда поехать путешествовать.

И эта связь отчетливо уже проявляется в другом доме – в собственном доме Елены

¹³⁹ Тоболяк, А. С. *Во все тяжкие... Избранное / вст. ст. и прим. Т. Е. Шумиловой.* – Южно-Сахалинск : Сах. кн. изд-во, 2006. – С. 255.

¹⁴⁰ Там же. – С. 269.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же. – С. 258.

¹⁴⁵ Там же – С. 265.

Дмитриевны, родительском. Воспоминания детства нахлыывают на неё, когда она узнаёт из письма, что её сестра Надя при смерти: «Мысленно Елена Дмитриевна вместе с Надей бежит по берегу Томи. Она видит родной дом, срубленный отцом, большие плоты, которые отец перегоняет, брата Дмитрия, коренного и краснощёкого, его же после войны с подвёрнутой штаниной и костылём под мышкой, – неужели всё это было? – и вязкий вкус черемухи во рту, и цыпки на руках, и мамино ворчанье: одежда на вас горит... Надо лететь к Наде»¹⁴⁶. Это воспоминание становится своего рода кульминационным моментом всего произведения, которое по своей сути является бессюжетным, но призвано при этом вызывать в нас эмоции, добрые чувства и переживания.

ДОМ и СЕМЬЯ, СЕМЬЯ и ДОМ невольно предстают неразрывно в ментальном пространстве русского человека. А ещё Родина,

малая и большая. Недаром перед взором писателя ещё раз возникает образ дома, но уже в стихотворении, которое Анатолий Тоболяк написал по случаю отъезда с Сахалина в Израиль:

*Мне этот остров домом стал.
Я не нанес ему урона.
Его построчно прочитал,
И вот коленопреклоненно
Молюсь, чтоб жил
и процветал*¹⁴⁷.

Таким образом, концепт «ДОМ» является ключевым для понимания авторского замысла, заключающегося в особенностях отражения в повести «Двое в доме» того, насколько специфика прорисовывания образов простых бытовых вещей может помочь в заострении внимания читателей на вечных проблемах отцов и детей, взаимоотношений между женщиной и мужчиной, семейных ценностей.

СЕГМЕНТАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА В ПРОЗЕ АНАТОЛИЯ ТОБОЛЯКА

ДОБРЫЧЕВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА

Имя писателя и драматурга Анатолия Тоболяка (род. 1936) широко известно на Сахалине и за его пределами. Перу этого автора принадлежат такие произведения, как «Письма туда и обратно» (1988), «Папа уехал» (1988), пьеса «Влиятельное лицо» (1990), «Невозможно остановиться» (1994), «Некто К.» (1996), а также другие книги.

В произведениях Анатолия Тоболяка прослеживаются две яркие синтаксические особенности. Во-первых, это синтаксическое слияние, которое проявляется в образовании усложнённых конструкций: сложных предложений, насчитывающих в своём составе десятки предикативных единиц, сложных синтаксических целых, абзацев и периодов. В рамках такого сложного предложения или сложного

синтаксического целого может быть диалог (один или несколько), реплики которого не всегда синтаксически, графически и пунктуационно отделяются друг от друга и от основного повествования. Во-вторых, это синтаксическое расчленение, которое представлено сегментированными конструкциями, вводными и вставными предложениями, ненормативным пунктуационным расчленением.

Конструкции синтаксического расчленения создают фрагментарность текстов, их динамизм, имитируют спонтанность высказывания, придают диалогам выраженный оттенок разговорности. Сегментация как синтаксическое средство весьма продуктивна в произведениях Анатолия Тоболяка.

Сегментированные конструкции в прозе

¹⁴⁶ Тоболяк, А. С. *Во все тяжкие... Избранное / вст. ст. и прим. Т. Е. Шумиловой.* – Южно-Сахалинск : Сах. кн. изд-во, 2006. – С. 276.

¹⁴⁷ Там же. – С. 646.

писателя представлены различными группами тематических доминант, воплощающих семантико-грамматическую однородность тем сложного синтаксического целого. Различают три типа тематических доминант: предметную, качественную и импрессивную.

В произведениях Анатолия Тоболяка наиболее продуктивна предметная тематическая доминанта (60 % случаев употребления ТСК). Посредством предметной доминанты тематическая сегментированная конструкция вводит в повествование какой-либо предмет, лицо или явление и их оценку, акцентирует на нём внимание; действие, таким образом, начинает развиваться вокруг этого предмета или лица. Например: «**А папа**¹⁴⁸... просто что-то ужасное случилось... он... меня... поцеловал! И быстро-быстро пошёл вперёд. А я стоял, и глаза жутко жгло» («Папа уехал»); «**Но твоё письмо...** Я получила его сегодня и, перечитав дважды, целый день брожу неверными шагами, как сомнамбула. Даже родители встревожились и попросили почитать, но я сказала, что письмо сугубо интимное» («Письма туда и обратно»).

Менее продуктивна в произведениях Анатолия Тоболяка качественная тематическая доминанта (30 % случаев употребления ТСК). Качественная доминанта вводит в текст характеристику персонажа – внешнюю или внутреннюю, неся при этом положительную или отрицательную характеристику героев. Так автор сосредотачивает внимание читателей на тех качествах персонажа, которые считает первостепенными. Например: «Я тащи́лась по улице и думала: “Сонька – свинья! Это подлость с её стороны, а не участие. А **этот... этот Максим!** Неужели он ещё на что-то надеется, несчастный, пропащий, мёртвый человек?.. А на что надеюсь я?”» («Откровенные тетради»).

Также встречаются единичные случаи употребления импрессивной тематической доминанты (10 % случаев употребления ТСК). Она передаёт внешний мир через эмоциональное восприятие субъекта, то есть субъективное восприятие окружающего мира в зависимости от состояния героя, сквозь призму его чувств. Например: «Ясное синее небо простиралось над далёкими сопками. Невероятная белизна снега под сильным солнцем слепила глаза. И ветер утихомирился, оставив во дворе несколько сломанных тополей. Благостная тишина и солнечная, сияющая белизна... это умиротво-

ренное состояние природы никак не соответствовало, гражданин следовательно, трепыханию моего сердца, боли в затылке, едкой желчи во рту, сверлящим мыслям о вчерашнем» («Некто К.»).

С точки зрения структуры в художественной прозе Анатолия Тоболяка наиболее продуктивны эмоционально окрашенные предложения – восклицательные, описывающие чувства или состояние персонажей. Характерной чертой произведений Анатолия Тоболяка является повествование от первого лица. Этим объясняется повышенная эмоциональность текста: автор стремится не только описать происходящее, но и дать ему свою оценку. С этой целью он употребляет восклицательные предложения (если рассматривать их с точки зрения эмоциональной окраски) и оценочно-бытийные предложения (если характеризовать их с точки зрения главных членов). Вообще, наиболее продуктивно употребляются в виде тематических сегментированных конструкций номинативные предложения в следующих разновидностях: оценочно-бытийные, указательные и бытийные. Последние употребляются особенно часто. Автор применяет в виде тематических конструкций именно номинативные предложения, так как их лаконичность позволяет более экономно и вместе с тем более акцентированно ввести в текст гипертему, сделать тематическую сегментированную конструкцию смысловым «ядром» сложного синтаксического целого. В произведениях Анатолия Тоболяка тематические сегментированные конструкции представлены во всем многообразии своей структуры. Кроме односоставных встречаются и двусоставные предложения, как полные, так и неполные. Можно встретить и распространенные предложения в виде тематических сегментированных конструкций. Встречаются также предложения, осложненные однородными членами, обращениями, вставными конструкциями. То есть автор использует в своих произведениях все возможные структурные потенции тематических сегментированных конструкций.

Тематические сегментированные конструкции в тексте произведений Анатолия Тоболяка обнаруживаются в двух позициях – в начале абзаца и в середине сложного синтаксического целого. Например: «**Ну, а эта смазливая Галочка...** ох, как я ее нена-

¹⁴⁸ Здесь и далее по тексту все выделения наши. – А. Д.

вижу! Вот уж подлинный продукт эпохи. Их пруд пруди, этих Галочек. Они расплодились, как саранча, такие же длинноногие и всеядные, как саранча, – никакой дефолиант беспомощных комсомольских призывов их не берёт!» («Письма туда и обратно»).

Срединная позиция тематической сегментированной конструкции в текстах Анатолия Тоболяка является наиболее распространенной (70 % от общего количества конструкций в тексте). Она более всего отвечает коммуникативным задачам автора.

Тематические сегментированные конструкции, занимающие срединную позицию в сложном синтаксическом целом, выполняют функцию переключения темы из одного коммуникативного регистра в другой. Г. А. Золотова выделяет пять видов коммуникативных регистров¹⁴⁹. Это репродуктивный (изобразительный) регистр, в котором говорящий воспроизводит непосредственно наблюдаемое в его конкретной длительности и последовательности. В информативном регистре сообщаются не прямое наблюдение, а знания, полученные опытным путём или в результате логических операций. Используя генеративный регистр, говорящий обобщает информацию, соотнося ее с универсальным опытом. Здесь в качестве субъекта выступают множественные классы существ, процессы, предметы. Кроме трёх основных регистров, которые чаще всего реализуются в монологической речи, выделяются также волеизъявительный (выражает волеизъявление автора, побуждение к действию) и реактивный (выражает авторскую оценку событий) регистры, которые обычно употребляются в диалогах. В отличие от предыдущих эти регистры не содержат собственно сообщения. В тексте могут сочетаться различные регистровые блоки (особенно ярко это проявляется в диалогической речи). Для ввода новых регистров и служат тематические сегментированные конструкции.

Наиболее характерным для произведений Анатолия Тоболяка является переключение репродуктивного и реактивного регистров (то есть переход от повествования к оценке описываемых событий). Например: «Я поднялся на второй этаж, где учительская, и постучал в кабинет Виктории Ивановны. Она завуч, **Виктория Ивановна**. Та ещё Виктория Ива-

новна! Я видел недавно, как она в магазине чуть не подралась с продащицей из-за килограмма колбасы. Всю жизнь не знать бы такой Виктории Ивановны!» («Папа уехал»).

Также в текстах произведений Анатолия Тоболяка встречается переключение репродуктивного и волеизъявительного регистров (здесь наблюдается переход от повествования к побуждению, волеизъявлению автора). Например: «Опять, в какой уже раз, он видит себя маленьким, в вельветовом костюме, с пылающим лицом в комнате Наташки. Он лежит, плача, на каменистом холме под дождем. Вот он обнимает в темноте садового домика Олю Скворцову. Вновь этот затяжной обморок детства и юности! **Сплошные ошибки, заблуждения, галлюцинации, миражи...** Заблуждения? Галлюцинации? Миражи? Повторить бы их! Невозможно, он знает. Безвозвратный маршрут. Но не кончена же жизнь!» («Похождения Губина»).

Такое переключение регистров говорит о постоянном присутствии образа автора в произведении. Он выступает не как посторонний наблюдатель, а как участник событий, который стремится дать свою оценку происходящему.

Ещё одна функция тематических сегментированных конструкций в срединной позиции – переключение субъектных сфер повествования (то есть перенос внимания с одного субъекта повествования на другой). Субъектная сфера текста – это обозначение в сложном синтаксическом целом лица или предмета, который является темой этого текста. Сегментированная конструкция помогает переключать внимание с одного субъекта текста на другой. Это наиболее типичная функция тематических сегментированных конструкций в этой позиции в прозе Анатолия Тоболяка. Например: «За тебя я спокоен. Родительские искусы ты выдерживаешь и редакционные соблазны тоже. **Но это Влиятельное Лицо из телевидения...** оно, знаешь, слегка раздражает меня. Не слишком ли демократично для Влиятельного Лица приглашать внештатного сотрудника в редакционный бар?» («Письма туда и обратно») – здесь тематическая сегментированная конструкция переключает субъекты *ты* (жена героя) и «**Влиятельное Лицо**», обозначенное в самом сегменте.

Менее распространена позиция тематиче-

¹⁴⁹ Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидорова. – М., 1998. – С. 273–276.

ских сегментированных конструкций в начале абзаца. В этой позиции они вводят в повествование гипертему нового сложного синтаксического целого, то есть тему, которая получит развитие в последующем, законченном в смысловом плане фрагменте текста. Редкое употребление сегментированных конструкций в этой позиции говорит о том, что автору не столь важно акцентировать внимание читателя на гипертеме сложного синтаксического целого, которая выносится в начало абзаца посредством тематических сигналов в виде сегментированной конструкции. Вынесение гипертемы в тематическую сегментированную конструкцию и намеренное привлечение внимания к ней автор чаще всего использует в тех случаях, когда переходит от повествования к рассуждению, отступает от непосредственного изображения событий и высказывает своё мнение, оценку по поводу каких-либо событий, действий, состояния, чувств героя, например: *«Наконец, жирные пятна. Тут вроде бы всё ясно. Когда ты писала, то ела пирожное и пила кофе – край листка замочен. Ну а эти расплывшиеся строчки... это что такое? Неужели пролитые слёзы? Неужели ты плакала?»* («Письма туда и обратно»).

Кроме того, независимо от положения в тексте тематические сегментированные конструкции в произведениях Анатолия Тоболяка выполняют собственно экспрессивную функцию. Члены текст на коммуникативно значимые отрезки, тематические сегментированные конструкции выносят в начало сообщения его гипертему, акцентируя на ней внимание отчленением тематического сегмента и дублированием его словом-корреля-

том в основной части, тем самым придавая ей большую экспрессивность. Тематические сегментированные конструкции в экспрессивной функции могут выражать как положительную, так и отрицательную оценку героя, его нравственных качеств, поступков и т. д. Например:

«Я хватаю его за грудь, скомкав в кулаке рубашку».

«Как сказал?»

«А вы что думаете, она на особом положении? Заскорузли вы в своей Тьмутаракани!»

«Моя дочь, гад... Моя дочь...»

«Ну?»

«У неё светлая голова. Она умница, моя дочь. Вам, гадам, к ней не подступиться, нет!» («Вокруг Аси»).

Таким образом, представляется возможным говорить о своеобразии стиля Анатолия Тоболяка. Это выражается в повышенной экспрессивности на текстовом уровне. Это достигается использованием различных средств, в первую очередь сегментированных конструкций. Сегментация широко представлена в прозе Анатолия Тоболяка и является одним из ведущих приёмов организации текста в его произведениях, поскольку такие конструкции позволяют обеспечить более динамичное развитие действия.

Используемая литература: Тоболяк, А. Двое в доме: повести / А. Тоболяк. – М., 1984 ; Тоболяк, А. Денежная история. Некто К. : криминальные повести / А. Тоболяк. – Южно-Сахалинск, 1996 ; Тоболяк, А. Откровенные тетради: повести / А. Тоболяк. – Владивосток, 1982 ; Тоболяк, А. Письма туда и обратно: повести / А. Тоболяк. – Южно-Сахалинск, 1988.

ТОПОНИМЫ ПЕРИОДА КАРАФУТО ВО ФРАГМЕНТЕ РОМАНА НИКОЛАЯ МАКСИМОВА «ЖИЗНЬ БЕЗ ЖИЗНИ»

СИНЕНКО ВАЛЕНТИНА ЮРЬЕВНА

В одном из интервью Николай Иванович Максимов (род. 1911) назвал себя «рядовым дальневосточным писателем»¹⁵⁰, однако родился он не на Дальнем Востоке, а в Баку.

Происходил из семьи учителя, что повлияло на дальнейшую деятельность педагога и писателя. После окончания двухгодичных курсов Свердловского пединститута Максимов

¹⁵⁰ Совбан, Л. Ф. Николай Максимов: «Рядовой дальневосточный писатель» // Сахалин и Курильские острова в литературе и периодической печати : сборник научных статей / под ред. Е. А. Иконниковой и А. А. Степаненко. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2013. – С. 46.

начал вести педагогическую деятельность, работал учителем в школах Урала, Чукотки и Порт-Артура¹⁵¹. Первый рассказ Николай Максимов напечатал в газете «Советский Уэллен», редактором которой тогда являлся.

На Сахалин Максимов приехал в возрасте 50 лет. Работал директором Сахалинского отделения Дальневосточного книжного издательства. Широкую известность Николай Максимов получил после издания романа «Поиски счастья» (1952) о судьбе русских поселенцев Аляски и коренных жителей Чукотки, который вышел отдельной книгой в Хабаровском книжном издательстве и многократно переиздавался. Ещё один известный роман писателя «Шуми, Амур» повествует о жизни речников-дальневосточников. Помимо написания крупных прозаических произведений Николай Максимов пробовал себя в драматургии, а также рассказах, повестях и очерках. Литературная деятельность писателя была высоко оценена, за что ему было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР»¹⁵².

Николай Максимов имел богатый жизненный опыт, который сложился из проживания в самых разных частях России. Работа над романом «Поиски счастья» велась, когда Максимов жил и вёл педагогическую деятельность в Порт-Артуре, а роман «Шуми, Амур» появился во время работы писателя в Хабаровске. Опыт проживания в разных городах послужил возникновению множества идей и задумок для будущих романов, которые так и не были осуществлены в полной мере. Но, тем не менее, писатель оставил существенное литературное наследие, несущее как художественную, так и историческую ценность.

В произведениях Николая Максимова затрагивались многие темы. Не обошёл он и тему эпохи Карафута на Сахалине. В неоконченном романе «Жизнь без жизни» Максимов обращает внимание читателя на трагическую судьбу корейских рабочих. Действие фраг-

мента романа «Жизнь без жизни» разворачивается в августе 1945 года. Императорская армия Японии стремилась к территориальному расширению, поэтому требовала всё больше и больше солдат. Взамен призванных солдат на Карафуту завозилась рабочая сила из Кореи. По прибытии в губернаторство корейские рабочие сразу же оказывались в долговой зависимости от хозяина, причём долг с каждым годом рос и выплатить его было практически невозможно. Поэтому должники попадали в пожизненную кабалу. Главным героем повествования является корейский юноша Цой Ден Рок, который тоже попал в такую зависимость, и мысли его только о том, чтобы заболеть и ослабнуть, тогда он будет свободным или сможет умереть. Это единственный выход из долговой зависимости.

Этот фрагмент всегда обозначается в качестве выдержки из неоконченного романа. Однако не существует достоверной информации о том, было ли ещё что-то написано Николаем Максимовым в рамках романа «Жизнь без жизни» помимо опубликованного уже после смерти писателя фрагмента¹⁵³. Вероятно, как и многие другие отрывки и фрагменты, написанные автором для выступлений перед читателями, остались не более чем набросками и зарисовками замыслов, которые так и не были осуществлены. Слушая публичные выступления Николая Максимова с данным фрагментом, Николай Тарасов сделал вывод, что романа на самом деле не существует, и то, что Николай Максимов озвучивал как отрывок, на самом деле просто живописный рассказ¹⁵⁴. Ознакомившись с доступными экземплярами книг Николая Максимова из фонда Сахалинской областной универсальной научной библиотеки, мы не нашли никаких других выдержек из романа «Жизнь без жизни», что повышает вероятность того, что роман так и остался неосуществленным замыслом.

Возвращаясь к фрагменту романа «Жизнь

¹⁵¹ Вековой юбилей. 18 декабря исполнилось 100 лет со дня рождения сахалинского писателя Николая Ивановича Максимова // *Губернские ведомости*. – № 22. – 2011. – С. 236.

¹⁵² Совбан, Л. Ф. Николай Максимов: «Рядовой дальневосточный писатель» // *Сахалин и Курильские острова в литературе и периодической печати: сборник научных статей / под ред. Е. А. Иконниковой и А. А. Степаненко*. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2013. – С. 46.

¹⁵³ Николай, Максимов. *Жизнь без жизни (отрывок из романа)* // *Литературно-художественный альманах «Сахалин»*. – Южно-Сахалинск: Сах. книж. изд-во, 1998. – С. 113–114.

¹⁵⁴ Вековой юбилей. 18 декабря исполнилось 100 лет со дня рождения сахалинского писателя Николая Ивановича Максимова // *Губернские ведомости*. – № 22. – 2011. – С. 236.

без жизни», а в частности, японским названиям, упомянутым в повествовании, отметим, что автор указывает три топонима: хороним – Карафуту как южная часть острова Сахалин, входившая в состав Японской империи, а также два астионима: Тоёхара (в настоящее время – Южно-Сахалинск) и Маока (в настоящее время – Холмск). Обратим внимание на происхождение данных японских топонимов.

С приходом японцев на Южный Сахалин в 1905 году было произведено масштабное переименование географических объектов и населённых пунктов. Уже в июле 1905 года Южный Сахалин был официально переименован в Карафуту, затем в 1907 году получил статус губернаторства, а в последующие два-три года почти все селения острова получили японские названия¹⁵⁵. Существует несколько версий, как появилось название «Карафуту».

В переводе с японского языка «кара» означает «иноземные страны», а сахалинское слово «футу» переводится как «устье реки»; согласно другой версии, «кара» – «пустота», «футу» – «толстый», «обширный». Таким образом, Карафуту можно трактовать как «пустое пространство»¹⁵⁶. Ещё одна версия гласит, что «Карафуту» произошло из общего названия людей – «карахито». На языке ороочонов же «карафуту» означает «креветка», поскольку очертания острова напоминали ороочонам креветку¹⁵⁷. Такое же мнение сложилось и у японцев.

В процессе переименования населённых пунктов ввиду языковой схожести японцы использовали айньские названия, иногда изменяя их звучание. Однако название «Тоёхара» не зависело от используемых ранее наименований этого места. Основанное в 1882 году село Владимировка имело много разных

звучаний: Владимирское, Владимировское, Владимирка¹⁵⁸. Однако происхождение названия селения оставалось загадкой. Антон Павлович Чехов в своей книге «Остров Сахалин» объясняет название так: «...названное в честь одного майора по имени Владимир, заведовавшего каторжными работами»¹⁵⁹, но других подробностей Антон Чехов не приводит. По версии Чехова, село названо в честь персоналии.

По другим данным, Владимиркой в народе называли каторжный тракт от Москвы в Сибирь через город Владимир, по которому осуждённые преступники добирались до острова¹⁶⁰.

Во время юрисдикции японцев на Сахалине Владимировку переименовали в Харуки по фамилии японского майора, рота которого заняла селение. В 1908 году часть названий на Карафуту была пересмотрена и изменена, из-за чего Владимировка была вновь переименована и получила новое имя – Тоёхара¹⁶¹. Бывшее русское селение японцы называли Китатоёхара, что в переводе означает «Северная Тоёхара».

Новое название в Советском Союзе было непривычно для слуха и потому нередко называлось по-разному: от Тоюхара до Тайехаро, Тоёхара и даже Той-Ахо. Но чаще применялся вариант Тойохара. Это написание и было закреплено Указами президиума Верховного Совета РСФСР и СССР 1946 года¹⁶².

Именно поэтому Николаем Максимовым было применено название «Тойохара»¹⁶³.

Если обратиться к правилам японского чтения, то японское название города будет читаться как «Тоёхара», от иероглифов «тоё» – «богатый» и «хара» – «поле, долина».

Маока же в отличие от Тоёхары было айньским, причём самым большим на Южном

¹⁵⁵ Костанов, А. И. Страницы истории города Холмска / А. И. Костанов. – Южно-Сахалинск : Сах. отд-ие ВООПИК, Архивный отдел Сахалинского облисполкома, 1990. – С. 47.

¹⁵⁶ Безбах, Л. С. Губернаторство Карафуту [Электронный ресурс] // Журнал «Самиздат» [сайт]. – Режим доступа : http://samlib.ru/b/bezbah_1_s/karafuto.shtml.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Федорчук, С. П. Владимировка – Тоёхара – Южно-Сахалинск / С. П. Федорчук. – Владивосток : ОАО «ИПК Дальпресс», 2012. – С. 27.

¹⁵⁹ Чехов, А. П. Остров Сахалин / А. П. Чехов. – СПб. : Авалонъ, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 218.

¹⁶⁰ Федорчук, С. П. Владимировка – Тоёхара – Южно-Сахалинск / С. П. Федорчук. – Владивосток : ОАО «ИПК Дальпресс», 2012. – С. 28.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Максимов, Николай. Жизнь без жизни (отрывок из романа) // Литературно-художественный альманах «Сахалин». – Южно-Сахалинск : Сах. кн. изд-во, 1998. – С. 114.

Сахалине поселением. Поскольку первые подробные письменные сведения о Мауке появились в ходе Амурской экспедиции 1849–1855 годов под руководством Геннадия Ивановича Невельского, в различных источниках XIX века название этого поселения имеет несколько вариаций: Маука (Маока), Энтрумгомо, Тунай. Все эти названия имеют айновское происхождение¹⁶⁴.

Современные исследователи иногда переводят «Маука» как «ветреное место». Однако, согласно айноско-русскому словарю Михаила Михайловича Добротворского, изданному в 1875 году, «мау» означает «шиповник», а «ка» – «холм», «вершина»¹⁶⁵. Таким образом, наиболее точным объяснением названия «Маука» следует считать – «холмы, поросшие шиповником». Вариант этого названия – «Маока» – указывает расположение селения на холмах, и именно под этим названием поселение получило статус города в апреле 1922 года в соответствии с «Положением о городах, посёлках и селах Карафута»¹⁶⁶.

Географическое положение селения повлияло на появление и других айнских названий. «Энтрумкомо» («Энтрумгомо») происходит от слов «энтрум» – мыс и «комо» – вогнутый, загнутый и означает «селение на мысу». «Тунай» происходит от числительного айнского языка «ту» – два и «най» – река¹⁶⁷. Это название довольно точно указывает на местоположение селения между устьями двух рек, что подтверждается и описаниями путешественников середины XIX века¹⁶⁸.

Все вышеперечисленные японские названия звучат в реплике главного героя. Цой Ден Рок восклицает: «О, мама! Знала бы ты: сколько шпал на железной дороге от Тойохары до Маоки, столько на Карафута и корейских могил»¹⁶⁹. В противовес активно развивающимся городам губернаторства ставится трагическая судьба рабочих корейцев, погибающих на чужой земле, не имеющих права освободиться и вернуть-

ся на родину. Николай Максимов описал в своём неоконченном романе судьбу целого народа через страдания одного человека. И в этом заключается ценность произведения для сахалинской литературы и истории.

Использованная литература: Афанасьев, Н. Холмску – 120 / Н. Афанасьев, А. Гарин, Ю. Метельский. – Южно-Сахалинск : Дальневос. кн. изд-во, Сахалинское отд-ие, 1990. – 208 с. ; Безбах, Л. С. Губернаторство Карафута [Электронный ресурс] // Журнал «Самиздат» [сайт]. – Режим доступа : http://samlib.ru/b/bezbah_l_s/karafuto.shtml ; Вековой юбилей. 18 декабря исполнилось 100 лет со дня рождения сахалинского писателя Николая Ивановича Максимова // Губернские ведомости. – № 22. – 2011. – С. 236 ; Гальцев-Безюк, С. Д. Топонимический словарь Сахалинской области / С. Д. Гальцев-Безюк. – Южно-Сахалинск : Дальневос. кн. изд-во Сах. отд-ие, 1992. – С. 163 ; Костанов, А. И. Страницы истории города Холмска / А. И. Костанов. – Южно-Сахалинск : Сах. отд. ВООПИК, Архивный отдел Сахалинского облисполкома, 1990 ; Максимов, Николай. Жизнь без жизни (отрывок из романа) // Литературно-художественный альманах «Сахалин». – Сах. кн. изд-во, 1998. – С. 113–114 ; Совбан, Л. Ф. Николай Максимов: «Рядовой дальневосточный писатель» / Л. Ф. Совбан // Сахалин и Курильские острова в литературе и периодической печати : сборник научных статей / под ред. Е. А. Иконниковой и А. А. Степаненко. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2013 ; Федорчук, С. П. Владимирова – Тоёхара – Южно-Сахалинск / С. П. Федорчук. – Владивосток : ОАО «ИПК Дальпресс», 2012. – С. 27–33 ; Холмск. Краски нового дня. 1870–2015 / под ред. А. В. Тарасова. – Южно-Сахалинск : ООО «Издательство “Сахалин – Приамурские ведомости”», 2015 ; Чехов, А. П. Остров Сахалин / А. П. Чехов. – СПб. : Авалонъ, Азбука-Аттикус, 2012.

¹⁶⁴ Холмск. Краски нового дня. 1870–2015 / под ред. А. В. Тарасова. – Южно-Сахалинск : ООО «Издательство “Сахалин – Приамурские ведомости”», 2015. – С. 8.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же. – С. 39.

¹⁶⁷ Там же. – С. 6.

¹⁶⁸ Там же. – С. 7.

¹⁶⁹ Максимов, Николай. Жизнь без жизни (отрывок из романа) / Николай Максимов // Литературно-художественный альманах «Сахалин». – Южно-Сахалинск : Сах. кн. изд-во, 1998. – С. 114.

«ЧЕХОВ НА САХАЛИНЕ» ШЕЙМУСА ХИНИ: ОПЫТ ПЕРЕВОДА НА
СЕРБСКИЙ ЯЗЫК

CHEKHOV ON SAKHALIN BY SEAMUS HEANEY THE EXPERIENCE OF
TRANSLATING INTO SERBIAN

ГЛИНТИЧ НЕМАНЬЯ
Traduttore, traditore
Italian expression

At the very beginning of his article *How to Read a Translation*, Zoran Paunovic, a professor of English Literature at the Faculty of Philology of the University of Belgrade, an essayist and one of the most important contemporary Serbian translators, offers a suggestion: “If you don’t have to – don’t read it at all. Read the original”. Shortly after, Paunovic enriches the gnomic nature of this statement with an effective allegorical image of a translator as a “born loser”, an “anti-hero” who violates the harmonious relationship between the writer and the reader, and finally – a “third man” where this idyllic love novel inevitably gets a criminal plot. “In this crime novel”, Paunovic further states, “the translator plays the role of the killer of the literary work, of course, and the writer and his work are victims, while the reader remains with a role of not always a competent detective who feels that a corpse reeks, but from where, he’s not exactly sure”.

When you have a love triangle and a reeking corpse, the best thing you can possibly hope for is that the crime, a perfect crime of passion, was committed, as much as it may sound paradoxical. Someone, in the end, will not get an easy task to carry out a valid forensic reconstruction of such a crime, which will depend on several factors, and the most important is certainly the identity of the victim.

Although I am not a professional translator nor a professional translation theorist, it is clear to me that in much wider and more densely intertwined field of translation studies, the greatest challenge is to bring the theory and practice of translation into harmony. One can’t exist without the other, both are stipulating their

own requirements, but their mutual demands are often inconsistent and satisfied only in exceptional cases.

If I remain briefly on the trail of a criminal metaphor, this article should simultaneously serve as both the forensic report and the confession of the criminal who committed his first (more serious) crime. I am aware that the crime is far from perfect, but I proudly admit that it was committed out of passion. The name of the victim (and here I am about to abandon forensic linguistics) is Chekhov on Sakhalin.

Chekhov on Sakhalin is the poem of an Irish poet and a Nobel Prize for Literature laureate Seamus Heaney (1939–2013). The poem was published in the book of poetry *Station Island*¹⁷⁰ in 1984. In this collection of poems Heaney has managed to build an authentic poetic discourse with the basic intention to examine the role, the place and the responsibility of an artist in challenging and difficult historical and political conditions. Thus, it is not surprising that the Chekhov on Sakhalin found its place in the first poetry cycle of this collection. Although written in the context of Troubles in Northern Ireland and the conflict in Ulster which resulted in the mass arrest of Irish nationalists suspected of co-operating with the Provisional Irish Republican Army and their imprisonment without trial at the notorious HM Prison Maze, it was fully accomplished as a consistent poetic reminiscence of Russian story writer and dramatist Anton Pavlovich Chekhov and his biographical and lyrical dealing with Sakhalin Island. However, the Irish poet was

¹⁷⁰ The title of the collection refers to the Sanctuary of Sv. Patrick, an ancient pilgrimage site on the border area between the Republic of Ireland and Northern Ireland, on the Island Station in the middle of Lake Loh Derg.

less intrigued by historical coincidence of the degraded position of political prisoners in penal centers, thousands of miles and almost a century away from each other, and much more intrigued by a Russian author who, as a man, a writer and a public figure must have felt similar moral obligation: to take a stand against the cause célèbre he was faced with.

During my literary studies Chekhov's episode on Sakhalin was not revealed to me. In a number of critical texts about Chekhov, which I had the opportunity to read, not only had I not noticed the significance of his Sakhalin experience – I did not even realize that as a result of this experience, among many other things, a book of travel notes Sakhalin Island, one of the most important investigative journalism books of the 19th century, had been written¹⁷¹, nor that a pure distillate of horror, madness and darkness that Chekhov brought in his masterpiece Ward no. 6 was previously derived in the laboratory of torture and fear on Sakhalin.

Life circumstances and an acquaintance with Elena Alexandrovna Ikonnikov, a professor of Russian literature, whom I met in 2015 in Harbin, a Chinese Manchurian city near the Russian border, revealed the other Chekhov to me, giving me the opportunity to think critically about him and, finally, to visit Sakhalin Island and find myself standing in a place where a Russian writer once stood with horror and in disbelief. It is inconceivable to me today to think about Chekhov and the significance of his literature without taking Sakhalin into consideration. Chekhov without Sakhalin is Shalamov without Kolyma. Solzhenitsyn without Ekibastuz. Dostoevsky without katorga and the Dead House.

Shortly before I read Heaney's poem for the first time, I came across an interesting article Love in the Time of Numbness; or, doctor Chekhov¹⁷², written by Siddhartha Mukherjee, an Indian-American oncologist, a writer of popular science articles and a Pulitzer Prize winner. The basic question that Mukherjee asks is "What and how shall we write in times

of numbness", holding that this must be one of the key questions writers nowadays must face. In an attempt to provide an answer to this question, he's taking Chekhov on Sakhalin as a case study. While discussing the possible motives of Chekhov's mysterious departure to a faraway island, Mukherjee dismisses the Russian author's claim that he was there to run a census of the Sakhalin population and conduct an ethnographic project as part of his medical studies, as well as his fear of illness and death (before going on a journey Chekhov was diagnosed with tuberculosis) as "half-lies" and "merely an excuse". As the most possible motive, based on Chekhov's private correspondence from that period, Mukherjee cites his numbness, deadliness and the need to re-sensitize himself: "Chekhov used Sakhalin as an antidote. It may not have restored his health, but it restored his sensitivity. He moved beyond his own numbness and found a new means of engagement with his world – and, in doing so, invented a new kind of writing". This new, previously unknown literature that Chekhov found on Sakhalin Island, Virginia Woolf would call an "unfamiliar tune" and point out that it requires "a very daring and alert sense of literature to make us hear the tune, and in particular those last notes which complete the harmony".

When I read the poem Chekhov on Sakhalin, I had the feeling that Seamus Heaney was thinking about the Russian writer in a very similar way. Although the poem had been translated into Serbian by a respected translator Srba Mitrovic, I felt a great desire to try to offer another translation. I intend to write more about the experience and the genesis of this translation.

First, I would like to stress some information that I find important. I translated the version of the poem Chekhov on Sahalin that was published in the book of poetry Station Island. While reading Mitrovic's translation, provided by professor Ikonnikov, I noticed that the first three verses of the third quatrain materially deviated from the original that was at my disposal, which led me to suspect that there were two versions of the poem. The late Srba Mitrovic was one of the most appreciated and

¹⁷¹ The book has not been translated into the Serbian language yet. Croatian translation appeared in Yugoslavia in 1988 (Otok Sahalin), it was translated by Andjelko Malinar and published by "August Cesarec" in Zagreb.

¹⁷² The article had been published in magazine The New Yorker on April 11th this year.

undoubtedly the most dedicated translator of the poetry of Seamus Heaney into Serbian, so I could not attribute these deviations to something that could not even be regarded as a creative freedom of the translator. Since I am in China at the time of translating and writing this article, I am not able to get any of the books of Mitrovic's translations. However, electronic access to the Cooperative online bibliographic system and services of Serbia helped me to come to at least one conclusion. Mitrovic's translation of Chekhov on Sakhalin was certainly published in the 1993 book *Seamus Heaney: Poems in the edition printed by "Cicero" in Belgrade*. In the Content section I even found the information that it was printed on pages 80–81.

On the other hand, the insight into the doctoral dissertation of Stefan Pajovic Poetic toponymy of Seamus Heaney, which was defended this year at the Faculty of Philosophy of the University of Novi Sad, gave me a new trace. In chapter 3.5.3. of this work under the title Russia, which refers to the exploration of Russian chronotoponyms in Heaney's poetry, Pajovic's research is entirely based on the poem Chekhov on Sakhalin. In several occasions he cites certain verses from a poem that he very likely translates for himself. What was important to me (except for curiosity related to Pajovic's translation solutions) was to determine the name of the book of poetry according to which the verses of the poem were translated, since I concluded that it was the same version that Mitrovic translated. Based on the Register of all toponyms from the poetry of Seamus Heaney and the primary literature used by Pajovic, I concluded that it was the poetry collection book *Opened Ground: Poems 1966–1996*. This helped me to get the version of the poem that was already translated into Serbian. For the sake of comparison, I offer the original and Mitrovic's translation:

CHEKHOV ON SAKHALIN

for Derek Mahon

So, he would pay his 'debt to medicine'.
But first he drank cognac by the ocean
With his back to all he had travelled there to
face.
His head was swimming free as the troikas

Of Tyumen, he looked down from the rail
Of his thirty years and saw a mile into himself

as if he were clear water:

Lake Baikal from the deckrail of the steamer.

So far away, Moscow was like lost youth.
And who was he, to savour in his mouth
Fine spirits that the puzzled literati
Packed off with him to a penal colony –

Him, born, you may say, under the counter?
At least that meant he knew its worth. No cantor

In full throat by the iconostasis
Got holier joy than he got from that glass
That shone and warmed like diamonds warming

On some pert young cleavage in a salon,
Inviolable and affronting.
He felt the glass go cold in the midnight sun.

When he staggered up and smashed it on the
stones

It rang as clearly as the convicts' chains

That haunted him. All through the months to
come It rang on like the burden of his freedom

To try for the right tone – not tract, not thesis –
And walk away from floggings. He who thought
to squeeze

His slave's blood out and waken the free man
Shadowed a convict guide through Sakhalin.

ЧЕХОВ НА САХАЛИНУ

За Дерека Махуна

Тако ће платити свој „дуг медицине“.
Али пре тога он испи коњак крај океана
Окренут леђима свему што је дошао да
види.

Глава му је лебдела слободна као тројка.

Из Тјумена, гледао је уназад с пречаге
Својих тридесет година и видео миљу
дубоко

Кроза се, као да је он сам бистра вода:
Језеро Бајкал с палубе пароброда.

Москва, тако далека, била је као изгубљена
младост.

А ко је он, док у устима осећа
Префињен укус који су му сметени
књижевници

Спремили за пут у кажњеничку колонију –
Он, рођен, можеш рећи, ту негде испод

тезге?
 Најмање то ипак значи: знао је вредност пића.
 Ниједан појац, савршеног грла крај
 иконостаса
 Не доби светију радост но он из тог стакла.

Које је сјало и грејало као дијаманти што
 греју
 На неком младом живахном деклотеу у
 салону,
 Неприкосновено и пркосно.
 Осећао је како се стакло хлади на поноћном
 сунцу.

Када се затетура и разби флашу о стене,
 Зазвонило је јасно као робијашки ланци
 Који га непрекидно прогоне. Кроз све
 месеце
 Који ће доћи звонили су као рефрен његове
 слободе,

Као да тачан тон траже – не расправу, не тезу –
 И као да беже од бичевања. Он који је
 мислио да исцеди Своју ропску крв и разбу-
 ди слободног човека,
 Пратио је као сенка спроводника робијаша
 широм Сахалина.

Obviously, Mitrović's intention was to capture all of Heaney's poetic images and transfer them into the language of translation, which he did successfully. On the other hand, Heaney's unsettling decasyllable (predominantly hypercatalectic, but also catalectic) was completely lost in translation, as well as its loose internal rhyme, which, along with alliteration as the dominant stylistic figure, builds the melody and the tone of the poem. In Mitrović's translation, the number of syllables ranges from 12 to 19, but in the last quatrain the second and the fourth verse are fractured, most probably in order to avoid the long verse of 22 syllables.

There's no doubt that translation is an extremely challenging job since it necessarily requires the meticulous reading and interpretation of both the content and the creative principles by which this content is achieved and according to which it functions. In translating poetry, the problem becomes even more complicated because such is the nature of poetry: it compresses and encodes the semantic potential of the text that should be deposited in old, familiar or new, previously unknown molds and patterns. Therefore, the creative principles of a great poet can only be deciphered by a reader with reliable

hermeneutical skills and by a gifted creator who, after he decompresses the original meaning from the original language, must compress it once again into the language of translation. To achieve an identical result is to achieve an extremely rare result, since, in addition to all the rules and norms that need to be respected, there are also major obstacles in different maternal melodies, i.e. the different spirit of the languages that are set in parallel in the translation process. Hence, the best translators often commit the crime that Zoran Paunovic speaks of. However, Paunovic also says something else: that it is not bad to have more translations of the same literary work, especially when it comes to the work of a great writer, since it is never known whether some of these bad translations, from the depths of their defects, would bring something good on the surface, since "sometimes even poor translation can reveal something that remained hidden in the good one".

The circumstances I've translated a version of Heaney's poem, which, according to my knowledge, was not previously translated into Serbian, as well as a modest consolation that, if it turns out to be an imperfect crime, my translation may bring something good after all, encouraged me to decide to translate the poem. Besides, since each translation is logically an interpretation of a literary work, in my defense, I would like to say that I would prefer if a reader would see my translation as a work of a literary interpreter who for the first time translates the poem of a famous poet and writes an essay about such experience with certain academic pretension.

First, I'd like to offer first version of the translation, which I made in order to capture poetic images and try to decompress their meanings stored in the original.

CHEKHOV ON SAKHALIN

So, he would pay his "debt to medicine".
 But first he drank cognac by the ocean
 With his back to all he travelled north to face.

His head was swimming free as the troikas
 Of Tyumin, he looked down from the rail

Of his thirty years and saw a mile
 Into himself as if he were clear water.
 Lake Baikal from the decrail of the steamer.

That far north, Siberia was south.
Should it have been an ulcer in the mouth,

The cognac that the Moscow literati
Packed off with him to a penal colony –
Him, born, you may say, under the counter?

At least that meant he knew its worth. No
cantor

In full throat by the iconostasis
Got hollier joy than he got from that glass.

That shone and warmed like diamonds
warming
On some pert young cleavage in a salon,
Inviolable and affronting.
He felt the glass go cold in the midnight sun.

When he staggered up and smashed it on the
stones
It rang as clearly as the convicts' chains
That haunted him. In the months to come

It rang on like the burden of his freedom.

To try the right tone – not tract, not thesis –

And walk away from floggings. He who thought
to squeeze
His slave's blood out and waken the free man

Shadowed a convict guide through Sakhalin.

ЧЕХОВ О САХАЛИНУ

Дакле, тако би вратио свој дуг медицине.
Али најпре испи коњак крај океана
Леђима окренут свему што је оставио иза
себе

На путу до севера.
Глава му је јездила слободно попут тројке

Из Тјумења; погледа низ пругу тридесет
година дугу и сагледа своју дубину:
Као да је и сâм бистра вода: језеро
Бајкал виђено с палубе пароброда.

На том северу крајњем и Сибир је јужно.
И тај чир у устима што осећа није ли то
коњак који су му московски књижевници
спаковали за пут у кажњеничку колонију –
Њему, могло би се рећи, рођеном под

тезгом?

Та знао је вредност пића макар. И ниједан
појац
Раскошнога гласа крај иконостаса светију
Радост не искуси као он тада из тог стакла.

Светлуцавог и топлог попут дијаманата
На разиграном, младом деколтеу неком
Неумољивом и дрском усред салона.
Стакло се хладило на поноћном сунцу.

Затетурао се и разбио боцу о стену
Зазвеча јасно попут робијашких ланаца
Који су га прогонили. У месецима који ће
доћи
Тако ће звучати време његове слободе.

Не да изазове расправу или постави тезу
Већ да пронађе прави тон и удаљи се од бича
Он, решен да исцеди своју ропску крв и
разбуди слободног човека, пратио је попут
сенке не кажњеника
Већ његовог спроводника широм Сахалина.

I quickly understood to what extent the structure of Heaney's poem and the nature of his decasyllable are difficult to be transferred into Serbian, and I understood why Mitrovic gave up on achieving a disciplined metrical reflection of the original. Decasyllable in Serbian poetry is a fairly traditional verse which can appear in its two forms, as an epic, asymmetric decasyllable, with a caesura after the fourth syllable, and as a lyrical, symmetrical decasyllable, with a caesura after the fifth syllable. Both verses are primarily characteristic for folklore poetry, but it is the epic decasyllable that is especially inconvenient in this case, since its secant, militant rhythm can easily make non-epic subject sound unnatural, even grotesque. The lyrical decasyllable would certainly be more convenient, but its consistent use would easily disrupt the modernity of Heaney's poetry. So in this first translation I did not even try to respect the number of syllables. However, in order to express the most credible meaning and, as far as possible, to establish some kind of melodic line within the translation itself, I have faced the problem of the fifth verse. Decompression resulted in loss of quatrain in the first and the last stanza. It was particularly challenging to resolve the last two verses of the poem, since they carry an implicit commentary of the lyric subject, which, at the conceptual level, encodes the whole poem. It is obvious that these two verses represent the main

hermeneutical node of the poem. However, interpretations of these verses often indicate that Heaney's intention was to suggest that despite trying the right tone that would express the evidence of the severity of the crimes committed in the Sakhalin prison camp in the best way possible, Chekhov did not have enough courage and moral responsibility to see the reality of that gulag from within nor to confront the enslaver in a more direct way, since instead of being in front of the convict guide, face to face with him, he found himself behind his back. However, it is precisely now that we should recall the words of Virginia Woolf about how much it is necessary to have a daring and alert sense of literature in order to hear and understand the significance of this new unfamiliar tune that Chekhov found on Sakhalin.

Mukherjee, on the other hand, says that Chekhov "had honed his observational skills and matured into an astute diagnostician". So it is extremely important to return to the question What was Chekhov doing on Sakhalin all over again. And not with a concealed positivist curiosity that tends to figure out the personal reasons of his departure. No, this question should have been asked in a different way: what was Chekhov doing on Sakhalin during his stay? In his article, Mukherjee states that "Sakhalin Island, to put it mildly, was not a place for the faint-hearted. What Chekhov found there was a community even more depraved than the one he had left behind—an island society on the edge of sanity, law, and self-discipline. The men on this island hunted each other for sport. Women were routinely sold into prostitution. The children were malnourished and enslaved by adults. The prisoners bribed the guards, and the guards beat the convicts nearly to death".

Mukherjee also points out that Chekhov's clinical distance from which he is observing this depraved community is the distance of a good doctor and diagnostician, who does not fall into the trap of moral anger and indignation aroused by the patient's disease. Instead, he does something incomparably harder and braver: he observes, describes, diagnoses, empathizes and heals. It is also important to pay attention to the fact that one "who taught to squeeze his blood out" must have been very familiar with the psychology of a slave, and to realize that the real object of his observation and treatment was the other one, the one who enslaved. The one whom Chekhov follows like a shadow, the one whom he spies on, the one whom he is observing, the one whose illness he diagnoses is,

in fact, the enslaver, i.e. the one acting on behalf of the enslaver. It was Chekhov's way to establish the element and logic of crime and find "a new means of engagement with his world". To obtain a medical history, form a diagnosis and prescribe a brand new therapy. That's why Chekhov is a great writer. This is what I had in mind when I decided to put the syntagma convicts guide in the disjunctive position, in order to make this hermeneutical reading as visible as possible. However, in order to emphasize this dichotomy, I had to face with the loss of quatrain.

Such reading was also the main reason why I decided to translate the title of the poem as Чехов о Сахалины (Chekhov about Sakhalin). I thought that this title would be more appropriate since it linguistically deflects the reader from the seduction of the "positivist" style reading. The Chekhov who wrote about Sakhalin is far more valuable than the Chekhov who was on Sakhalin.

Both the narrativeness of the poem and the Heaney's decasyllable, which proved to be rather incompatible with the variants of the Serbian decasyllable(s), along with my primal intent to simply decompress the meanings stored in the original, resulted in a rather flawed translation. That is why it became a template, a map, an architext for a new translation. I also found myself in need to try the right tone in order to get as close as possible to the melodic line of the original poem or, if it was impossible for this translator, at least to establish a coherent melodic line within the translation itself. I counted on the fact that such a translation would somewhat carry the curse of the adaptation and the transformation and that in this process, as Umberto Eco once wrote, I will have to negotiate quite a lot. If a translator, according to Zoran Paunovic, is an inevitably a born loser, an anti-hero, a third man, and, finally, as the Italian expression says – a traitor, I thought that I may have enough alibi to commit another crime that might be more perfect at least:

CHEKHOV ON SAKHALIN

So, he would pay his "debt to medicine".

But first he drank cognac by the ocean
With his back to all he travelled north to face.
His head was swimming free as the troikas

Of Tyumin, he looked down from the rail
Of his thirty years and saw a mile
Into himself as if he were clear water.
Lake Baikal from the decrail of the steamer.

That far north, Siberia was south.
Should it have been an ulcer in the mouth,
The cognac that the Moscow literati
Packed off with him to a penal colony –
Him, born, you may say, under the counter?

At least that meant he knew its worth.
No cantor
In full throat by the iconostasis
Got hollier joy than he got from that glass.

That shone and warmed like diamonds
warming
On some pert young cleavage in a salon,
Inviolable and affronting.
He felt the glass go cold in the midnight sun.

When he staggered up and smashed it on the
stones
It rang as clearly as the convicts' chains
That haunted him. In the months to come
It rang on like the burden of his freedom.
To try the right tone – not tract, not thesis –
And walk away from floggings.
He who thought to squeeze
His slave's blood out and waken the free man
Shadowed a convict guide through Sakhalin.

ЧЕХОВ О САХАЛИНУ

Хипократу да дугове врати, но
Најпре коњак испи крај океана
Лицем окренут северу силном
Док глава му хрли као тројка

Из Тјумења. Погледа низ пругу
Тридесет година дугу и виде вир
У себи, као да је и сâм вода:
Језеро Бајкал с палубе брода.

На северу том, Сибир је јужније
У устима чир да л' коњака је чар
Московских писаца спакован дар
За пут до кажњеничке колоније

Њему зар, рођеном испод тезге? Тај
зна бар шта добра је кап. Ни појак
Дивног гласа крај иконостаса
Ко он из тог стакла не осети рај

Што сија и греје као дијамант
Деколте разиграни, млади
Окрутни и неваљали. Али
На месечини стакло се хлади.

Посрну и разби боцу о камен
Зачу се звонко ко на робу ланац –
Авет што га гони. Стиже знамен
Песме о мучној слободи. Амен.

У тону је све, и бекству од бича
Не у тези ил' трактату. Не цеди
крв из себе, раба, за слободу цина:
Прати целата сужња Сахалина.

In this second try, I've decided to establish a melodic line based on the hendecasyllable (due to the significant number of verses in decasyllable with a different caesura, it is the hendecasyllable predominantly catalectic, but also hypercatalectic). In addition, I tried to preserve as much as possible the alliteration and internal rhyme. However, the melody line of translation had its own internal logic which made me establish a rhyme at the end of the verse as well, though completely inconsistent and without a strict pattern (aabb, abba, abab, masculine, feminine rhyme), and with the aim of creating unfamiliar tune through unexpected melodic and rhythmic counterpoints.

Regarding the treatment of content, I was guided by the principle of simplification as well as by Umberto Eco's principle of ruining. Here are some examples of these negotiations: debts to medicine have become debts to Hippocrates (Хипократу да дугове врати), which I think made poem sound more lyrical and personal, the back (леђа) turned to all he traveled north to face in the third verse of the first stanza became face (лице) of the lyrical hero who faces the north (i.e. what he is about to discover in the north), the salon (салон) from the second verse of the fifth stanza got lost in translation, since the semantic potential that orbits around the words cleavage and diamonds invoke the salon atmosphere, the midnight sun (поноћно сунце) lost its metaphoric capacity and gave back the magical power to the word moonlight (месечина), the ringing of convicts' chains that will echo in the coming months as a refrain or as a burden of lyric subject's freedom, became simply a poem about burdened freedom (песма о мучној слободи), which in some way reconciled both meanings of the word burden. At the end of the last verse of the sixth stanza, the word amen (амен) appears as, I suppose, the most serious transgression and betrayal, since it may seem that probably nothing in the original justifies its appearance in the translation. However,

much more than to achieve decasyllable or rhyme, the word *amen*, due to the powerful performative power it possesses, served me to associate the poem about burdened freedom with prayer and open the crack for such an interpretive reading. On the other hand, *amen* is a word that is liberated from any meaning, but contextualized, it represents the affirmation and approval of the content that precedes it. You can view this as treachery and narcissism or, maybe, as a responsibility of a particular kind. The translation solution I offered in the last verses is a direct consequence of the interpretation that was highlighted earlier. Hence, a literal translation он, који је хтео да исцеди своју ропску крв и пробуди слободног човека (he who taught to squeeze his slave's blood out and waken the free man) and who eventually ended up shadowing a convict guide through Sakhalin, has got a more universal meaning in this new translation and has been transformed into a manifest of new ways of struggle and action in a world that conceptualized camps and death programs. I am aware that such a solution can be

viewed as too radical, but from the point of view of the meaning, I do not think that it violated its substance, and that, essentially, it is a more radical cosmetic change of the text, which on the surface manifests some of its internal potentials.

I would like to make a conclusion that is on the trail of Umberto Eco's views on translation, which is primarily seen as an interpretation and negotiation. The compression of language units into metrical patterns that would generate an authentic melody line of text required exhaustive and exhausting negotiation activities. I hope the benevolent reader will understand the logic of these negotiations. Also, one should not forget that the aim of any fair negotiation is to agree on things that are equally acceptable and constructive to both sides. And in order to achieve this, it is necessary to hear and understand the demands of the other party, and not only what and how something is being said, but what, in my personal opinion, is even more important – why something is being said.

САХАЛИН В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

МИФ О «ТРЕХ СОЛНЦАХ» У НАНАЙЦЕВ И ХЭЧЖЭ

ЛИ ИН

Сахалин и Курильские острова не являются исконным для нанайского народа местом. Однако в середине XX века в силу разных причин нанайцы проживали на островах (так, например, известно, что после окончания Второй мировой войны несколько нанайских семей переехали на Сахалин). В частности, небольшой период своей жизни (с 1967 по 1973 год) провёл на Сахалине нанец Андрей Александрович Пассар (1925–2013) – поэт, писатель и переводчик. В собрании произведений А. А. Пассара отдельное место занимают сказки и легенды нанайского народа. При этом мифологическое творчество коренных народов Дальнего Востока изучено недостаточно полно. Попытаемся сопоставить между собой варианты одного, как кажется, мифа, бытующего у нанайского народа, проживающего на Дальнем Востоке России, и у народности хэчжэ, входящей в одну из этнических групп современной Китайской Народной Республики.

Китайская национальность хэчжэ и проживающие в России нанайцы представляют собой один и тот же этнос. У них есть общие предки, единый язык, культура, традиции и верования, но в России и Китае они отличаются, у каждого народа есть свои специфические черты. Отличия нанайцев и хэчжэ отчетливо фиксируются в мифологическом творчестве. Так, у двух народов есть миф о «Трёх солнцах» (иначе он называется «Стрелять в Солнце»). Когда-то миф был единым, имел общую смыслодержательную основу, сейчас же его трактовка у нанайцев и хэчжэ совершенно иная. В этих изменениях отражается полярная культура Востока и Европы.

Как известно, под этносом подразумеваются исторически сложившаяся устойчивая совокупность людей, объединённых общими признаками, в которых различные направления этнологии (этнографии) включа-

ют происхождение, единый язык, культуру, хозяйство, территорию проживания, самосознание, внешний вид, менталитет и другое. По мнению Б. П. Полевого, народность дючеры, жившие в низовьях Сунгари и по Амуру в районе устьев Сунгари и Уссури, были нанайцами.

Бытующий в Китае миф «Стрелять в солнце» очень популярен. В мифе говорится, что во времена Яо взойшло на небе десять солнц и всё на земле выгорело. По приказу Яо искусный стрелок сбил девять солнц. Освободившийся от жары народ ликовал. А находчивый Яо стал императором. Миф «Стрелять в Солнце» имеет очень много вариантов у представителей разных национальностей, и только у хэчжэ есть миф о «Трёх солнцах». Приведём вариант этого мифа, когда три солнца одновременно появились на небе и тем самым принесли людям бедствие: «Давным-давно на небе было три солнца, своим светом они испепеляли землю. Людям жилось очень тяжело: было слишком жарко, посевы умирали, воды исчезали из рек, деревья сгорали, а все животные прятались под морем и днём не могли выходить наружу. В это время родился богатырь Моргэн. В шестнадцать лет он был высоким, сильным, мог свергать вершины гор, мог испить много воды из реки, мог преодолевать глубокие пруды. Не был богатырь Моргэн обыкновенным человеком. По слову своего отца, богатырь упражнялся в стрельбе из лука каждый день. И изорвал 99 луков, и выпустил 99,999 стрел, и наконец стал мастером в использовании лука и стрел. Чтобы стрелять в солнце, Моргэн пошёл на восток. Он пересек 99 гор и перешёл 99 рек, перепрыгнул 99 ущелий и пришёл на берег моря. Моргэн стоял на вершине горы, под ногами у него расстилалось море. Герой ждал, когда три Солнца появятся на небе. Двумя стрелами сбил герой два солнца.

Одно солнце осталось на небе, но в пасмурную погоду стоящие на горах люди могут видеть три солнца: одно находится на небе, а по бокам другие солнца. Сильно прижатые к земле они очень похожи на «уши» первого солнца».

А вот как выглядит пересказ нанайской легенды о «Трёх солнцах»: «Когда-то в стародавние времена существовало на небе три солнца (возможно, Дажьбог, Хорс и Солнце). И жили в начале света три бога: Шанвай, Шанкоа и Шанка, у каждого из которых было по лебедю-ныряльщику.

Решили как-то боги послать своих лебедей на речное дно, чтобы достать песок и камни для Земли. Птицы нырнули и пробыли под водой семь дней. И создали Шанвай, Шанкоа и Шанка из камней женщину Джуличу, мужчину Кадо и деву Мамилчжи. И сказал однажды Кадо: «Три солнца на небе, от них слишком горячо. И негде ни человеку укрыться, ни зверю, а птицы сгорают прямо в полёте. Желая я два солнца застрелить!». Взял мужчина лук и стрелы и после захода солнц отправился на восток, чтобы утром осуществить задуманное там, где должны были взойти три солнца.

Долго бежал Кадо, бежал он сквозь леса, бежал сквозь сопки. Его одежда превратилась в лохмотья, всё тело героя покрылось ссадинам, а обувь развалилась. Но упорный мужчина бежал и жалел времени, чтобы хотя бы на минутку присесть и отдохнуть. И вот, как только забрезжил рассвет, добежал Кадо до того места, где поднимаются три солнца. Но несмотря на то, что светила ещё не показались, на том месте уже было сильно жарко и нечем было дышать. И тогда мужчина вырыл яму и спрятался в ней. Как только взойшло первое солнце, Кадо выстрелил в него. Во второе же он не попал, а третье солнце всё-таки убил.

В то самое время на берегу Амура на остывших камнях нарисовала дева зверей и птиц. И застыли эти камни навечно.

Вот с тех самых пор и обходит Землю только одно Солнце. И только в особо морозные дни порой появляются на небе отсветы двух других солнц, которые когда-то погасли. А древние рисунки на скалах и валунах близ нанайского села Сикачи-Алян остались людям как память о великом подвиге первого на Земле охотника».

Проведём сравнение двух мифов «Стрелять в Солнце» у народов хэчжэ и у нанайцев

«Три Солнца». Эти два мифа имеют несколько общих черт. Например, в каждом мифе речь идёт о трёх солнцах, два из которых следовало удалить с неба. И в пасмурную погоду два ушедших с неба солнца можно увидеть. Но есть между мифами и различия. Приведём их.

1. В нанайском мифе есть сведения о появлении Земли и человека на ней, а в мифе хэчжэ такого нет.

2. Появление героя в двух мифах разные: у хэчжэ герой Моргэн сам тренировался и преодолевал трудности. В нанайском мифе прямо говорится о появлении героя, созданного богами из камней.

3. В нанайском мифе, в отличие от мифа у хэчжэ, есть имена у каждого солнца (Дажьбог – имя, возникшее в период многобожия; Хорс – имя солнца у восточных славян и общеизвестное Солнце).

4. В мифе хэчжэ использовано число «9», например: 99 гор, 99 рек, 99 ущелий и 99,999 стрел. Это необходимо, чтобы выразить что-то большое и преодолимое героем. В нанайском мифе трудности, возникающие перед героем, показаны другими средствами.

5. В мифах места прицеливания в солнца неодинаковы. У хэчжэ Моргэн стоял на берегу восточного моря, а в нанайском мифе – на берегу реки Амур.

6. В нанайском мифе есть упоминание о появлениях наскальных рисунков, а в мифе хэчжэ такого нет.

7. В нанайском мифе герой Кадо стрелял в Дажьбога и в Солнце, но не тронул Хорса. В мифе хэчжэ такой детализации нет.

Отличия двух мифов, несмотря на то, что хэчжэ и нанайцы относятся к одному народу, объясняются различием культур, верований и местом (географическим положением) формирования мифа. Первоначально для хэчжэ и нанайцев был характерен политеизм (многобожие), позже нанайцы приняли православие. Так как народ хэчжэ проживал и продолжает проживать в Китае, то на миф хэчжэ оказала большое значение культура «хань», в которой присутствуют разные цифры. Так, в Китае с симпатией относятся к цифрам 3, 7, 8 и 9. Например, цифра «8» по звучанию похожа на иероглиф, означающий наличие в будущем большого количества денег, а цифра «9» при произношении созвучна с тем, что обозначает «большой, высший или долгий». Поэтому в мифе «Три Солнца» стечение большого количества цифры «9» означает то, что делается

После подписания «Пекинского договора» в 1884 году Цао Тинцзе начал заниматься изучением истории и географии приграничного региона и работать над политикой укрепления северо-восточной части Китая и сопротивления против царской России. Во все выходные дни и другое свободное время он собирал, подробно анализировал китайские классические летописи и иную литературу о северо-восточной части Китая с древних времен и до 1880-х годов. Учёного интересовали «стратегия основания государства», «Историко-географическое описание империи династии Цин», «Кодекс узаконений древности и современности царствующей династии», «Записки о мудром императоре».

Цао Тинцзе побывал в приграничной зоне северо-восточной части Китая, обследовал стратегически важные и опасные места, посещал военачальников на границе, исследовал всё сложное и непонятное, не делая при этом никаких исключений. Весной 1885 года учёный одновременно закончил рукописи (первоначальный вариант) двух монографий: «Об исследовании древних памятников» и «Важнейшие данные об укреплении и обороне северо-восточной границы». Первая работа написана на основе результатов исследований экспедиции на местах и материалов по археологии. Во втором труде приведены факты и проанализировано положение управления северо-восточной полосой Китая при династиях Мин и Цин на основе общеизвестных материалов и китайской классики. Тем самым учёным было доказано, что бассейн реки Хэйлунцзян принадлежал Китаю с древних времен и до нынешнего дня и является неотъемлемой частью территории Китая.

В апреле 1885 года по указу императора династии Цин губернатор провинции Гиринь должен был отобрать кандидатуру для выяснения пограничного состояния между Китаем и Россией. По рекомендации тунлина (командующего несколькими знаменными войсками династии Цин) Цзинбяньских тыловых коммуникаций армии Ге Шэнлинь Цао Тинцзе переодевался торговцем, расследовал оборонительную безопасность на китайско-российской границе, а потом во всех случаях своевременно докладывал о результатах секретного наблюдения.

13 апреля 1885 года Цао Тинцзе отправился из города Саньси (в настоящее время – город Илань) в районы среднего и нижнего течения Хэйлунцзян и области к востоку от реки Уссу-

ри для выяснения обстановки. 27 апреля этого же года Цао Тинцзе пересёк границу и двинулся по течению реки Хэйлунцзян до северо-восточного устья реки, из устья реки вверх по течению вновь вошёл в реку Хэйлунцзян, добрался до город Хайланьпао (в настоящее время – город Благовещенск), потом обратно возвратился в Боли (в настоящее время – город Хабаровск), затем по течению реки Уссури на юг с переходом острова Ханка до города Хэйшеньвай (дословно – «излучина трепанга»; в настоящее время – город Владивосток), на лодке доплыл до устья реки Ян Чу. А 8 сентября (по лунному календарю) уже был на границе Хунчунь. И уже 30 сентября вернулся в провинцию Гиринь.

С начала путешествия и до возвращения в Гиринь прошло 129 дней. Дорога в оба конца составила 16.000 ли (единица измерения расстояний в Китае). Во время пути учёный преодолевал разные трудности с опасностью для жизни. Очень многое из увиденного Цао Тинцзе хранил в памяти, намеренно ничего не записывая. Позже учёным было сформулировано 118 пунктов из того, что было отмечено во время путешествия.

И в октябре 1885 года было скорректировано всё написанное. Вместе с тем было составлено восемь схем. Всё это легло в основу монографии под названием «Важнейшие сведения о восточной части Сибири». Цао Тинцзе стал первым китайским учёным по проведению всесторонней экспедиции и исследованию бассейна Хэйлунцзян.

Самое важное – это то, что учёный систематизировал информацию о памятниках храмов Юннин-сы и сам провёл два участка эстампов надписей на столбе. Эти надписи были найдены на остатке храмов Юннин-сы. Цао Тинцзе внимательно рассмотрел памятник храмов Юннин-сы и окружающую их географию, подробно исследовал и записал местонахождение древнего города, в котором была расположена провинциальная штаб-квартира (Нурганду-сы) династий Юань и Мин под управлением делами в бассейне Хэйлунцзян, Хэйшеньвай (в настоящее время – город Владивосток) и острова Куи-дао (в настоящее время – остров Сахалин).

Монография «Описание трёх восточных провинций с картой» (1887) написана по рекомендации губернатора Цинри Сиюань, который прочитал книги учёного «Важнейшие данные об укреплении и обороне северо-восточной границы» и «Важнейшие сведения о восточной части Сибири». В результате пу-

бликации нового исследования было откорректировано основное содержание изучаемого вопроса, представлены новые результаты по географии, археологии, этнографии и историографии по изучению приграничных районов в течение более десяти лет.

В трёх монографиях Цао Тинцзе даны крайне интересные сведения о Сахалине (в оригинальном тексте – об острове Куи-дао).

1. В истории географических открытий китайская династия имела широкие представления о Куи-дао. В книге «Шань хай цзин» («Каталог гор и морей. Древнекитайский трактат, описывающий реальную и мифическую географию Китая») в части «Восточный цзин за морем» в начале династии Сихань изложены сведения о коренных народах Куи-дао, о нивхах, живших на большом морском острове. В «Истории династии поздняя Хань» (85 свитков) в части «Жизнеописание восточных варваров» есть более подробные сведения о том, что в северном крае есть «женское государство, в котором нет мужчин». В легенде отмечается, что на территории этой земли есть «святой колодец, после тайного заглядывания в который рождается ребёнок». Впоследствии в китайских исторических хрониках и других источниках были одни и те же описания Куи-дао, например, в «Новой записи Кайюань» при династии Юань и «Записи разведки и внешних сношениях» при династии Мин. В этих книгах отмечалось, что нивхи, живущие на острове Куи-дао, волосаты, а женщины стары, их численность превышает количество мужчин. В самое позднее время с начала династии Тан Китай господствовал в бассейнах Хэйлунцзян и Уссури, включая и остров Куи-дао. В то время на острове Куи-дао было государство Люгуй, которое платило дань императору династии Тан. И император Тан также постоянно подносил дары в виде соболиного меха. Посланники под командованием Цзы Ду Вэя собирали с аборигенов дань.

Несмотря на то, что в своей работе «О Сахалине в китайскую эпоху Тан» (опубликована в Японии в 1907 году) японский исследователь Сиратори Куракити предположил, что государство Люгуй как будто расположено на более далёком полуострове Камчатке, а на острове Куи-дао могли жить племена Куем народности мохэ. По крайней мере, в то время между островом Куи-дао и династией Тан уже были установлены отношения. На основе хроники «Истории Восточной Азии»

с начала династии Тан Китай господствовал над бассейнами рек Хэйлунцзян и Уссури.

2. В своей работе «Важнейшие сведения о восточной части Сибири» учёный писал, что земли Нургань и племена Куи-дао, живущие за Нурганьским морем (по-видимому, речь шла об айнах), были завоёваны китайцами в период Юн-лэ. При этом сообщения о пограничных крепостях на северо-востоке были подвергнуты критике. Цао Тинцзе был первым из китайских исследователей, скопировавших надписи на тюркских стелах. В исследовании надписей на тюркских стелах учёный сумел прочесть 362 иероглифа на первой трёхязычной стеле и 344 иероглифа на стеле, где рассказывается о повторном строительстве храма. Согласно исследованиям, в начале XV века династия Мин завоевала остров Куву и создала Бахаир Вэй на северном побережье Сахалина, Боуохэй Вэй в реке Поронай – в центральной части, а Вухье Вэй – в реке Телихе на востоке. В целях эффективного правления низовьями рек Хэйлунцзян, Уссури и острова Сахалин, согласно официальной хронике «Мин шилу», 21 мая 1409 года была учреждена Нургань ду-сы. Местные вожди получили соответствующие их рангу китайские чины и печати. Весной 1411 года император Чэн-цзу династии Мин отправил придворного евнуха Ишиха во главе отряда из 1000 с лишним правительственных войск на пятидесяти пяти больших судах в регион Нургань. В 1413 году Ишиха добрался до низовьев Хэйлунцзян и основал храм Юннин-сы (храм Вечного спокойствия) и поставил памятник с текстовым сопровождением. В 1433 году, когда Ишиха во главе отряда из 2000 воинов снова прибыл в Нургань, от кумирни осталось лишь основание. Ишиха восстановил храм, поставил ещё одну плиту с надписями и щедро угостил местное население. Кроме того, пригласил всех жителей на запад от моря до Нурганя, включая и заморских жителей Куи-дао. Как мужчин, так и женщин Ишиха снабдил платьями и разной утварью, дал им хлеб, вино и другие кушанья. Согласно древним записям, все были рады и не было ни одного человека, который бы не изъявил покорности. От императора была пожалована золотая печать, определено место для просвещения народа, научения его почтительности и послушанию.

По приказу были поставлены две стелы с надписями об управлении местными событиями династии Мин на месте.

Цао Тинцзе подробно определил северо-восточные границы династий Мин и Цин и

политику правления этих династий. В результате исследования источников, других исторических материалов и документов Цао Тинцзе утверждал, что с древних времен бассейн реки Хэйлунцзян находился под управлением Китая.

Использованная литература: Цао Тинцзе. Важнейшие сведения о восточной части Сибири. – Режим доступа : <http://www.mdjlib.cn/showdf1.asp?id=9346> ; Цао Тинцзе. Важнейшие

данные об укреплении и обороне границы северо-востока. – Режим доступа : <http://www.guoxue123.com/other/lhcs/lhcs/611.htm> ; Сиратори Куракити. О Сахалине в китайскую эпоху Тан / пер. с яп. яз. и примеч. И. Б. Богаченко, подготовка к печати Е. В. Зарембо, введ. ст. М. С. Высокова // Краеведческий бюллетень. – № 2. – 1997. – С. 3–79 ; Артемьев, А. Р. Буддийские храмы XV века в низовьях Амура. – ИИАЭ ДВО РАН, 2005.

САХАЛИН В РАССКАЗЕ ФУМИКО ХАЯСИ «БЕЛАЯ КУРОПАТКА»

КИЁМИ ЯМАСИТА-СОКОЛОВА

В 1934 году японская писательница Фумико Хаяси (1903–1951) посетила Сахалин. Записи, сделанные в то время, вошли в эссе «Путешествие на Сахалин» («Карафутто э-но таби»). Между тем в 1951 году, спустя 17 лет, было написано ещё одно произведение – «Белая куропатка» («Райтё»). Основные события этой истории разворачиваются на Сахалине.

Герой рассказа «Белая куропатка» – студент Кэйкити. Он осуществляет поездку на южный Сахалин (в тексте – на Карафутто). По пути, в городе Вакканай на Хоккайдо, Кэйкити встречает девушку Таки. Именно с ней предстоит герою продолжить дальнейший путь.

По дороге молодые люди останавливаются в городе Сисука (в настоящее время – город Поронайск Сахалинской области). Кэйкити устраивается на работу в начальную школу этого места. В произведении описываются некоторые города на Карафутто, в том числе и Сисука. Из описаний, составленных Фумико Хаяси, можно получить сведения о Карафутто того времени. Таким образом, «Белая куропатка» становится одним из интересных, но абсолютно неизвестных в России источников о Сахалине периода юрисдикции Японии.

Тема рассказа – «пересечение границы». Иначе говоря, шаг (движение) через что-либо. И в «Белой куропатке» это показано многократно. Один из примеров «пересечения границы» – это переезд из одного города в другой. Кэйкити и Таки посещают на Сахалине такие

города, как Тоёхара, Отиай и Сируттору (в настоящее время – Южно-Сахалинск, Долинск и Макаров соответственно), а также другие места в южной части острова. В конечном итоге герои оказываются именно в Сисука.

Ещё один пример – это переезд из страны в страну. Дело в том, что Кэйкити намеревался пересечь 50-ю параллель и попасть в Советский Союз. Однако это намерение он не реализовал. Вместо этого в рассказе дается очевидный намёк на историю об известной в то время актрисе Ёсико Окада (1902–1992). В 1938 году она вместе с возлюбленным, разделявшим идеи коммунизма, пересекла 50-ю параллель и оказалась на территории Советского Сахалина. Возлюбленный был почти сразу убит, а актриса выжила и осталась в СССР.

Глядя на такую личность, как Ёсико Окада, можно думать и восхищаться силой этой женщины, способной выжить, где бы то ни было. И в рассказе «Белая куропатка» изображена сильная женщина, которая способна сделать шаг. Это Таки. Она тоже была актрисой. В городе Вакканай, как указывалось выше, Таки повстречалась с Кэйкити. Вместе они переплыли пролив Соя, прибыли на Карафутто и, посетив различные города, остановились в Сисука. Однако по прошествии какого-то времени Кэйкити бросил Таки, вернувшись в Токио. Таки же смогла самостоятельно заработать на дорогу и тоже вернулась в Токио. Мы видим, что Таки са-

мостоятельно принимает решение, свободно оставляет одно место и перемещается в другое. Это женщина, которая способна жить.

Третий пример «пересечения границы» в произведении раскрывается мотивом птицы. Показана птица, которая, прибегая к помощи ветра, дующего из Сибири, пересекает южную часть Сахалина и попадает в Японию. Птица пролетает всё то, о чём мы говорили, – города и страны. Когда Кэйки-ти видит птицу, дети сообщают ему, что это куропатка. «Белая куропатка», послужившая названием произведения, воплощает идею пересечения границы.

Таким образом, как было показано выше, Хаяси Фумико посредством произведения «Белая куропатка», показывая различные го-

рода Карафуту, выразила идею о «пересечении границы». В жизни она на поезде либо на самолёте не раз посещала разные города и страны, и можно сказать, что она сама женщина, пересекающая границы.

С другой стороны, понятие «пересечение границы» можно наделить духовным смыслом. Что если попробовать трактовать его как переход через что-нибудь внутри себя? Это то, через что переступила Окада Ёсико, то, через что переступила Таки, и, наконец, то, через что переступила Хаяси Фумико. Это пересечение женщиной своего внутреннего «Я». Вполне возможно, что Хаяси Фумико показала именно такой шаг.

Пер. с японского языка Андрея Михайловича Соколова.

ЭССЕ НАЦУКИ ИКЭДЗАВЫ «САХАЛИН, БЕРЁЗОВАЯ РОЩА НА 47° С. Ш.»: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

НИКОНОВА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА

Летом 2017 года на Сахалине побывал японский писатель и публицист Нацуки Икэдзава (род. 1945). Обладатель многочисленных литературных премий Японии, переводчик современных греческих поэтов и американских писателей, в России он известен только повестью «Я – чайка»¹⁷⁴, вошедшей в сборник японских новелл «Он».

Нацуки Икэдзава родился в городе Обиhiro на Хоккайдо, куда его родители переехали после войны. Его отец, писатель Такэхико Фукунага (1918–1979), и мать, поэтесса Акико Харадзё (1923–2003; настоящее имя – Суми Ямасита), развелись, когда мальчику было пять лет. В 1951 году мать, взяв с собой сына, переехала в Токио и во второй раз вышла замуж. Новый муж Акико усыновил Нацуки и дал ему свою фамилию – Икэдзава. В 1963 году будущий писатель стал учиться на факультете естественных и технических наук университета Сайтама, но образование

не получил. В 1974 году он стал переводить автобиографическую трилогию английского писателя Джеральда Дарелла (1925–1995). Действие книги разворачивается на греческом острове Корфу («Моя семья и другие животные» (1956), «Птицы, звери и родственники» (1969), «Сад богов» (1978)). Работа над переводом трилогии послужила поводом отправиться в 1975 году в Грецию, где писатель прожил три года. По возвращении на родину Нацуки Икэдзава опубликовал свой первый поэтический сборник «Солёный путь» (1978). В 1979 году он занимался переводом субтитров к фильму Тео Ангелопулоса (1935–2012) «Комедианты», впоследствии переводил субтитры и к другим фильмам греческого режиссёра. После выхода очередного поэтического сборника «Размышления о самой длинной реке» (1982) он перешёл к прозе. В 1988 году его повесть «Ещё живёт»¹⁷⁵ (1987) получила премию Акутагавы. Некото-

¹⁷⁴ Икэдзава Нацуки. Я – чайка; пер. с яп. Д. Рагозина / Нацуки Икэдзава // Он: Сб. новелл. – М.: Иностранка, 2003. – С. 51–140.

¹⁷⁵ Можно встретить другой перевод названия – «Натюрморт».

рое время Нацуки Икэдзава жил на Окинаве, потом переехал во Францию. С 2009 года живёт в Саппоро, последние несколько лет руководит литературным музеем Хоккайдо.

В биографии писателя обнаруживается интересный факт: в 1989 году он первый раз побывал на Сахалине. Впечатления от поездки представлены в виде эссе, которое вошло в состав книги «Остров Минамитори. Особый маршрут» (1991). Эта книга стала результатом ряда путешествий писателя по самым разным местам Японии. Целью всех поездок было увидеть привлекательные с природной точки зрения места: вулканические образования, пещеры, одиночные острова, разрушающиеся горы. В книге чётко прослеживается не только художественный, но и научный подход в изложении событий.

Причину, по которой Сахалин был включён в список мест для знакомства, сам писатель объясняет так: «...с самого начала для составления этих путевых заметок я руководствовался принципом выбирать те места на островах Японского архипелага, которые бы были интересны своей природой, и всячески старался избегать городов, достопримечательностей и фестивальных мероприятий»¹⁷⁶. Нацуки Икэдзава признаётся, что однажды он изучал метеорологическую карту, никак не связанную с государственными границами, и у него возникло сомнение в том, что японские острова географически заканчиваются Хоккайдо. Он делает предположение, что острова Японского архипелага тянутся до Сахалина, а значит, Хоккайдо и Сахалин должны быть похожи с точки зрения физической географии. Для подтверждения этой гипотезы писатель и отправляется на Сахалин. Кроме этого, называется ещё одна причина: Сахалин – это ближайшая заграница для Японии, более того, «с 1905 года на протяжении сорока лет он находился в японском владении и здесь проживало более 400 тысяч японцев»¹⁷⁷. Оба фактора способствовали тому, чтобы поездка на Сахалин состоялась.

Путешествие за границу побуждает писателя размышлять на самые разные темы. Одним из предметов размышлений стано-

вится ощущение границы: «Граница – удивительная вещь. Цвет неба, запах ветра, виды деревьев не меняются, а вот лица и фигуры людей, язык, еда резко меняются. Часто в столицу другой страны попадаешь на самолёте, поэтому ощущение границы не настолько сильное. Но если путешествуешь сухопутно или морем, это видно отчётливо»¹⁷⁸. Нацуки Икэдзава отправляется за границу на советском пароходе «Сахалин-9», который курсировал в то время между Вакканаем и Холмском.

Спустя восемь часов путешествия на пароме, писатель из порта Холмска едет в Южно-Сахалинск. Город напоминает ему, с одной стороны, греческий провинциальный городок: «широкие улицы, жилые дома с квартирами, а не частная застройка, большой парк, много деревьев, посаженных вдоль улиц, небрежность в деталях»¹⁷⁹. При этом, интересно, как писатель подмечает эти детали: например, ромбические узоры на стволах тополей, «пустоши», где растут одуванчики. С другой стороны, Южно-Сахалинск похож на его родной город Обихиро. Попытка соотнести увиденные пейзажи с тем, что он когда-то видел в других местах, наводит его на следующую мысль: «путешествие в пространстве становится своего рода путешествием во времени, в котором ты мыслями возвращаешься в прошлое»¹⁸⁰.

Интересно, что Нацуки Икэдзава не только передаёт образы с помощью слова, но и сопровождает своё повествование разными фотографиями: городской зелени, игры тени и света на улице или на доме, русской берёзы, ствола тополя с ромбическими узорами, детской игры в «крестики-нолики» на асфальте и другими. Это придаёт всему изложению не только красочность, но и достоверность.

Сахалинские пейзажи, ландшафты, климат, без сомнения, напоминают писателю Хоккайдо. Прежде всего, это заметно в рельефе, основу которого на Сахалине, так же, как и на Хоккайдо, составляют отлогие холмы, тогда как на Хонсю преобладают небольшие равнины, разделённые крутыми горами. Кроме этого, Нацуки Икэдзава приводит приме-

¹⁷⁶ Икэдзава Нацуки. *Остров Минамитори. Особый маршрут* / Нацуки Икэдзава. – Токио, 1991. – С. 102. (Здесь и далее перевод с яп. яз. А. Никоновой.)

¹⁷⁷ Там же. – С. 103.

¹⁷⁸ Там же. – С. 104.

¹⁷⁹ Там же. – С. 106.

¹⁸⁰ Там же. – С. 109.

ры того, что Сахалин и Хоккайдо схожи представителями флоры и фауны. Так, например, практически все виды бабочек, обитающих на Хоккайдо, можно встретить и на Сахалине. В тексте это объясняется тем, что раньше Хоккайдо был соединён с Сахалином, тогда как Хонсю и Хоккайдо никогда не были единым целым, а значит, «для животного мира пролив Цугару является более изолирующей границей, чем пролив Соя»¹⁸¹. Для писателя очевидно, что Сахалин с точки зрения физической географии является продолжением Японского архипелага. Более того, он понимает, что разница в этом отношении между Сахалином и Хоккайдо даже меньше, чем между Хоккайдо и Токио.

Несмотря на то, что первостепенная цель путешествия на Сахалин заключалась в подтверждении своего предположения о природном сходстве двух территорий, писатель не мог не обратить внимание на особенности жизни людей. Замечая, что в Южно-Сахалинске живёт много корейцев – с одним мужчиной он даже свободно беседует на японском языке – Нацуки Икэдзава пишет, что корейские женщины торгуют на базаре самыми разными вещами: кимчи, вязаными свитерами, редиской, цветами. Одна из причин, по которой женщины-корейки «старательно создают и продают то, чем не может обеспечить население неумело организованная экономика социализма»¹⁸², это желание заработать на свадьбу своих детей, которая, как узнаёт писатель, пышнее и дороже, чем у русских, в десять раз. В этом фрагменте он приводит любопытные цифры, которые сегодня могут показаться неправдоподобными: стоимость одной розы, продаваемой в то время корейками, была пять рублей, а месячная квартплата выходила десять-пятнадцать рублей.

Писатель обращает внимание на русские дачи, землю под которые выдают бесплатно. Не забывает он и про русскую еду, которая

может и не столь привлекательна на вид, но хороша на вкус: «ломоть простого чёрного хлеба или стакан молока, – по-настоящему вкусные»¹⁸³.

В противовес простой и вкусной русской еде, обилию деревьев и одуванчиков в городе замечается и другое: «...всего два канала по телевизору, низкосортные потребительские товары скудного выбора, медленные поезда, дороги без покрытия, неприветливые формалисты-служащие в окошках (но в противовес им – приветливые жители города), неэффективность общества в целом, недостаток информации, невозможность свободно путешествовать за границу»¹⁸⁴. Несмотря на то, что объясняется это всего лишь разницей социального строя, Нацуки Икэдзава кажется, что он попал в другое время – в своё послевоенное детство. При этом писатель не ставит Японию в пример Советскому Союзу: «Я не говорю, что, возможно, пройдёт тридцать лет и Сахалин станет таким же, или, что он должен стать таким же. Мы выбрали разные пути»¹⁸⁵. Вряд ли писатель мог тогда предполагать, что спустя 28 лет он приедет на совершенно другой Сахалин.

В эссе Нацуки Икэдзавы наряду с художественным чётко прослеживается взгляд учёного. Он вводит некоторые научные понятия, приводит исторические факты, обращает внимание на островной рельеф, растительность, указывает точные цифры, что, прежде всего, обуславливается целью поездки на Сахалин. Вместе с тем он делится своими размышлениями, достоверно изображает реалии советского прошлого, сопоставляет увиденную действительность с личным опытом. Безусловно, небольшое по размеру эссе Нацуки Икэдзавы вряд ли может быть сопоставимо с чеховскими путевыми заметками: у писателя была другая цель, тем не менее, оно также даёт определённое представление о прошлом Сахалина, его природе и социальном устройстве.

¹⁸¹ Икэдзава Нацуки. *Остров Минамитори. Особый маршрут / Нацуки Икэдзава.* – Токио, 1991. – С. 109.

¹⁸² Там же. – С. 114.

¹⁸³ Там же. – С. 117.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ КРАЕВЕДЕНИИ

УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ПРОЕКТЕ «СРАВНЕНИЯ В КНИГЕ АНТОНА ЧЕХОВА “ОСТРОВ САХАЛИН”»

ТАБАЧЕНКО ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА

Бурный рост информационного потока и развитие информационных технологий требуют ныне от сферы образования, в том числе и гуманитарного, не столько накопления учащимися определённого количества знаний и умений его воспроизводить, сколько владения гибким инструментарием оперирования полученными знаниями, владения методиками самостоятельного приобретения, систематизирования и обработки знаний, развития способности к самообучению, раскрытия познавательного потенциала обучающейся личности. Главной целью учителей-практиков, учёных и методистов является создание новой, актуальной для современной школы деятельностной модели образования, ориентированной на развитие индивидуальных образовательных потребностей и тех условий, в которых могло бы происходить деятельностное самораскрытие личности. Фундаментальной основой такой модели и призваны стать как обучение школьников исследовательским приёмам, так и сам процесс школьного учебного исследования, имеющие, по существу, деятельностный характер.

Применение метода проектов для реализации исследовательской деятельности учащихся и его всё более широкое внедрение в школьную практику является одним из приоритетов развития современного образования. Обучающие и развивающие приёмы и способы, циклы тематических уроков, семинары и элективные курсы, разработанные с учетом специфики исследовательского метода проектов, позволяют более полно учесть как особенности образовательного учреждения, так и личные склонности учащихся, в первую очередь гуманитарно ориентированных, что спо-

собствует более динамичному развитию отечественной школы, в которой всё более прочные позиции занимает профилизация обучения.

Образовательный потенциал исследовательской деятельности учащихся в проектной деятельности будет реализован в полной мере, если:

1) исследовательская деятельность учащегося будет пониматься как компонент его образовательной деятельности и направлена на реализацию и развитие его творческих познавательных способностей;

2) организация исследовательской деятельности будет основана на стимулировании интереса учащихся к самостоятельному поиску нового знания и осознанию значения этой деятельности для самореализации; на использовании педагогом метода проектов для формирования культуры исследовательской деятельности; на создании ситуаций самоопределения, саморазвития, творческого самопроектирования и реализации полученных знаний в различных жизненных ситуациях;

3) формирование исследовательской деятельности будет строиться как поэтапный проективный процесс, связанный со степенью реализации закономерных связей между процессуальными компонентами обучения (процессами преподавания и учения, целями, содержанием, методами, средствами, формами организации);

4) для стимулирования данного процесса будет использоваться специально сконструированная последовательность действий, требующая постепенного усложнения исследовательских процедур, что позволит повысить продуктивность обучения на уроках и подготовить учащихся к поиску оптималь-

ных выходов из нестандартных ситуаций¹⁸⁶.

В своём исследовании мы обратились к организации проектной деятельности старшеклассников в ходе эксперимента.

Эксперимент проходил в профильном классе (10 «А») муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения средней общеобразовательной школы № 5 г. Охи Сахалинской области (МБОУ «СОШ № 5») в течение одного учебного года под руководством учителя русского языка и литературы Натальи Трифоновны Нужиной. Исследование проводила студентка-магистрантка, обучающаяся в Сахалинском государственном университете по направлению «Педагогическое образование», профиль «Филологическое образование», Наталья Юрьевна Винник.

Отдавая предпочтение термину «учебно-исследовательская работа (далее – УИР) старшеклассников по русскому языку», мы подчеркиваем, что в учебном исследовании по сравнению с научным на первый план выдвигается образовательная, а не научная цель. Основой УИР старшеклассников по русскому языку является научное лингвистическое исследование с присущими ему чертами: поэтапностью процесса исследования, использованием лингвистических методов исследования, выбором их в зависимости от объекта исследования. Вместе с тем учебно-исследовательская работа учащихся отличается от научного исследования редукцией этапов, методики и масштаба исследования, что обусловлено образовательными целями работы: учить активному самостоятельному способу получения знаний и развивать языковую личность учащегося в процессе обучения.

Работа над проектом (исполнительский этап) началась с собеседования с учащимися, которое помогло сориентироваться в выборе темы. Учитывая, что ученики в большинстве своём проявляют интерес к языку, учитель предложил самостоятельно сформулировать проблему, подлежащую исследованию. Стоит всё же отметить, что на выбор заранее были даны несколько исследовательских тем по творчеству А. П. Чехова: «Средства художественной выразительности в произведениях А. П. Чехова», «Особенности синтаксического строя произведений А. П. Чехова» и др. Опре-

делив тему проекта – «Сравнения в книге А. П. Чехова “Остров Сахалин”», учащиеся приступили к изучению научной литературы по проблеме. Интерес старшеклассников именно к книге А. П. Чехова был обусловлен прошедшими мероприятиями, посвящёнными юбилейным датам, – 150 лет со дня рождения писателя и 120 лет путешествия А. П. Чехова на остров Сахалин. В этих мероприятиях активно участвовали и старшеклассники.

На первом этапе класс поделился на четыре группы (по желанию). Основной деятельностью учащихся на этом этапе был сбор языкового материала. Учащимся было предложено выписать сравнения из книги А. П. Чехова «Остров Сахалин», но сначала каждая группа должна была представить отчет по предварительному этапу учебно-исследовательской работы. Отчет был представлен в виде научных докладов по теме «Что такое сравнения?». В ходе работы учащиеся пришли к выводу, что «сравнение» – это не только троп, но и синтаксическая структура, представляющая собой часть простого или сложного предложения, выраженная не только с помощью особой группы подчинительных союзов, но и так называемым описательным способом с помощью слов «похожи», «кажутся» и др.

Выписывая сравнения, учащиеся каждой группы составляли свою картотеку. В процессе работы обращались к учителям и географии, и истории. Полный список сравнений из книги А. П. Чехова «Остров Сахалин», составленный школьниками по главам, включал 130 примеров.

Следующим этапом была межгрупповая деятельность по описанию, анализу, систематизации собранных языковых единиц. Результатом этого этапа их УИР стала общая карта «Образное отражение писателем действительности в книге “Остров Сахалин”», на основе которой была подготовлена презентация материалов.

Учащиеся убедились в том, что сравнения у Чехова в «Острове Сахалин» несут не только смысловую, но и эстетическую нагрузку и являются одним из важных средств выражения гражданской позиции автора.

Методическая модель учебно-исследова-

¹⁸⁶ Леонтович, А. В. Об основных понятиях концепции развития исследовательской и проектной деятельности учащихся / А. В. Леонтович // Исследовательская работа школьников. – М. : издание МГДД(Ю)Т, 2003. – № 4. – С. 12–17.

тельской работы в рамках проекта представляет собой совокупность двух блоков, основанных на ролевых характеристиках и действиях учителя и учащихся в ходе работы. Функци-

ональное значение модели состоит в том, что она включает в себя алгоритм поэтапных действий учителя и учащихся в ходе исследования (см. табл. 1).

Таблица 1

Методическая модель учебно-исследовательской работы

Этапы работы	Деятельность учителя	Деятельность ученика
1. Разработка проектного задания		
1.1. Выбор темы проекта	Составляет, отбирает возможные темы и предлагает их учащимся или участвует в обсуждении тем, предложенных школьниками	Ученики обсуждают и принимают решение по выбору темы «Сравнения в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин»»
1.2. Подготовка теоретического материала: формулировка вопросов, на которые нужно ответить, изучение литературы, работа в сети Интернет	Разрабатывает задания, вопросы для поисковой деятельности школьника, рекомендует литературу по теме исследования	Ученики изучают литературу по теме исследования, при этом работают с разными источниками
1.3. Сбор материала: составление картотеки языковых единиц	Показывает, как методом сплошной выборки составляется картотека языковых единиц	Ученики составляют картотеку языковых единиц – сравнений
2. Разработка проекта	Консультирует, координирует работу учащихся, стимулирует их деятельность	Ученики осуществляют исследовательскую деятельность: анализируют, классифицируют, описывают собранные сравнения, определяют их роль в тексте. Выполняют задания учителя по описанию сравнений
3. Оформление результатов	Консультирует, координирует работу учащихся, стимулирует их деятельность	Ученики оформляют результаты своей работы в соответствии с требованиями
4. Определение форм выражения итогов проектной деятельности	Знакомит учащихся с требованиями конференций различного уровня	Ученики обсуждают формы представления результата исследовательской деятельности: защита, доклад, статьи, сочинения-миниатюры, творческий отчет и т. п.
5. Презентация (защита проекта)	Организует экспертизу работы: пишет отзыв и находит внешних рецензентов	Ученики докладывают о результатах своей работы, готовят презентации
6. Рефлексия	Оценивает свою работу по педагогическому руководству деятельностью учащихся, учитывает их оценки	Ученики осуществляют рефлексию процесса, себя в нём с учетом оценки других

Таким образом, реализация на практике данного алгоритма исследования в полной мере обеспечивала развитие учебно-исследовательских способностей участникаоб-
тует проекта и способствовала формированию целостного восприятия книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» благодаря кропот-

ливой исследовательской работе над словом и его ролью в тексте. Кроме того, в процессе работы над проектом значительно расширился кругозор учеников в предметной области «филология», были реализованы внутрипредметные и межпредметные связи.

В результате проведенного эксперимента

по организации учебно-исследовательской работы старшеклассников в ходе выполнения проекта «Сравнения в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин»» мы получили интереснейший лингвистический материал, описание которого считаем необходимым привести в этой части данной работы. Далее остановимся на описании языкового материала, с которым работали старшеклассники в ходе проекта.

Современная языковая ситуация вновь и вновь обращает нас к таким понятиям, как «филологическая культура», «языковая личность», понятиям, хорошо известным из таких смежных областей лингвистических наук, как психолингвистика, речевая коммуникация, лингводидактика. Если под филологической культурой в широком смысле мы понимаем ответственность перед словом, умение работать со словом, интерес к феномену языка вообще, способность уважения к родному языку каждого человека, становящегося личностью, то важный источник в становлении языковой личности мы видим в изучении языка художественной литературы на материале прецедентных текстов¹⁸⁷.

Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании современной языковой личности обусловлена теми свойствами, которыми подобные тексты обладают. Во-первых, эти тексты «значимы для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях»; во-вторых, эти тексты имеют сверхличностный характер, «то есть хорошо известны широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников»; в-третьих, обращение к таким текстам происходит неоднократно в дискурсе данной языковой личности¹⁸⁸.

Знание прецедентных текстов, неоднократное обращение к ним не только повышает речевую культуру человека, но и формирует уровни структуры языковой личности (вербально-семантический, лингвокогнитивный, прагматический), является показателем принадлежности личности к данной эпохе и культуре. Состав прецедентных текстов формируется из произведений русской и мировой классики и насчитывает три способа

существования. В нашем исследовании представлен третий способ – семиотический – вторичные размышления по поводу исходного текста, когда мы используем лишь фрагменты текста, коммуникативно значимые в данном дискурсе.

Обращение к описанию сравнений в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» является, на наш взгляд, актуальным для современной теории коммуникации и лингвосомиотики. Компонент культуры, относящийся к прошлому веку, не менее актуален для века нынешнего, для ментальных характеристик коммуникативного акта сегодняшней языковой личности.

Известно, что имена выдающихся деятелей не только остаются в анналах истории. Происходит ещё один важный процесс: эти имена становятся лексическими компонентами соответствующего языкового ряда, а поскольку каждое слово порождает целые серии ассоциаций, то у имени собственного ассоциаций оказывается не меньше, чем у обычного слова. Таким ассоциативно насыщенным словом для нас стало в литературе имя А. П. Чехова. При упоминании его имени рождается ассоциативный ряд, связанный с высоким уровнем владения языком: умение писать кратко («Краткость – сестра таланта», – говорил сам А. П. Чехов), просто («волшебная способность в хаосе слов находить “простые словечки”»), образно, музыкально («звуковой оттенок придаёт каждому прозаику свойственное ему своеобразие»).

В нашем исследовании используется ассоциативный подход, с помощью которого прецедентный текст вводится в дискурс языковой личности школьника, тем самым актуализируется в интеллектуально-эмоциональном поле коммуникации. Ассоциативный подход является одним из множества существующих в психолингвистике подходов, связанных с функционированием слова в сознании человека и формирующих сознательный (лингвокогнитивный) уровень языковой личности. С помощью этого подхода мы можем найти ответ на очень важный для

¹⁸⁷ В теории речевой коммуникации существует мнение, что прецедентный текст – это реминисценция от одного слова до текста. Также к прецедентным текстам могут относиться цитаты из художественных произведений, имена собственные, например, имя известной исторической личности, персонажа какого-либо литературного произведения или даже киногероя.

¹⁸⁸ Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 2007. – С. 216.

речевой коммуникации вопрос: как автору удаётся выбрать нужную ассоциацию для более точного выражения коммуникативного намерения. В центре внимания оказываются ассоциативное значение слова, специфическая структура ассоциаций, глубинные связи и отношения, которые складываются в процессе создания словесного образа.

Одним из способов ассоциативного выражения словесного образа мы считаем сравнения как художественно-изобразительное средство. Сравнения выделяются из многочисленных и многообразных компаративных связей предметов и явлений действительности, устанавливаемых индивидуально-речевыми актами образного сопоставления. Индивидуально-творческие образные сравнения ассоциируются прежде всего со сравнениями литературными. Однако индивидуально-творческими являются также и те никак не фиксируемые образные сопоставления, которые непрерывно порождаются в повседневной устной речи. Сравнения, воспроизводимые в речи как отражение реальной действительности в коммуникативном акте, дискурсивно обусловлены и национально специфичны.

В творческой манере А. П. Чехова есть ещё одна необыкновенная черта – ярко выраженный лиризм чеховского повествования. Этот сдержанный, как будто завуалированный лиризм проявляется и в суровом гражданском повествовании «Острова Сахалин». Лиризм этот отражен в чеховских сравнениях. Сравнение стремится внести в отражение действительности то общее её понимание, которое свойственно писателю. Конкретное содержание сравнений, сопоставляемые в них явления, тот колорит, который они им придают, их функции – всё это становится моментом образного отражения писателем действительности. Слово-стимул в чеховских сравнениях вызывает совершенно неожиданную ассоциацию. Но вместе с тем слова-реакции в структуре сравнения (то, с чем сравнивается) имеют зачастую национальную маркированность.

Например:

«В первый день идти мучительно, выбиваясь из сил, на другой день болит всё тело, но идти всё-таки уж легче, а в третий и затем следующие дни чувствуешь себя как на крыльях, точно ты не идёшь, а несёшь тебя

*какая-то неведомая сила...*¹⁸⁹ (здесь и далее выделено автором. – Табаченко Т. С.).

«Это место, помимо красоты положения, чрезвычайно, богато красками, так что трудно обойтись без устаревшего сравнения с пестрым ковром или калейдоскопом».

Школьники в процессе работы с языковым материалом приходят к выводу, что сравнения у Чехова могут быть выражены лексически (то есть описательным способом) при помощи слов «подобный», «похожий», «кажется» и т. п. Эти сравнения выразительны, эмоционально-экспрессивны, сближены по функции с метафорой. Например:

«Когда усковцы со своими семьями собрались около надзирательской, где мы пили чай, и когда женщины и дети, как более любопытные, вышли вперёд, то толпа стала походить на цыганский табор».

Или:

«Чем дальше от Александровска, тем долина становится уже, потемки густеют, гигантские лопухи начинают казаться тропическими растениями, со всех сторон надвигаются тёмные горы».

Или:

«Я стоял один на корме и, глядя назад, прощался с этим мрачным мирком, оберегаемым с моря Тремя Братьями, которые теперь едва обозначались в воздухе и были похожи впотьмах на трёх чёрных монахов...»

Школьники отмечают, что ряд подобных сравнений связан у Чехова с ностальгическими настроениями, тоской по той России, которая сейчас далеко и кажется недостижимой:

«Тут даже местность похожа на Россию. Это сходство, очаровательное и трогательное для ссыльного, особенно заметно в той части равнины, где находится селение Рыковское...»

«Внешностью своею Корсаковка до обмана похожа на хорошую русскую деревушку, и притом глухую, которой ещё не коснулась цивилизация.

В Корсаковке есть дом, который своими размерами, красною крышей и уютным садом напоминает помещичью усадьбу средней руки.

Дни стояли хорошие, с ясным небом и с прозрачным воздухом, похожие на наши осенние дни».

¹⁸⁹ Далее все примеры приводятся по источнику: Чехов, А. П. Остров Сахалин / А. П. Чехов. – М. : Сов. Россия, 1984. – 368 с.

Но всё-таки наиболее употребительны у Чехова союзные сравнения (с союзами *как, как бы, как будто, словно, точно, чем, чем... тем*). Такой вывод делают школьники, выполнив ещё одно задание: проведите анализ и описание союзных сравнений. Найдите принцип классификации союзных сравнений (сравнительный оборот в простом осложненном предложении, придаточные сравнения в сложноподчиненном предложении).

Грамматическая форма таких построений весьма разнообразна, как многообразна и их семантика. Например:

«Жена его сидит около дома в палисаднике, как маркиза, и наблюдает за порядком».

«Около тюрьмы ходят часовые, кроме них, кругом не видно ни одного живого существа, и кажется, будто они стерегут в пустыне какое-то необыкновенное сокровище».

Встречаются у Чехова сложные конструкции с двойным развернутым сравнением, относящимся к одному и тому же предмету или лицу или имеющим разные объекты и признак сравнения. Например:

«Она ходит по своей камере из угла в угол, и кажется, будто она всё время нюхает воздух, как мышь в мышеловке, и выражение лица у неё мышиное».

Или:

«По дороге встречаются бабы, которые укрылись от дождя большими листьями лопуха, как косынками, и оттого похожи на зелёных жуков».

Выявление особенностей семантики союзных сравнений возможно с помощью, например, такого задания: попробуйте заменить союз КАК другими сравнительными союзами. Всегда ли возможна или удачна такая замена?

Функционально-семантический и стилистический аспекты исследования позволили школьникам в ходе работы над проектом сделать вывод о том, что в использовании сравнений Чехов достигает своей главной цели – в сознании читателя возникает нужный автору образ, отражающий действительность, дискурсивно обусловленный. Например, сравнения, отражающие внутреннее состояние людей, с которыми встречается писатель, их настроение. Чаще всего эмоции, чувства сравниваются с мрачными, унылыми картинами действительности, что отражает общее психологическое состояние Сахалинской каторги, какой её увидел

А. П. Чехов. Например:

«Ни песен, ни гармоники, ни одного пьяного, люди бродили, как тени, и молчали, как тени. Каторга и при бенгальском освещении остается каторгой...»

«Громадная казенная квартира с высокими и широкими комнатами, в которых гулко и одиноко раздаются шаги, и длинное тягучее время, которое некуда девать, угнетают его до такой степени, что он чувствует себя как в плену».

«Выражение лица не выдаёт в нём дикаря; оно у него всегда осмысленное, кроткое, наивно-внимательное; оно или широко, блаженно улыбается, или же задумчиво-скорбно, как у вдовы».

«Но скоро и это всё исчезло, и остались лишь потемки да жуткое чувство, точно после дурного, зловещего сна».

Примечательно, что если в сравнениях, используемых автором при описании внешности или внутреннего состояния человека, преобладают существительные и при них одиночные распространенные или однородные определения, эпитеты, эмоционально-экспрессивные слова, то в сравнениях, используемых Чеховым для пейзажных зарисовок, больше динамики, в обоих или в одном из элементов таких сравнений обычно есть скрытое сравнение-метафора, выраженная глаголами, глагольными формами и отглагольными существительными, поясняющими действие, состояние или признак действия. Например:

«На песке, где волны уже разбиваются в пену и, точно утомлённые, катятся назад, коричневым бордюром лежит по всему побережью морская капуста, выброшенная морем».

«Море на вид холодное, мутное, ревет, и высокие седые волны бьются о песок, как бы желая сказать в отчаянии: “Боже, зачем ты нас создал?”»

«Только на самом северном конце равнины, где местность вновь делается холмистой, природа на небольшом пространстве, у преддверия в вечно холодное море, точно хочет улыбнуться на прощание...»

Следует отметить, редко в описаниях сахалинской природы у Чехова встретишь светлые, красочные сравнения, отражающие положительное эмоциональное восприятие окружающего мира. Писатель ещё и ещё раз подчеркивает непригодность острова для жизни людей в силу невыносимых, на его взгляд, климатических и природных условий. И этот изобра-

зительный приём в описании природы достигает цели: Сахалин читателю представляется унылым, мрачным местом, в котором не может выжить человек. Кажется, что и природа ополчилась против людей, вопреки своей воле попавших на остров, и губит, убивает их:

«Ни сосны, ни дуба, ни клёна – **одна только лиственница, тощая, жалкая, точно огрызенная**, которая служит здесь не украшением лесов и парков, как у нас в России, а признаком дурной, болотистой почвы и сурового климата».

«Было темно и тихо. Море глухо шумело, и звёздное небо хмурилось, **как будто видело, что в природе готовится что-то недоброе**».

«Река Дуйка, всегда убогая, грязная, с лысыми берегами, а теперь украшенная по обе стороны разноцветными фонарями и бенгальскими огнями, которые отражались в ней, была на этот раз красива, даже величественна, но и **смешна, как кухаркина дочь**, на которую для примерки надели барышнично платье».

Такие сравнения используются и в описании сахалинских селений:

«В первые минуты, когда въезжаешь на улицу, Дуэ даёт впечатление небольшой старинной крепости: **ровная и гладкая улица, точно плац для маршировки...**»

«Теперь же почти половина домов покинута своими хозяевами, полуразрушена, и **тёмные окна без рам глядят на вас, как глазные впадины черепа**».

«**Стены и потолок, казалось, были покрыты траурным крепом, который двигался, как от ветра...** Слышались шуршание и громкий шепот, **как будто тараканы и клопы спешили куда-то и совещались**».

Выразительны у Чехова портретные характеристики. В описании внешности автор находит такие ассоциации, выделяет такие признаки для сравнений, которые вызывают сострадание к человеку, желание чем-то помочь убогому, жалкому, страдающему:

«...Все они отощали и **словно облезли**, но глядят бодро. Я был тут в 5 часов утра, когда поселенцы только что встали. Какая вонь, темнота, давка! Головы разлохмаченные, **точно всю ночь у этих людей происходила драка**, лица жёлто-серые и, спросонья, **выражения как у больных или сумасшедших**».

«...Невьющиеся жесткие волосы у них висят через лицо патлами, **точно солома на старом сарае**».

Часто объектами ассоциативных сравнений избраны представители мира природы. Словно люди, находясь в таких невыносимых условиях, теряют человеческое и во внешности, и в характере. Например:

«Ему лет сорок, и представляет он из себя человека неуклюжего, неповоротливого, как говорится, увальня, с простодушным, на первый взгляд, глуповатым лицом и с **широким, как у налим, ртом**».

«В одной избе помещается **мужик, мохнатый, как паук**, с нависшими бровями, каторжный, грязный...»

Сравнения у Чехова в «Острове Сахалин» несут не только смысловую, но и эстетическую нагрузку и являются одним из важных средств выражения гражданской позиции автора. При восприятии анализируемых сравнений в приведённых фрагментах текста актуализируется для современного читателя весь прецедентный текст, то есть приводится в состояние готовности для использования в дискурсе по разным параметрам – либо со стороны поставленных в нём проблем, либо со стороны своих эстетических (содержательных или формальных) характеристик, либо как источник определённых эмоциональных переживаний. Конечным продуктом УИР старшеклассников в ходе проекта стали интереснейшие сочинения-миниатюры «Впечатления». Приведём примеры творческих работ.

«Нам показался интересным поиск сравнений в произведении А. П. Чехова «Остров Сахалин». Использование сравнений А. П. Чеховым подчинено осуществлению главного творческого замысла: *всмотреться в реальную жизнь, исследовать и максимально правдиво показать атмосферу «каторжного» Сахалина*.

Сравнение оказывается мощным средством характеристики явлений и предметов действительности и в значительной степени способствует раскрытию авторского мироощущения, выявляя собственное отношение писателя к фактам действительности. В основном сравнение используется автором для характеристики персонажей, но у этого стилистического приёма обнаруживаются и другие функции. Так, например, сравнения часто применяются при создании фона повествования. Кроме того, сравнение позволяет передать в художественной речи манеру поведения персонажей и проявление ими чувств. Автор сознательно употребляет сравнения в произведении, так как они служат для ха-

рактеристики образа человека, его внешнего вида, манеры его поведения, а также – его эмоционального состояния. При помощи стилистического приёма сравнения достигается экспрессивность и оценочность повествования. Следовательно, сравнение – сильнейшее средство образного создания атмосферы “каторжного” Сахалина» (Ирина Т.).

«Море и небо. Эти две стихии заставляют задуматься о смысле человеческого существования, вызывают душевные волнения и тоску: “...кажется непонятным, для кого здесь ревут волны, кто их слушает здесь по ночам... и для кого они будут реветь, когда я уйду. Тут на берегу овладевают не мысли, а именно думы; жутко и в то же время хочется без конца здесь стоять, смотреть на однообразное движение волн и слушать их грозный рев” или: “...далёкий берег манит к себе, и становится грустно и тоскливо, как будто никогда” уже не выберешься из этого Сахалина”.

– Цвета, использованные при описании состояния природы, напрямую зависят от самочувствия автора. К примеру, тёмные краски (чёрный, серый, багровый) говорят о возбужденном или угнетенном состоянии Чехова. В книге видна взаимосвязь настроения Чехова и описания погоды. И сравнения помогают нам почувствовать это состояние, настроение автора: “Чаще всего мы ходили к маяку, который стоит высоко над долиной, на мысе Жонкиер. Днём маяк, если посмотреть на него снизу, – скромный белый домик с мачтой и фонарем, ночью же он ярко светит в потемках, и кажется тогда, что каторга глядит на мир своим красным глазом”. Уныние и грусть на некоторое время сменялись прекрасным настроением, и всё ему казалось благоприятным: “На Сахалине с самого моего приезда до сего дня стоит ясная, тёплая погода; лёгкие холода с инеем случаются по утрам, но земля ещё зелёная, листья не осыпались, и всё в природе обстоит благополучно”. Очень красиво такое сравнение: “Однажды в ясную солнечную погоду я видел, как с моря надвигалась стена тумана совершенно белого, молочного цвета; походило на то, как будто с неба на землю опустился белый занавес”. Если же настроение Чехова омрачено страшными картинами сахалинской действительности, то и погода в его описании приобретает мрачные оттенки: “Утро было сырое, пасмурное, холодное. Беспокойно шумело море”... “Небо серое, уны-

лое, идёт дождь”, “Широкое, сверкающее от солнца море глухо шумит внизу, далёкий берег соблазнительно манит к себе, и становится грустно и тоскливо, как будто никогда уже не выберешься из этого Сахалина”» (Ольга К.).

Таким образом, приходим к выводу, что учебно-исследовательская работа по русскому языку в старших классах способствует не только усилению положительной мотивации и исследовательского интереса в изучении русского языка, но и самопознанию, и развитию личности старшеклассников. Кроме того, работа со справочной, учебной, научной и научно-популярной лингвистической литературой, использование в проведении УИР адаптированных методов лингвистического исследования в ходе поэтапного проведения УИР, обусловленного методологией научного исследования, – всё это способствует формированию у старшеклассников лингвистической компетенции и исследовательских умений, имеющих универсальный характер. Во время УИР старшеклассников, организованной в ходе выполнения проекта, через развитие лингвистической и коммуникативной компетенции, речевой и языковой рефлексии эффективно происходит становление языковой личности старшеклассника.

Усвоение алгоритма исследования способствует формированию научного мировоззрения учащихся. Значительно расширяется кругозор учеников в предметной области «филология». Технология учебного исследования вооружает учащихся универсальными способами учебной деятельности, даёт импульс к саморазвитию, способности к самоанализу, самоцелеполаганию, самоорганизации, самоконтролю и самооценке.

Успешность занятий языком определяют не только знания и умения, но и чувство языка, любовь к слову. Общение с текстами мастеров слова и воспитывает это чувство прекрасного, чувство гармонии.

Использованная литература: Абрамова, С. В. Лингвистические интересы современных старшеклассников / С. В. Абрамова // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Материалы Международной научной конференции «VIII Кирилло-Мефодиевские чтения», 15–18 мая 2007 г. – М., 2007. – С. 124–129 ; Белогрудова, В. П. Об исследовательской деятельности учащихся в условиях проектного метода / В. П. Белогрудова // Иностранные языки в школе. – 200. – № 8. – С. 6–11 ; Борисенко, Н. А. Как мы работали

над проектом, или Технология исследовательской деятельности учащихся: метод проектов / Н. А. Борисенко // Литература в школе. – 2002. – № 7. – С. 39–47; Быстрова, Е. А. Программа элективного курса «Русский язык и культура» для школ гуманитарного профиля / Е. А. Быстрова // Мир русского слова. – № 4. – 2003. – С. 65–69; Исследовательская деятельность учащихся в современном образовательном пространстве : сборник статей // под общ. ред. канд. псих. наук. А. С. Обухова. – М. : НИИ школьных технологий, 2006 ; Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 4-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004 ; Леонтович, А. В. Об основных поняти-

ях концепции развития исследовательской и проектной деятельности учащихся / А. В. Леонтович // Исследовательская работа школьников. – М. : издание МГДД(Ю)Т, 2003. – № 4. – С. 12–17 ; Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева [и др.] ; под ред. Е. С. Полат. – 2-е изд., стер. – М. : изд. центр «Академия», 2005 ; Огольцев, В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В. М. Огольцев. – М., 2001 ; Чехов, А. П. Остров Сахалин / А. П. Чехов. – М. : Сов. Россия, 1984.

ЯПОНСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА САХАЛИНЕ: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК

КАН АЛИНА ВЛАДИМИРОВНА

Сегодня существует немало доказательств тому, что русский язык становится всё более востребованным, хотя ещё сравнительно недавно он не пользовался особой популярностью среди иностранцев.

Стоит отметить, что для изучающих любой иностранный язык необходимы лаконичные, адаптированные под уровень их знаний тексты для отработки навыка чтения, понимания и аудирования: воспринимаемые и со своего голоса, и с голоса другого человека.

Так как Сахалин посещали многие японские писатели, то представленный материал может быть полезен и интересен при изучении русского языка иностранцами и, в частности, японцами. Обратимся к именам Кэндзи Миядзавы и Харуки Мураками – к ярким представителям японской литературы разных направлений и остановимся на одном из общих периодов их жизни, а именно – на знакомстве с Сахалином.

Кэндзи Миядзава (宮沢賢治, 1896–1933) прибыл на Сахалин в самом начале августа 1923 года, впечатления от этой поездки легли в основу его сказки «Сахалин и август» (「サガレンと八月」). Спустя 80 лет в июле 2003 года остров встретил современного писателя

и переводчика Харуки Мураками (村上春樹, род. 1949). Упоминание о Сахалине, а вместе с ним и об Антоне Павловиче Чехове можно найти на страницах романов «Охота на овец» (「羊をめぐる冒険」, 1982), «1Q84» (2009) и других книг.

Отрывки из произведений двух писателей, а также краткие биографические сведения предложим для отработки на уроках русского языка иностранным слушателям первого года обучения. Тексты переведены с японского и адаптированы для начинающих. Также стоит отметить, что все буквы «ё» пропечатаны, что должно облегчить понимание и внести ясность при прочтении некоторых слов. Числительные и сокращения (например, см. – сантиметры) тоже представлены в полном варианте.

Вместе с этим, следуя принятой в европейской и отечественной традиции, при назывании японских авторов имя ставится на первое место, а фамилия – на второе. Японские имена собственные мужского рода с окончанием на гласные «а», «я» или на согласный «н» (единственно возможная в японском языке одиначная согласная буква) в русских текстах, рекомендованных для чтения иностранцами, изменяются по падежам и по числам.

I. Миядзава Кэндзи (宮沢賢治)

Кэндзи Миядзава – знаменитый японский поэт и писатель. Он родился в 1896 (тысяча восемьсот девяносто шестом) году. Миядзава жил в префектуре Иватэ. Его отца звали Сэйдзи, а мать – Ити. В семье было пять детей. Миядзава был самым старшим. Отец владел ломбардом. Миядзава не любил работу отца. Это стало причиной конфликта.

В 1921 (тысяча девятьсот двадцать первым) году Миядзава уехал из дома в Токио. В Токио он узнал о творчестве Хагивары Сагитаро. Это вдохновило Миядзаву. Он начал писать сам.

Вскоре Миядзава вернулся домой и стал работать учителем. Его сестра Тоси болела. Миядзава очень любил свою сестру. 27 (двадцать седьмого) ноября 1922 (тысяча девятьсот двадцать второго) года Тоси умерла. Это стало серьёзным ударом для писателя.

Вскоре произошло ещё одно трагическое событие. Ученики Миядзавы совершили кражу. Кража произошла в школе. И Миядзава решил помочь своим ученикам. Он поехал на Сахалин в поисках работы для них. На Сахалине жил друг Миядзавы, который содействовал в этом вопросе. Друг работал на заводе «Одзи Сэйси». Другой причиной поездки на Сахалин стало желание Миядзавы встретиться с умершей сестрой. И он приехал, чтобы найти на острове дорогу в потусторонний мир.

Миядзава прибыл на Сахалин в августе. Это был 1926 (тысяча девятьсот двадцать шестой) год. После приезда Миядзава отправился из Одомари (современное название – город Корсаков) в Сакаэхаму (современное название – посёлок Стародубское). В Сакаэхаме он гулял ночью по побережью и ждал встречи с сестрой. Сахалин казался поэту и писателю мистическим местом. Остров

вдохновил Миядзаву на цикл стихов «Охотская элегия» и сказку «Сахалин и август». Сказка не была закончена¹⁹⁰.

Вопросы для проверки:

1. Когда родился Кэндзи Миядзава?
2. Почему в семье был конфликт?
3. С чьим творчеством Миядзава познакомился в Токио?
4. Что произошло 27 ноября 1922 года?
5. Почему Миядзава поехал на Сахалин?
6. Что Миядзава делал на острове?

Вот фрагмент из сказки «Сахалин и август» в переводе. Перевод адаптирован для чтения иностранными слушателями¹⁹¹.

«Сахалин и август»

«Зачем ты сюда пришёл? Что ты хочешь найти?»

Ветер дует с гор на западе. Он треплет мою жёлтую поношенную куртку. Я продолжаю идти вперёд.

«Я работаю помощником в школе сельского хозяйства. Поэтому я пришёл, чтобы собрать образцы».

Я смотрю на небо. Я вижу, как тают облака и небо становится безоблачным. В моих словах звучит гордость. Ветер гуляет по волнам и не слышит мой ответ. И, кажется, не услышит, как бы громко я не кричал.

«Зачем ты сюда пришёл? Что ты хочешь найти?»

Я думал, что ветер не будет больше говорить со мной. Поэтому я молча смотрел на море. Однако он снова мягко подул.

«Что ты делаешь? О чём думаешь? На что смотришь? Что ты хочешь найти?» Наконец, я вновь заговорил.

«Не нужно уходить так быстро. Если спрашиваешь, то хорошо бы и ответа дожидаться». Но ветер снова разорвал фразу на кусочки. Что ж, он действительно плохой собеседник.

¹⁹⁰ 宮沢賢治は有名な日本の詩人と作家です。かるが1896年に生まれました。宮沢さんは岩手県に住んでいました。彼の父親の名前は誠二郎で母親のはイチでした。兄弟姉妹は五人でした。宮沢さんは長兄でした。宮沢誠二郎さんは質屋を営んでいました。賢治さんは父親のお仕事が気に入らなかったのです。それは紛争引き起こしました。1921年に宮沢さんは家を出て東京に引っ越ししてしまいました。丁度その時、東京で萩原朔太郎様の創造性を学びました。それはインスピレーションとして宮沢さんを鼓舞しました。その時から彼は自分自身で詩等が書けることになりました。時間が経って、宮沢さんは家に帰って教師として勤め始めました。妹のトシさんは病気になりました。宮沢さんは妹さんのことがとても好きでした。1922年11月27日にトシさんが亡くなりました。本当の大惨事でした。そして他の悲劇的な出来事がありました。誠二郎さんの生徒たちは盗難を犯しました。その盗難は学校で起こりました。宮沢さんには生徒たちを助けようと思いました。宮沢さんは彼らのために仕事を探しにサハリンに行きました。サハリン州に手伝うことが出来る宮沢さんの友達に住んでいました。その友達は王子製紙と言う工事で働いていました。サハリンに行く理由はもう一つありました。宮沢さんは妹さんの魂に会いたかったことです。サハリン州で死後の世界に導く道を探しに行きました。宮沢さんは8月にサハリンに来ました。それは1926年でした。大泊（現在のコルサコフ市）と言う場所に到着した後から、堺浜（現在のスタログロブスコエ決済）へ出発しました。堺浜で夜の時海岸を歩き妹と会合を待っていました。サハリン州は神秘的な場所のように見えました。その影響を受け入れて「オホーツクエレギー」と言う詩のサイクルと「サガレンと8月」の昔話を書きました。その昔話は終わっていないものです。

¹⁹¹ Здесь и далее все переводы выполнены нами. – А. К.

Разговор не заладился, и я собрался уходить, махнув рукой.

Море у берегов города Сакаи было зелено-голубым. Береговая линия изрезана. Я сделал глубокий вдох и снова пристально посмотрел на воду.

Подул ветер. Он меня успокаивал. В этот момент я увидел ракушку. Она лежала на песке у меня под ногами. В ней было круглое сквозное отверстие. Утро было холодным и неприветливым, но находка вселяла надежду. Это был прекрасный образец. Я поднял ракушку и положил её в мешок. Звук волн стал громче. Казалось, что они говорят. «Что ты будешь делать с этой ракушкой? Она очень маленькая. Зачем она тебе нужна?»

«Я – помощник в школе. Это образец», – прокричал я неожиданно для себя. У ног шумно заплескались волны. Прилив спрашивал: «Это – просто ракушка! Что ты с ней будешь делать?» Я закричал ещё громче в ответ. «Не имеет значения! С вещами не обязательно что-то делать! Ты знаешь это лучше меня!»¹⁹²

Вопросы для проверки:

1. Где находится главный герой?
2. Кем он работает? Что главный герой делает на работе?
3. О чём герой и ветер разговаривают?
4. Для чего нужны различные вещи в мире?

Сказка, принадлежащая перу Кэндзи Миядзавы, достаточно сложна в понимании, поскольку акцентирование идёт не на самом смысле (сюжете), а на эмоциональных переживаниях автора. Олицетворение моря и ветра приводит читателей в небольшое замешательство, поскольку сложно понять, кто с кем разговаривает и для чего необходим диалог.

Текст хорошо подходит для отработки навыка чтения в его непосредственном проявлении и ответах на простые вопросы (например, «Куда герой положил ракушку?»).

Однако для пересказа этот текст сложен, так как в нём сюжетная линия не выделена чётко.

Для сравнения обратимся к текстам Харуки Мураками. Язык в его книгах не такой сложный и легче воспринимается; предложения намного лаконичнее и яснее, с ясно выраженным информационным посылом. Это делает тексты лёгкими для пересказа и понимания.

II. Мураками Харуки (村上春樹)

Харуки Мураками родился в 1949 (тысяча девятьсот сорок девятом) году. Мураками часто пишет о России. В своих произведениях он нередко называет имена Фёдора Михайловича Достоевского и Антона Павловича Чехова. В 1982 (тысяча девятьсот восемьдесят втором) году Мураками написал роман «Охота на овец». В романе упомянут Сахалин.

Мураками посетил Сахалин в 2003 (две тысячи третьем) году. Он приехал летом, в июле. Важно, что Чехов тоже начал знакомство с Сахалином в июле. Это должно быть символично. Мураками приехал с другом и переводчиком Дмитрием Викторовичем Ковалениным. Они пробыли на Сахалине всего пять дней. По словам писателя, Сахалин похож на небольшой японский город. Во время поездки Мураками описал, как можно путешествовать по Дальнему Востоку. Именно это задание он и получил от издательства журнала «Title» перед поездкой.

После путешествия в 2009 (две тысячи девятый) году Мураками написал роман «1Q84». В книге упоминается книга Чехова «Остров Сахалин». О русском писателе Мураками рассказывает в первом томе. Наверное, не случайно, перед посещением Сахалина Мураками настоятельно советовал прочитать книгу Антона Павловича Чехова «Остров Сахалин»¹⁹³.

Вопросы для проверки:

1. Кого Мураками часто называет в своих книгах?

¹⁹² Miyazawa Kenji «Pora-no hiroba» // Tankobon hardcover: Sagaren to hchigatsu // Kadokawa-bunko, Kadokawa-shoten: Tokyo, 1996. – 57 p.

¹⁹³ 春樹村上は1949年に生まれました。村上さんはしばしばロシアについて書いています。村上さんの作品ではフォードドストエフスキー小説家とアントンチェーホフ劇作家の名前を言及されています。1982年に村上さんは「羊をめぐる冒険」を書きました。その小説の中にサハリン州について書かれています。2003年、村上さんはサハリン州を訪れました。到着した時は夏の7月でした。チェーホフさんの旅と同じ月でとても重要なことに見えています。村上さんは友達で翻訳者のドミトリーコバレニンと一緒にサハリンに訪れました。5日間だけ滞在してていました。村上さんによるとサハリン州は日本の小さな街のような場所です。旅行中でどのように遠東の旅をするか書いていました。それは「タイトル」雑誌からのお仕事でした。旅の後2009年に村上さんは「1Q84」の小説を書きました。その小説にチェーホフの「サハリン州」と言う本について書かれています。最初巻で読めるものです。おそらく村上さんにはサハリン州に来る前にチェーホフの本を読むべきだと言うのは偶然ではありません。

2. В каких книгах Мураками пишет о Сахалине?
3. Когда писатель приехал на остров?
4. С чем Мураками сравнивает остров?
5. Что писатель советует сделать перед посещением Сахалина?

Вот два фрагмента из романов Мураками.

«Охота на овец»

Глава первая. 25 (двадцать пятое) ноября 1970 (тысяча девятьсот семидесятый) год.

Пикник в среду после обеда.

О смерти девушки мне сообщил приятель. Он увидел заметку в газете и позвонил мне. Он медленно прочитал мне её по телефону. Заметка была простой. Видимо, её написал молодой выпускник института. Он написал, когда и кто совершил наезд на потерпевшую. Написал, что подробности выясняются. Заметка была похожа на короткое стихотворение, какие печатают на последних страницах журнала.

Я спросил: «Где будут похороны?»

«Я не знаю», – ответил приятель. «У этой девушки была семья?»

Да, семья у неё была.

В этот же день я позвонил в полицию. В полиции мне дали адрес и номер телефона. Я созвонился с родными, узнал дату и время похорон.

Они жили в Ситамати. Я открыл карту Токио и обвёл их дом красным маркером. Это был старый район. Он находился на окраине Токио. Линий метро, электричек и автобусов было так много, что легко было запутаться. Улицы и канавы в том районе узкие и похожи на трещинки у дыни.

В день похорон я поехал на электричке. Я сел на станции Васэда и вышел перед конечной остановкой. Я развернул карту района. Она была больше похожа на карту мира. Я покупал сигареты и спрашивал у продавцов правильную дорогу.

Её дом был коричневым. Вокруг дома стоял забор. Я перелез через ворота и попал в сад. Он был очень тесный. В углу сада я нашёл жаровню. Она была старая и глиняная. Ею не пользовались, и в жаровне скопилось дождевая вода. Вода залила жаровню на 15 (пятнадцать) сантиметров. Земля в саду была мокрой и тёмной¹⁹⁴.

Вопросы для проверки:

1. Какую новость главный герой узнаёт в начале романа?
2. С чем заметка ассоциируется у героя?
3. Почему он едет в Ситамати?
4. Как герой находит правильную дорогу?
5. Что он находит в саду?

«1Q84»

В такси играет радио. Звук тихий. Играет классическая музыка. Это «Симфониетта». Произведение Яначека. Машина стоит в пробке. В пробке такую музыку не слушают. Водитель тоже не похож на любителя классической музыки. Он среднего возраста и похож на моряка. Кажется, он знает, какие волны опасные, а какие нет. Водитель всю дорогу молчит.

Он внимательно смотрит на машины вокруг. Аомамэ вжалась в сидение. Она прикрыла глаза и слушает музыку. Кто легко узнаёт «Симфониетту» Яначека? Сколько таких людей в мире? Точного ответа нет. «Очень мало». Или «почти нет таких людей». Однако Аомамэ знает это произведение. Яначек написал его в 1926 (тысяча девятьсот двадцать шестом) году. Во вступлении слышатся фанфары. Фанфары служили гимном для спортивного фестиваля.

Аомамэ представила Словакию в 1926 (тысяча девятьсот двадцать шестом) году. Закончилась Первая мировая война. Закончилась тирания Габсбургов. Люди сидят в тавернах. Они пьют пиво. Они производят классные пулемёты. В Центральной Европе наступило мирное время. Люди наслаждаются миром¹⁹⁵.

Вопросы для проверки:

1. Где и с кем находится Аомамэ?
2. Какая музыка играет по радио?
3. На кого похож водитель такси?
4. Сколько людей знает «Симфониетту»?
5. О чём думает Аомамэ?

Краткая биография и отрывки из произведений носят ознакомительный характер и должны заинтересовать иностранцев к самостоятельному прочтению романов, а также к более глубокому изучению творческого пути писателей.

Наслаждаться чтением на русском достаточно сложно, но иностранные слушатели будут иметь возможность сравнивать тексты

¹⁹⁴ Murakami Haruki «Hitsuji-wo meguru bouken» // Kodansha: Tokyo, Bukyo-ku, 1985. – 231 p.

¹⁹⁵ Murakami Haruki «1Q84» // Shinchosha: Japan, Tokyo, Shinjuku-ku, 2009. – 554 p.

на родном для них языке, что, в свою очередь, облегчает понимание синонимичных слов и вносит ясность в употребление тех или иных падежей. Знакомство с редко употребляющимися в повседневной речи словами (например, «тирания», «жаровня» или «таверна»), словами (например, «пробка») с главным и переносным значением (вторичной производной) будут интересны и полезны для изучающих русский язык на продвинутом уровне.

Отметим, что академическое знание всех языковых единиц в предложении не всегда гарантирует понимание смысла написанного, поэтому не стоит акцентировать внимание на дословном понимании текстов и значении каждого из слов. При прочтении важно, чтобы слушатель мог уловить общий смысл прочитанного, и вопросы после текста дают возможность проверить полное или неполное, правильное или неправильное понимание. Также можно попросить пересказать текст одного из слушателей и дать возможность остальным дополнить пересказ запомнившимися им деталями.

Так как основной целью при изучении иностранного языка в современном мире ставится умение решать коммуникативные задачи по-

средством изучаемого (иностранного) языка, то можно, кроме предложенных вариантов, воспользоваться проблемным методом и провести небольшую дискуссию о возможном поведении слушателей на месте главного героя. Например, попросить подумать и, подкрепив двумя-тремя аргументами, ответить на следующие вопросы: «Как бы вы поступили, узнав о смерти знакомого по телефону?», «Какие чувства должен испытывать человек, чтобы спорить с ветром и волнами?», «Почему находка (ракушка с отверстием) стала хорошим знаком для героя?», «Стоило ли перелезть через забор и почему не постучать в двери?» и любые другие, ответы на которые не даны в самом тексте, а требуют рассуждений.

Знакомство с предложенными отрывками из художественных произведений Кэндзи Миядзавы и Харуки Мураками основывается не только на оттачивании знаний русского языка, но и на приобретении информации по литературному краеведению Сахалина и Курильских островов. Вместе с этим японские слушатели отрабатывают навыки русской речи на материале своей национальной литературы, работая с русским переводом и обращаясь в случае необходимости к оригинальному японскому тексту.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА САХАЛИНА

ТОПОНИМ «САХАЛИН» В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВА

НИКОЛАЕВА КРИСТИНА ИГОРЕВНА

Происхождение слова – одна из загадок человеческого бытия, а сложность иероглифического текста представляет трудность для перевода. Особенно для первого этапа – анализа. В современной китайской публицистике в основном используются около 4,5 тысячи общеупотребительных иероглифов. Разберем на конкретных примерах иероглифическое написание топонима «Сахалин».

Древнее название острова Сахалин уходит своими корнями в те времена, когда его населяли коренные жители. Как известно, айны называли остров Лаер-куе (“Laer-kuе”), а впоследствии просто Куе (“Kuе”). Это название впервые встречается в надписях на каменных плитах в провинции Тэ-линь в устье реки Хэйлунцзян (Амур), где расположен буддийский храм Нуэргань-Юн-шень. Текст был написан на девятом году правления императора Сюаньцзуна (годы правления – 712–756), во время карательной экспедиции против сахалинских айнов¹⁹⁶. Название, которое используется сегодня, появилось намного позднее. Во все времена народы занимались изучением окружающих и прилегающих земель. Так, маньчжуры в XIX веке устремили свой взгляд на восток. При создании карты открытых земель картографы дали название реки Амур – «Сахалян-Улла», что в переводе означает «Скалы чёрной реки» (об этом факте упоминал А. П. Чехов в своей книге «Остров Сахалин» (1895)). В «Карте императора Ханси» французский географ и картограф Жан Батист д’Анвиль рядом с изображением Сахалина поместил

такую надпись: «Имя, которое обычно дают этому острову, “Сагалиен-Анга-Хата”»¹⁹⁷. При изучении карт тех времен исследователи ошибочно отнесли это название к нашему острову. Так, Сахалин получил известное всем название.

Однако в современном китайском языке остров Сахалин имеет два названия. Оба названия сформированы одним и тем же способом – фонетическим заимствованием. Здесь же заметим, что традиционно при переводе географических названий существуют три способа передачи:

- 1) фонетическая транскрипция;
- 2) смысловой перевод;
- 3) смешанный вид перевода (совмещает в себе транскрипцию и смысловой перевод).

Существует несколько видов фонетической транскрипции: практическая транскрипция – запись иноязычных имён и названий, способ включения слов одного языка в речь другого с приблизительным сохранением звукового облика этих слов, но также с возможным учётом написания в оригинале и сложившихся традиций. Рассмотрим все варианты слова «Сахалин» в китайском языке:

1. Записанное тремя иероглифами 萨哈林 [sàhālín]¹⁹⁸ – современное название острова – образовано путем фонетической транскрипции, а не смысловым переводом. Это можно доказать двумя способами. Во-первых, фонетически название острова произносится так же, как в русском языке. Во-вторых, с помощью разбора иероглифов, входящих в состав слова:

¹⁹⁶ См.: Сиратори Кураити. О Сахалине в китайскую эпоху Тан / пер. И. Б. Богаченко // Сахалинский исторический журнал. – Режим доступа : www.sakhalin.ru/Region/HistoricalJornal/tan.htm

¹⁹⁷ Маньчжуры на Сахалине // История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия : учеб. пособие для студ. высш. уч. заведений по спец. «История» / М. С. Высоков, А. А. Василевский, А. И. Костанов, М. И. Ищенко ; отв. ред. д. и. н. М. С. Высоков. – Южно-Сахалинск : Сах. кн. из-во, 2008. – С. 290.

¹⁹⁸ В скобках дано чтение иероглифического написания в системе тонов при помощи диакритических знаков.

– первый иероглиф 萨 [sà] – служит для записи слога [sa] в иностранных заимствованиях;

– второй иероглиф 哈 [hā] – звукоподражание смеху, выдоху, гневу, а также для записи имён собственных, географических объектов;

– третий иероглиф 林 [lín] – лес, также используется для записи имён собственных, географических объектов.

2. 库页 [kùyè] – устаревшее название острова Сахалин, которое тоже образовано путем фонетической транскрипции с айнского языка. Детальный разбор иероглифов здесь сложен. Иероглифы, входящие в состав слова, не употребляются как звукоподражательные или используемые для записи иностранных слов. Но первый иероглиф 库 употребляется для записи фамилий. Допускается, что это слово могло возникнуть с помощью смешанного вида перевода, смыслового и фонетического:

– первый иероглиф 库 [kù] – сокровищница, высшее качество, используется для записи фамилий;

– второй иероглиф 页 [yè] – лист, страница.

Таким образом, можно сделать вывод, что новые слова в китайском языке возникают через использование разных способов. В случае со словом «Сахалин» использовался способ фонетической транскрипции (как айнского слова «Куге», так и закрепив-

шегося в русском языке слова «Сахалин»). Можно предположить, что китайцы, которые занимались исследованием новых земель, использовали иероглиф 库 именно со значением «сокровищница», но увязать смыслы двух иероглифов 库 и 页 вместе довольно сложно, поэтому вариант с фонетической транскрипцией кажется наиболее правдоподобным. Зато с современным словом «Сахалин» в китайском языке не возникает никаких вопросов по поводу его использования в языке.

Сегодня в речи современных китайцев используются оба слова, но устаревшее название «Куге» (库页) встречается нечасто. Вероятно, что это связано и с тем, что немногие сахалинцы знают, что их остров назывался раньше именно так, а название «Сахалин» известно по всему миру.

Примечательно, что именно название Куге используется писателем Чжаном Сяотянем (1939–2016) в книге «Памятники Юннин» (1979).

Использованная литература: Иконникова, Е. А. Тема Сахалина в произведениях на китайском языке // Литература Сахалина и Курильских островов : учеб. пособие / отв. ред. Е. А. Иконникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Южно-Сахалинск : ОАО «Сахалинская областная типография», 2015. – С. 121–125 ; Большой китайско-русский словарь / ред. И. М. Ошанин. – М. : Наука, 1983.

РОДОВЫЕ ЭТНОНИМЫ НИВХОВ САХАЛИНА

ЛАЙГУН НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА

Название родовых этнонимов нивхов и их семантическое значение до сих пор вызывают большой интерес у специалистов.

Наиболее богатый материал о нивхских родах собран доктором филологических наук Е. А. Крейновичем и описан в книге «Нивхгу» (1973, 2001). В «Нивхско-русском словаре» (1970) В. Н. Савельевой и Ч. М. Таксами представлены названия ро-

дов нивхов, но не даются их толкования. Кроме того, Ч. М. Таксами в своей работе «Основные проблемы этнографии и истории нивхов» (1975) зафиксировал у сахалинских и амурских нивхов около 100 названий родов¹⁹⁹. А. В. Смоляк в своей работе «Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина» и в период экспедиции на Сахалине с 1958–1963 годы²⁰⁰ зафиксиро-

¹⁹⁹ Таксами, Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов / Ч. М. Таксами. – Л. : Наука, 1975. – С. 92.

²⁰⁰ Смоляк, А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина / А. В. Смоляк. – М. : Наука, 1975. – С. 82.

ронала более 50 названий нивхских родов Сахалина: на восточном берегу Сахалина – 14 родовых названий, в северной части западного берега, в Охинском районе – 20, на реке Тымь, в южной части западного берега, в Александровск-Сахалинском районе – 16.

Первый исследователь нивхского языка Л. Я. Штернберг указывал на то, что многие названия родов у нивхов происходят от названий селений, то есть это показывает то, что было исконным местопребыванием того или иного рода²⁰¹. Каждый нивхский род имел собственное название, и нивхи чётко осознавали структуру своего рода, свою принадлежность к нему и соблюдали родовые традиции. Это находило отражение в названиях родов.

Некоторые исследователи считают, что нивхские рода, носящие название зверей или птиц, отражают тотемистические представления. Л. Я. Штернберг делает вывод о том, что у нивхов много родов, ведущих своё происхождение от тигра, медведя, змеи²⁰². И это подтверждают легенды, сказки, предания нивхов, записанные в своё время Б. О. Пилсудским, Л. Я. Штернбергом, Е. А. Крейновичем, В. З. Панфиловым, Г. А. Отаиной, В. М. Санги. Все работы этих учёных являются ценным источником для изучения особенностей образования топонимов и родовых этнонимов нивхов и их происхождения. Происхождение исконных родовых этнонимов у нивхов и их толкование нуждаются ещё в более развёрнутом исследовании.

В настоящее время только нивхи старшего поколения (но их остаётся всё меньше и меньше) помнят родовую принадлежность своих родителей, легенды о происхождении родов и их значение. На сегодняшний день нивхи среднего и молодого возраста стали часто задавать вопросы и интересоваться, из какого они рода, как он называется и что это означает. Этимологию некоторых родовых названий объяснить крайне сложно, но исследование родовых этнонимов необходимо продолжать.

На основании ряда архивных материалов,

литературы и полевых материалов, собранных нами с 1974 по 2015 год, рассмотрим происхождение названий родов нивхов Сахалина²⁰³.

Родовые названия у нивхов можно разделить на следующие группы:

– **название родов, которые связаны с топонимами, указывающими местожительство того или иного рода, то есть носящие территориальный характер, например:** Род Руивн жил в селении, которое стояло на берегу реки Руи (русское название реки – река Александровка), то есть данный род жил на берегу реки Руи; название рода Шаннивонгун произошло от селения Шанни, которое находилось в 40 верстах к северу от Александровска, так же называлась речка, на которой было расположено это селение²⁰⁴. Род Тыкфинц – нивхи, живущие в стойбище Тык; род Саквонгун – нивхи, живущие в селение Сакво, на правом берегу реки Тымь; род Вияхтывонц – нивхи, живущие в селение Вияхту, расположенном у озера;

– **терминов, отмечающих деятельность этого рода или его особенности, отличающих деятельность этого рода от других (например, по внешнему облику, по характеру деятельности, а также особенностям отношения к чему-либо):** род Лумпин – от «лумп» – соболю, соболиный род, то есть этот род владел соболиными угожьями, соболиными речками; название рода П'няган образовано от существительного «нях» – «глаза, глаз» и возвратно-определятельного местоимения «п'и» – «себя, сам», то есть увидеть своими глазами;

– **ритуальных обрядов, например:** Лезнран – происходит от ритуальных обрядов; амбара для хранения медвежьих костей;

– **наименований животных, птиц, рыб:** Кегнанц – название мелкой нерпы, Тевркайрш – от слова «теврқ», что значит птичка, пташка; Арқ'ифинц, – от слова «аршки» – корюшка;

– **наименований деревьев:** Ёйвонгун – лиственница;

– **прозвищ людей:** название рода «Т'архон» – от слова «т'арсод» – шуметь. Нивхи этого рода, когда охотились на нерпу, очень шумно себя вели, громко разговаривали,

²⁰¹ Штернберг, Л. Я. *Семья и род у народов Северо-Восточной Азии* / Л. Я. Штернберг // Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера. Материалы по этнографии. – Т. 3. – Л., 1933. – С. 51.

²⁰² Там же. – С. 111.

²⁰³ Автор особо благодарит нивхов: А. В. Азмуна, Д. Н. Нырка, М. Я. Яргину, В. И. Медунову, Ч. Пугнатову, Т. Я. Лайгун, А. Чавлик, В. В. Напуенко, М. С. Паркизину, П. Лузгина, Е. В. Очан и других людей, оказавших большую помощь в сборе исследуемого языкового материала.

²⁰⁴ Штернберг, Л. Я. *Материалы по изучению гильяцкого языка и фольклора* / Л. Я. Штернберг. – СПб., 1908. – С. 169.

шумно бегали по берегу, то есть производили шумные действия, поэтому называли этот род Т'архонгун (информант М. Я. Яргина, 1926 г. р., с. Ныврово, п-ов Шмидт). Печканни – род нивхов, которые жили на полуострове Шмидта. В этом роду нивхи сами ели кривую навагу, а гостей всегда угощали хорошей и вкусной навагой. Поэтому этот род стали так называть (информант Е. В. Очан, 1952 г. р., проживает в с. Некрасовка Охинского района). Тёранн – Чоранн – Чоңыки – от слова «чоңыки» – рыбий хвост²⁰⁵;

– **названий месяцев:** Арлоң – мужской месяц; Хирлоң – гнилой месяц;

– **названий родов, имеющих название пространственной ориентации:** Авңгун, Авонгунн, Анагунн – «живущий вниз по реке»; Кекрвонгунн, К'эвнн, К'эвнгуң, К'эвонгунн – «живущий вверх по реке к северу»²⁰⁶;

Таңгивонгун – живущие в селении у водного пространства вдали от берега; Кокрпингунн – низовые нивхи, живущие ниже, жители с. Пильгун.

Родовые названия нивхов Сахалина приведены ниже в сводной таблице.

Таблица

Родовые названия нивхов Сахалинской области

№	Нивхское название родов и их написание	Район и населённый пункт, в котором проживали рода	Значение родового названия	Русское написание родов
1.	Арқ'ифинн	Александровск-Сахалинский район, с. Арково	Живущие в стойбище, где много корюшки (от слова «аршки» – корюшка)	Аркифин
2.	Виях-тивонн	Александровск-Сахалинский район, с. Вияхту	От слова «виахр» – морской моллюск, «ту» – озеро, то есть род, живущий у озера, где водятся морские моллюски	Вияхты-вонгун
3.	Руивн	Александровск-Сахалинский, нивхское название с. Руиво		Руивон-гун
4.	К'рыус'ин К'рыус-фингу, хозяин рода – филин	Александровск-Сахалинский район, с. Агнево	Живущие у скалистого мыса; к'шы – скалистый мыс на море	Крыусфингун
5.	Шаннивон-гун, хозяин рода – тигр	Александровск-Сахалинский район, с. Шанни, с. Танги, с. Трамбаус, с. Виахту	Живущие у реки, где водится рыба «тшани», – чебак	Шанивонгун
6.	Тыкфинн	Александровск-Сахалинский район, с. Тык, с. Виахту	От слова «тык» – берестяная чумашка, то есть место, похожее на берестяную чумашку	Тыкфингун
7.	Таңгивон-гун, хозяин рода – медведь	Александровск-Сахалинский район, с. Танги	Живущие в селении у водного пространства вдали от берега	Тангивонгун
8.	Хойфинн	Александровск-Сахалинский район, с. Хоэ, река Хой	От слова «хой» – таймень, то есть на этой реке таймень ловили	Хозфингун
9.	Авонгунн	Тымовский район, с. Адо-Тымово	Селение, которое находится вниз по реке	Авонгун
10.	Анагунн			Анагун
11.	Амгвонн	Тымовский район	Люди, живущие в крайних домах	Амгвонгун
12.	Акрвонн			Акрвонгун
13.	Анңыво			Аннывон-гун

²⁰⁵ Лайгун, Н. А. Семантика личных имён нивхов / Н. А. Лайгун // Б. О. Пилсудский исследователь народов Сахалина: материалы международной научной конференции 31 октября – 2 ноября 1991 г. Южно-Сахалинск. – Т. 2. – Южно-Сахалинск : Сах. обл. краевед. музей, 1992. – С. 41–42.

²⁰⁶ Крейнович, Е. А. Об именах пространственной ориентации в нивхском языке. Палеоазиатские языки / Е. А. Крейнович. – Сб. научных трудов ; отв. ред. П. Я. Скорик. – Л. : Наука, 1986. – С. 163.

№	Нивхское название родов и их написание	Район и населённый пункт, в котором проживали рода	Значение родового названия	Русское написание родов
14.	Высквонц, хозяин рода змея	Тымовский район, с. Вискво, с. Усково	От слова «выскт» – организовывать борьбу, бороться, мериться силами, то есть в этом селении проводились национальные игры, борьба	Высквонгун
15.	Тлавонцгун	Тымовский район, с. Тлаво	От слова «тлад» нереститься, тлаф – место, где нерестится рыба	Тлавонгун
16.	Тлалунг	(с. Славо), с. Чир-Унвд		
17.	Ахрвонц	Тымовский район	Живущие, вниз по течению реки	Ахрвонн
18.	Егвонц	Тымовский район		Егвон
19.	Койвонц	Ногликский район, Тымовский район	Лиственница	Койвонгун
20.	Пльыфвонц	Тымовский район, с. Ыркыр – нивхское название, с. Иркир	От слова «пльыф» – поляна, то есть селение Пльыфво, находящееся на поляне	Пльыфвонгун
21.	Саквонц	Тымовский район, с. Сакво		Саквонгун
22.	Урмыквонц	Тымовский район, с. Чириво, с. Пливо, с. Наухормово, с. Потово	Нивхи этого рода внимательно, хорошо слушали, урд – хорошо, мыд – слушать	Урмыквонгун
23.	Хуннивонц	Тымовский район, с. Хунни, с. Хуми		Хунивонгун
24.	Чирифонц	Тымовский район, с. Чириво	От слова «чир» – новое, «во» – селение, то есть новое селение	Чирифонгун
25.	Ч' х арнбиц	Тымовский район	От слова «ч' х ах» – опушка леса; род, живущий у опушки леса, лесные люди; «хар» – ствол, «ч'хархархарпанднт» – дерево несколькими стволами растёт (из одного корня)	Чхарнбингун
26.	Ч'аврквонц	Тымовский район, с. Чириво		Чаврквонгун
27.	Ыркыршпинц	Тымовский район, с. Ыркыр (Иркир)	От слова «ыркыр» – берег с крутым берегом	Ыркыршпингун
28.	К'енабун	Тымовский район	Верхние жители	Кенабунгун
29.	Аквонц	Ногликский район	Живущие, вниз по течению реки	Аквонг
30.	К'энивгун	Ногликский район, с. Кевво	Живущие вверх по течению реки	Кевонгун
31.	К'эвонгун			
32.	Кедаунг	Ногликский район		Кедаунгун
33.	Кекрвонг	Ногликский район, с. Кекрво	1) Территория вверх по течению реки, то есть нивхи, живущие в селении, находящемся вверх по течению реки; 2) морские жители, то есть живущие у моря	Кекрвонгун
34.	Кокрпингунц	Ногликский район	Низовые нивхи, живущие ниже, жители с. Пильтун	Кокрпингун
35.	Любункал	Ногликский район		Любункал
36.	Лавнкхал	Ногликский район	Слово «ла» с нивхского означает Амур, «к'алц» – «халц» означает род, то есть род связан с амурскими нивхами	Лавнгун
37.	Масквонц	Ногликский район, с. Маскво	От слова «масксо» – красноперка, т. е. всё лето из залива идёт красноперка. Данный род жил в селении у залива	Масквовонгун

№	Нивхское название родов и их написание	Район и населённый пункт, в котором проживали рода	Значение родового названия	Русское написание родов
38.	Пильдаунг	Ногликский район	Пилд – большой	Пильдаунгун
39.	Тлаглун	Ногликский район	От глад – нереститься, тлаф – место, где нерестится рыба	Тлаглунгун
40.	Тывлинфинг Тывнынкал	Ногликский район, с. Тывливо	Это слово образовано от «тив-ладь» – быть холодным, «қ'алң» – род, то есть холодное место	Тывнынкал
41.	Тыгмыфчинң	Ногликский район, с. Тыгмыч		Тыгмыфчин- гун
42.	Кегнан	Охинский район	Название мелкой нерпы	Кегнангун
43.	Кознанкал	Охинский район		Кознан- калгун
44.	Лезнран	Ногликский район, Охинский район: с. Луполово, с. Чингай	От слова «лезң» – небольшой свайный амбар для хранения медвежьих костей и ритуальных предметов	Лезнран
45.	Т'архон	Охинский район, с. Ныврово, п-ов Шмидт, с. Некрасовка	Наименование рода происходит от прозвища людей (от слова «Т'архойд» – шуметь)	Тархон
46.	Тевркайрш	Охинский район	От слова «теврқ» – птичка, пташка	Тевркайрш
47. 48. 49.	Тёран Ч'оран, Ч'оныки	Охинский район, с. Пырки	От слова «ч'о ныки» – рыбий хвост	Тёран Чоран Чоныки
50.	Нёньлак	Охинский район		Нёньлакгун
51.	Ноґлан	Охинский район, Ногликский район	От слова «ноґл» – пахнущий, вонючий	Ноґлан
52.	Пилавон	Охинский район	От слова: «пилд» – большое; «во» – селение, то есть род жил в большом селении	Пилавонгун
53.	Палхпин	Охинский район	От слова «пал» – гора, то есть род, живущий у горы	Палхпин
54.	П'няґан	Охинский район	Образовано от существительного «нях» – «глаза, глаз» и возвратно-определятельного местоимения «п'и» – «себя, сам», то есть увидеть своими глазами, что делается	Пняґан
55.	Пыркифин	Охинский район	От слова «пырк»: 1) каша, смешанная с кетовой икрой, приправленная нерпичьим жиром и травами, т. е., жители данного селения часто употребляли в пищу эту еду; 2) от слова «пырын» – равнина, то есть население находится на равнине	Пыркифин
56.	Тамливон	Охинский район	От слова «тамла» – многочисленный род	Тамливон
57.	Тарґонң	Охинский район	От слова «тар» – водное пространство, примыкающее к берегу, т. е. селение находилось у водного пространства, где жил этот род	Тарґонгун
58. 59.	Товнунң, Товнынң	Охинский район, с. Наньво		Товнун Товнын

№	Нивхское название родов и их написание	Район и населённый пункт, в котором проживали рода	Значение родового названия	Русское написание родов
60.	Хирлоң	Охинский район	Название месяца «гнилой месяц»	Хирлон
61.	Хэйхнын	Охинский район, с. Зелёный гай		Хыйхнынгун
62.	Хутыран	Охинский район		Хутырангун
63.	Ч'евун	Охинский район, с. Чингай		Чевонгун
64.	Ч'ыйвунгун			Чыйвунгун
65.	Ч'омипин	Охинский район, с. Теньги	От слова «ч'о» – рыба	Чомипингун
66.	Ч'фаун	Охинский район		Чфаунгун
67.	Ч'фынунң	Охинский район		Чвынунгун
68.	Ыҕнынң	Охинский район		Ыгнынгун

Таким образом, большинство из рассмотренных родовых этнонимов интерпретируются и связаны они с топонимами, указывающими на местожительство того или иного рода. То есть родовые этнонимы носят территориальный характер. В родовых названиях слово «во» означает «селение», суффиксы «ф», «пин» или «фин» свидетельствуют о «месте жительства», «қ'алң» – «ҳалң» означает «род» (это слово образовано от нивхского слова «қ'а», что значит как имя).

Использованная литература: Крейнович, Е. А. Нивхгу / Е. А. Крейнович. – Южно-Сахалинск : Сахалин. кн. изд-во, 2001 ; Крейнович, Е. А. Об именах пространственной ориентации в нивхском языке. Палеоазиатские языки : сб. науч. трудов / отв. ред. П. Я. Скорик. – Л. : Наука, 1986 ; Лайгун, Н. А. Семантика личных имен нивхов // Б. О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина: материалы международной научной конференции 31 октября – 2 ноября 1991 г. г. Южно-Сахалинск. – Т. 2. – Южно-Сахалинск : Сахалин. област. краевед. музей, 1992. – С. 40–45 ; Отаина, Г. А. Нивхские то-

понимы / Г. А. Отаина // Филология народов Дальнего Востока (ономастика). – Владивосток : ДВНЦАН СССР, 1977 ; Панфилов, В. З. Грамматика нивхского языка / В. З. Панфилов. – Ч. 1. – М–Л. : Наука, 1962 ; Савельева, В. Н. Нивхско-русский словарь / В. Н. Савельева, Ч. М. Таксами. – М. : Сов. энциклопедия, 1970 ; Таксами, Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов / Ч. М. Таксами. – Л. : Наука, 1975 ; Смоляк, А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина / А. В. Смоляк. – М. : Наука, 1975 ; Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края / Л. И. Шренк. – Т. 3. – СПб. : Издание Императорской академии, 1903 ; Штернберг, Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны / Л. Я. Штернберг. – Хабаровск : Дальгиз, 1933 ; Штернберг, Л. Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора / Л. Я. Штернберг. – СПб., 1908 ; Штернберг, Л. Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. «Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера. Материалы по этнографии» / Л. Я. Штернберг. – Т. 3. – Л., 1933.

ИЗУЧЕНИЕ СУБСТАНТИВНОЙ ТОПОНИМИИ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЧИКОВА ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА

В работе известного топонимиста Андрея Васильевича Барандеева «История географических названий. Русская топонимия в тер-

минах» отмечается, что только с 1970-х годов топонимика и топонимия наконец получают свой чёткий терминологический статус ба-

зовых, условных терминов науки о географических названиях²⁰⁷. Однако многие неспециальные словари общего пользования продолжают фиксировать устаревшие значения этих двух терминов.

В настоящей статье и в совместном с Н. А. Лайгун учебном пособии «Лингвокраеведение в школе и в вузе (на материалах субстратной топонимии Сахалинской области – нивхской, орокской (уильтинской), эвенской, айнской, русской)» (1999, 2006) следующие термины понимаются на основании словаря Н. В. Подольской (1978):

1) ономастика – раздел языкознания, изучающий любые собственные имена²⁰⁸;

2) топонимика – раздел ономастики, изучающий топонимы, закономерности их возникновения, развития, функционирования²⁰⁹;

3) топонимия – совокупность топонимов²¹⁰;

4) топоним (географическое название, географическое имя) – разряд онимов. Собственное имя любого географического объекта, в том числе гидроним, ойконим, ороним, спелеоним, хороним, урбаноним, дромоним, агроном, дримоним²¹¹;

5) субстратный топоним – иноязычный топоним (или элемент топонима), вошедший в топонимическую систему данного этноса на данной территории из топонимии предшествующего этноса на той же территории²¹².

В настоящее время осуществляются разные подходы к исследованию топонимического материала²¹³, то есть изучаются:

1) семантика имен (имена и значения);

2) имена в повседневной коммуникации (их привязанность к пространству и времени);

3) особый подход к изучению гидронимов (названий всех водных объектов), оронимов (названий всех форм рельефа), инсулонимов (названий островов и т. д.) – как наиболее древних топонимов;

4) топонимы, годонимы, антропонимы – местность, персонаж, автор в художественном произведении;

5) фамилии, клички, прозвища, формы обращения, псевдонимы и их функции;

6) имена в песнях и пословицах;

7) имена животных, кораблей, самолётов, коммерческие имена, астронимы в текстах и на картах;

8) этнонимы как разряд имен собственных.

К этнонимическим названиям относят названия родов, кланов и фамилий (часть рода): двойные, девичьи, говорящие, частотные, редкостные и т. д., то есть некоторые лингвисты относят к этнонимам широкий круг объектов, не разделяя этнонимы и номинации – включают иногда расовый признак и ареал проживания (семиты, европейцы, американцы). Хотя есть и «чистые» этнонимы (китайцы, французы), но иногда одним словом называют и язык, и группу народностей (язык банту, народ банту).

Н. А. Лайгун продолжает исследовать этнонимизмы в топонимическом материале Сахалинской области. Ее интересуют этнонимы – названия разных родов нивхов. Как это проходит через топонимию, показывают её выводы, предварительные, требующие дальнейшего глубокого анализа.

А. А. Бурыкин в монографии «Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства» (2006) отличает: «Языковой материал, представленный географическими названиями и этнонимами – названиями народов и отдельных территориальных групп, при его рассмотрении в плане установления языковой принадлежности имён собственных, локализации и установлении значения топонимов позволяет соотнести полученные результаты с известными историко-этнографическими построениями и представить ос-

²⁰⁷ Барандеев, А. В. История географических названий. Русская топонимия в терминах / А. В. Барандеев. – М. : Книжный дом «Либроком», 2010. – С. 155.

²⁰⁸ Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – С. 97.

²⁰⁹ Там же. – С. 143

²¹⁰ Там же. – С. 151.

²¹¹ Там же. – С. 135.

²¹² Там же. – С. 142.

²¹³ Горяев, С. О. Итоги и перспективы ономастической науки: взгляд из Оксфорда / С. О. Горяев, Д. В. Спиридов // Вопросы ономастики. – Екатеринбург : изд-во Уральского ун-та. – 2016. – Т. 13. – № 2. – С. 190–218.

нову для новых гипотез и теорий...»²¹⁴.

В этом плане интересно также привлечение не только этнотопонимов, но и микро-топонимов Сахалинской области, не подвергающихся ещё исследованию.

И последнее к перечисленным выше подходам к исследованию топонимического материала – это 9) имя и грамматика.

В уже названном совместном пособии Н. А. Лайгун и Т. В. Чиковой было заявлено о работе авторов над второй частью пособия, что было связано как раз с подходом – имя и грамматика, с имеющимися трудностями в написании, произношении, склонении, стилистическом употреблении.

Об этих трудностях пишет А. В. Барандеев в главах своей монографии: «Нерешённые вопросы орфографии топонимов» (2010)²¹⁵, «Склоняются ли топонимы на – а, – я?»²¹⁶, «Традиционная форма иноязычных топонимов»²¹⁷.

Он относит к трудным случаям: «Употребление прописных и строчных букв», «Раздельное, слитное и дефисное написания отдельных групп топонимов и употребление в этих группах прописных и строчных букв».

В учебниках географии в различных словарях встречается разноречие в этих написаниях, «приводящий к увеличению числа неунифицированных форм». Далее А. В. Барандеев отмечает, что с момента выхода «Правил русской орфографии» (1956) «...прошло полвека, за это время шире стал круг топонимов. Подлежащих орфографической унификации».

Он рекомендует:

I. В строго литературном (письменном) употреблении однословные топонимы с финалиями – а, – я по действующим грамматическим нормам русского языка должны склоняться:

1) если топоним употребляется без географических терминов: на Ваге, в Сигулде, в Гайане, на Сходне, в Лиепая, в Гамбии;

2) если топонимы употребляются в функции приложения (то есть в сочетании с географическим термином) и род географического термина совпадает с родом топонима:

в деревне Ольховке, на реке Висле, в пустыне Сахаре, в реке Бурее, за рекой Варей, в столице Филиппин Маниле, в столице Индонезии Джакарте;

3) если топонимы употребляются в сочетании с географическими терминами мужского рода – «райцентр», «город» и род географического термина не совпадает с родом топонима: в райцентре Истре, из города Симлы, у города Вереи, в городе Софии.

II. В строго литературном письменном употреблении однословные топонимы с финалиями – а, – я не склоняются в функции приложения:

1) если женский род топонима не совпадает со средним или мужским родом таких географических терминов, как болото, урочище, село, селение, местечко, озеро, государство, курорт, остров, штат и т. п.: в урочище Барвиха, около села Добринка, на озере Имандра, около курорта Гагра, на острове Куба, в штате Алабама;

2) если топонимы обозначают малозначительные или малоизвестные географические объекты и возможно омонимичное совпадение таких топонимов с названиями группы *pluralia tantum*: у села Бабурка, в селе Ерзовка, от села Ралёвка.

III. В устно-разговорном употреблении однословные топонимы с финалиями – а, – я должны склоняться независимо от наличия или отсутствия при них географических терминов, в том числе терминов «райцентр», «город»: в райцентре Истре, в Истре, в городе Кремоне, в Кремоне.

Топонимы указанного типа не склоняются в случае несовпадения рода географического термина с родом топонима: в штате Алабама (но в Алабаме), на острове Куба (но на Кубе).

IV. В профессиональном употреблении однословные топонимы с финалиями – а, – я не склоняются во избежание возможных ошибок, неточностей и двусмысленности в их восприятии (различные документы официально-делового стиля и профессиональная разговорная речь).

²¹⁴ Бурькин, А. А. *Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства (топонимика и этнонимика Восточной Сибири)* / А. А. Бурькин. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2006. – С. 218.

²¹⁵ Барандеев, А. В. *История географических названий. Русская топонимия в терминах* / А. В. Барандеев. – М. : Книжный дом «Либроком», 2010. – С. 158–166.

²¹⁶ Там же. – С. 167–173.

²¹⁷ Там же. – С. 174–178.

У А. В. Барандеева по сравнению с правилами, изложенными Д. Э. Розенталем в «Справочнике по правописанию и литературной правке», в главе «Приложения – географические названия»²¹⁸ представлены урочища, болота и учтены особенности их функционирования в трёх различных стилистических сферах. Но у Д. Э. Розенталя приведены правила согласования географических терминов «станция». Порт с их названиями (не согласуются) и улица (дифференцированно).

Продолжая перечислять направления, хотела бы назвать: 10) имя и лексикография.

В статье «Итоги и перспективы ономастической науки: взгляд на Оксфорда» (2016) С. О. Горяев и Д. В. Спиридонов (Уральский федеральный университет) пишут о том, что в словарных статьях топонимических словарей должны быть представлены: этимологизация топонимов, физико-географические описания названных объектов и этнокультурная информация, а орфоэпические особенности, написание и склонение они не выделяют, оставляя их на усмотрение составителей.

Известны топонимические словари Сахалинской области:

- 1) С. Д. Гальцев-Безюк «Топонимический словарь Сахалинской области» (1992)²¹⁹;
- 2) Ф. И. Пыжьянов «Курильские острова (словарь по истории географических названий)» (1998)²²⁰;
- 3) сборник К. М. Браславца «История в

названиях на карте Сахалинской области» (1983)²²¹.

К сожалению, в представленных в них топонимах не проставлены ударения, невозможно определить, согласовывается ли топоним с географическим термином в речи (устной, письменной), что в основном касается топонимов с финалиями – а, – я.

Как произносить: Ноторо²²², Ульва²²³, Музьма²²⁴, Осьма²²⁵, Дуэ²²⁶.

Какой слог в этих топонимах ударный – не отмечено. В изданиях Ф. И. Пыжьянова и К. М. Браславца все топонимы набраны одним шрифтом – не используется заглавная буква.

Необходим словарь топонимов Сахалинской области с указанием ударения, склонения, с показателями грамматического рода и числа.

В топонимическом словаре «От Або до Ясной Поляны по карте Приморского края» (2010), составленном О. Л. Рублёвой, ударение отмечается подчёркиванием, в заголовочной строке даются сведения о склонении, грамматическом роде и числе.

Например:

1. Комаровка, – и, ж., ед. (со сл. село доп. не скл.)²²⁷.
2. Медвежий Кут, Медвежьего Кута, –м, ед. (со сл. посёлок не скл.)²²⁸.
3. Линеви́чи, – ей, мн. (со сл. село доп. не скл.)²²⁹.
4. Лукашевка, –и, ж, ед. (со сл. село доп. не скл.)²³⁰.
5. Лотос, – а, ж, ед. (со сл. озеро не скл.)²³¹.

²¹⁸ Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д. Э. Розенталь. – М. : Айрис-пресс, 2012. – С. 283–285.

²¹⁹ Гальцев-Безюк, С. Д. Топонимический словарь Сахалинской области / С. Д. Гальцев-Безюк. – Южно-Сахалинск : Дальнев. кн. изд-во, Сах. отд-ие, 1992. – 220 с.

²²⁰ Пыжьянов, Ф. И. Курильские острова (словарь по истории географических названий) / Ф. И. Пыжьянов. – Южно-Сахалинск : Государственный архив Сахалинской области, 1998. – 224 с.

²²¹ Браславец, К. М. История в названиях на карте Сахалинской области / К. М. Браславец. – Южно-Сахалинск : Дальнев. кн. изд-во, Сах. отд-ие, 1983. – 144 с.

²²² Пыжьянов, Ф. И. Курильские острова (словарь по истории географических названий) / Ф. И. Пыжьянов. – Южно-Сахалинск : Государственный архив Сахалинской области, 1998. – С. 117.

²²³ Гальцев-Безюк, С. Д. Топонимический словарь Сахалинской области / С. Д. Гальцев-Безюк. – Южно-Сахалинск : Дальнев. кн. изд-во, Сах. отд-ие, 1992. – С. 140.

²²⁴ Браславец, К. М. История в названиях на карте Сахалинской области / К. М. Браславец. – Южно-Сахалинск : Дальнев. кн. изд-во, Сах. отд-ие, 1983. – С. 69.

²²⁵ Пыжьянов, Ф. И. Курильские острова (словарь по истории географических названий) / Ф. И. Пыжьянов. – Южно-Сахалинск : Государственный архив Сахалинской области, 1998. – С. 122.

²²⁶ Браславец, К. М. История в названиях на карте Сахалинской области / К. М. Браславец. – Южно-Сахалинск : Дальнев. кн. изд-во, Сах. отд-ие, 1983. – С. 36.

²²⁷ Рублёва, О. Л. От Або до Ясной Поляны по карте Приморского края, школьный топонимический словарь / О. Л. Рублёва. – Владивосток : изд-во ПИППКРО, 2010. – С. 92.

²²⁸ Там же. – С. 112.

²²⁹ Там же. – С. 106.

²³⁰ Там же. – С. 107.

²³¹ Там же.

6. Наездник, – а, м, ед. (со сл. бухта, посёлок не скл.)²³².

Составитель пишет:

«Поскольку многие топонимы в сочетании с географическим термином (город, село, река, гора, мыс и т. п.) имеют тенденцию к неизменяемости (из Камня-Рыболова, но из села Камень-Рыболов), при них приводится помета типа: (со сл. посёлок доп. не скл.). Некоторые мемориальные топонимы (например о. Попова), представляющие собой эллиптическую застывшую форму родительного падежа (о <имени> Попова), не склоняются и употребляются только в сочетании с географическим термином (у острова Попова, на острове Попова), употребление без него характерно лишь для разговорной речи (катер до Попова), а склонение – для просторечия (живу на Попова). Такие названия сопровождаются пометой “неизм.”, а род и число указываются по объекту (например, Попова, неизм., м. ед.)²³³.

Дефисное написание и заглавная буква во второй части топонима, состоящего из двух слов, характеризуются в заголовочном слове:

1. Николо-Львовское, -ого, ср, ед. (со сл. село доп. не скл.)²³⁴.

2. Новая Москва, Новой Москвы, ж., ед. (со сл. село не скл.)²³⁵.

3. Новая Сила, Новой Силы. -ж, ед. (со сл. село не скл.)²³⁶.

Возвращаясь к мысли о необходимости «Топонимического словаря Сахалинской области (произношение, написание, склонение)», отмечу, что этимологизацию топонимов, физико-географические описания названных объектов и данные культурно-исторического характера всегда можно узнать из уже вышедших топонимических словарей Сахалинской области.

Использованная литература: Барандеев, А. В. История географических названий. Рус-

ская топонимия в терминах / А. В. Барандеев. – М. : Книжный дом «Либроком», 2010 ; Лайгун, Н. А. Лингвокраеведение в вузе и в школе (на материале субстратной топонимии Сахалинской области – нивхской, орокской (уильтинской), эвенкийской, айнской, русской) / Н. А. Лайгун, Т. В. Чикова. – 2-е изд., исп. и доп. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2006 ; Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978 ; Бурыйкин, А. А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства (топонимика и этнонимика Восточной Сибири) / А. А. Бурыйкин. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2006 ; Правила русской орфографии и пунктуации. – М. : Учпедгиз, 1956 ; Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д. Э. Розенталь. – М. : Айрис-пресс, 2012 ; Горяев, С. О. Итоги и перспективы ономастической науки: взгляд из Оксфорда / С. О. Горяев, Д. В. Спиридонов // Вопросы ономастики. – Екатеринбург : изд-во Уральского ун-та, 2016. – Т. 13. – № 2. – С. 190–218 ; Гальцев-Безюк, С. Д. Топонимический словарь Сахалинской области / С. Д. Гальцев-Безюк. – Южно-Сахалинск : Дальнев. кн. изд-во, Сах. отд-ие, 1992 ; Пыжьянов, Ф. И. Курильские острова (словарь по истории географических названий) / Ф. И. Пыжьянов. – Южно-Сахалинск : Государственный архив Сахалинской области, 1998 ; Браславец, К. М. История в названиях на карте Сахалинской области / К. М. Браславец. – Южно-Сахалинск : Дальнев. кн. изд-во, Сахалин. отд-ие, 1983 ; Рублёва, О. Л. От Або до Ясной Поляны по карте Приморского края, школьный топонимический словарь / О. Л. Рублёва. – Владивосток : изд-во ПИППКРО, 2010.

²³² Рублёва, О. Л. От Або до Ясной Поляны по карте Приморского края, школьный топонимический словарь / О. Л. Рублёва. – Владивосток : изд-во ПИППКРО, 2010. – С. 120.

²³³ Там же. – С. 4.

²³⁴ Там же. – С. 124.

²³⁵ Там же. – С. 125.

²³⁶ Там же.

**САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА:
язык, литература, культура**

Сборник статей

*Ответственный редактор
Иконникова Елена Александровна*

Корректор В. А. Яковлева.

Верстка Г. С. Артюхова.

Подписано в печать 24.04.2019. Бумага «IQ Allround».
Гарнитура «Minion Pro». Формат 60х84 $\frac{1}{8}$. Объем 13 усл. п. л.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100 экз.). Заказ № 521-19.

Сахалинский государственный университет
693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.
Тел. (4242) 45-23-16, факс (4242) 45-23-17.
E-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru,
polygraph@sakhgu.ru